

O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI
KRIMINOLOGIYA TADQIQOT INSTITUTI

O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI
KRIMINOLOGIYA TADQIQOT INSTITUTI

KRIMINOLOGIYA

XALQARO ILMIY-AMALIY JURNAL

КРИМИНОЛОГИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

CRIMINOLOGY

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

KRIMINOLOGIYA	XALQARO ILMIY-AMALIY JURNAL
КРИМИНОЛОГИЯ	МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
CRIMINOLOGY	INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

United Nations
Office on Drugs and Crime

ISSN 3060-5369

№1 – 2026

№1 – 2026 (3)

© O'zbekiston Respublikasi
Kriminologiya tadqiqot instituti

Jurnal 2025 yil 23-yanvarda
O'zbekiston Respublikasi
Prezidenti Administratsiyasi
huzuridagi Axborot va ommaviy
kommunikatsiyalar agentligi
tomonidan ro'yxatga olingan
Ro'yxat raqami C-5669705.
Guvohnoma № 584299.

O'zbekiston Respublikasi Oliy
attestatsiya komissiyasi
Rayosatining 2025-yil 13-iyundagi
370/5-son qarori bilan yuridik
fanlar bo'yicha falsafa doktori
(PhD) va fan doktori (DSc) ilmiy
darajasiga talabgorlarning
dissertatsiyalari asosiy ilmiy
natijalarini chop etish uchun
tavsiya etilgan jurnallar ro'yxatiga
kiritilgan.

Materiallarda keltirilgan fakt va
raqamlar, ko'chirmalar, iqtisodiy
statistik ma'lumotlar rostligi va
aniqligi uchun muallif javob beradi.

Muallif fikri tahririyat nuqtai
nazaridan farq qilishi mumkin

Maqolalar har qanday usulda to'liq
yoki qisman ko'chirilib bosilganida
«O'zbekiston Respublikasi
Kriminologiya tadqiqot institutining
«Kriminologiya» xalqaro ilmiy-
amaliy jurnali»dan olinganligi
ko'rsatilishi shart.

Tahririyatga kelgan qo'lyozma
taqriz qilinmaydi.

- Muassis** ▫ O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI KRIMINOLOGIYA TADQIQOT INSTITUTI
- Hammuassislar** ▫ BMTning Jinoyat va narkotiklar bo'yicha Markaziy Osiyo mintaqaviy boshqarmasi (UNODC)
- Turkiya Hamkorlik va muvofiqlashtirish agentligi (TIKA)

TAHRIR KENGASHI RAISI

Berdialiyev Baxtiyor Erkinovich
Institut boshlig'i, yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori

TAHRIR KENGASHI A'ZOLARI

Gordeyev Sergey Nikolayevich
O'zbekiston Respublikasi Prezidenti
Administratsiyasi sho'ba mudiri, yuridik
fanlar doktori, professor

Safarov Jahongir Ismailovich
O'zbekiston Respublikasi Prezidenti
Administratsiyasi mas'ul xodimi, yuridik
fanlar doktori, dotsent

Rajapov Azamat Xudaynazarovich
O'zbekiston Respublikasi Vazirlar
Mahkamasi mas'ul xodimi, yuridik fanlar
bo'yicha falsafa doktori

Rustambayev Mirzayusup Xakimovich
O'zbekiston Respublikasi Jamoat
xavfsizligi universiteti boshlig'i, yuridik
fanlar doktori, professor

Xatamov Rustam Abduganiyevich
O'zbekiston Respublikasi IIV
Akademiyasi boshlig'i, yuridik fanlar
bo'yicha falsafa doktori, dotsent

TAHRIR HAY'ATI A'ZOLARI

▫ O'zbekistonlik ekspertlar

Adilkariyev Xojimurod
To'xtamurodovich
yuridik fanlar doktori, professor

Abdurasulova Qumrinisa Raimqulovna
yuridik fanlar doktori, professor

To'laganova Gulchehra Zaxitovna
yuridik fanlar doktori, professor

Arziqulov Dilshod Ne'matovich
psixologiya fanlari doktori, professor

Kaxarova Munira Maxamadjanovna
siyosiy fanlar doktori

Yarov Bekmamat Alikulovich
filologiya fanlari bo'yicha falsafa doktori,
bosh muharir

▫ Xorijiy ekspertlar

Alauxanov Esbergen Orazovich
Qozog'iston Respublikasi Milliy fanlar
akademiyasi faxriy akademigi , yuridik
fanlar doktori, professor (Qozog'iston)

Li Chan Jen
Senxua universiteti Jamoat xavfsizligi
masalalari bo'yicha Xeyfey ilmiy
tadqiqot instituti Hodisalarni tekshirish
markazi direktori o'rinbosari, professor
(Xitoy)

Purvi Poxariyal
Milliy kriminologiya va sud ekspertizasi
instituti rahbari, yuridik fanlar doktori,
professor (Hindiston)

Tunde Andera Barabash
Milliy kriminologiya instituti boshlig'i,
yuridik fanlar doktori, professor
(Vengriya)

Dr. Jassim Muhammad al-Obaidli
IIV Politsiya akademiyasi huzuridagi
Xavfsizlik ilmiy tadqiqotlar markazi
markazi rahbari (Qatar)

Nugmanov Azat Rimovich
IIV Ufa yuridik universiteti Kriminologiya
va jinoyat huquqi kafedrasi boshlig'i
o'rinbosari, yuridik fanlar nomzodi
(Rossiya)

8
14
19
31
38
44
50
62
67
75
87
92
97
103
108
114
119
124
130
137
144

XALQARO HUQUQ VA ILG'OR XORIJIY TAJRIBA

Berdialiyev B.E. Yaponiyada jinoyatchilikning oldini olishda ijtimoiy profilaktikaning zamonaviy strategiyalari
Alauxanov Ye.O., Abdramanova N.K. Atrof-muhitni jinoiy-huquqiy himoya qilish: xalqaro huquq va Qozog'iston Respublikasi tajribasining integratsiyasi
Nurmuhammedova G.B. Xorijiy davlatlar qonunchiligida korrupsiyaga oid jinoyatlar uchun tayinlanadigan jazolar va ularning samaradorligi
Mayorov A.V. Voyaga yetmaganlarni jinoiy faoliyatga jalb qilishdan jinoiy va huquqiy himoya qilish (xorijiy davlatlar jinoyat qonunchiligi tahlili)
Abdurazakova K.Yu., Sapargalikizi Janar Qozog'iston Respublikasida oiladagi zo'rvonlikka qarshi kurashishda olib borilayotgan islohotlar
Saidov O.Ch. Mahkumlarni topshirishning xalqaro-huquqiy prinsiplari va standartlari
Bobomurodov F.B. Kiberjinoyatlarning oldini olishda tezkor-qidiruv tadbirlarining mohiyati, turlari va o'tkazish tartibi: xorijiy davlatlar tajribasining qiyosiy-huquqiy tahlili

TAHLIL, TADQIQOT VA ILMIY-NAZARIY QARASHLAR

Yakubov A.S., Azim Shuxrat Yer uchastkalarini ajratish tartibini buzganlik uchun jinoiy javobgarlik
Nigmatov R.O., Isayev S.A. O'qotar qurollarning noqonuniy muomalasi: kriminologik tahlil, tendensiyalar va qarshi kurash mexanizmlari
Xolikulov U.Sh. O'zbekistonning zamonaviy jnoyat huquqida jinoyat tushunchasini tarflash muammosi: lingvistik va falsafiy tahlil
Irisbekov U.A. Tovlamachilik jinoyatlarining oldini olishni tashkiliy-huquqiy ta'minlashni takomillashtirish masalalari
Mirzayev J.U. Jinoiy jazoning samaradorligini oshirish strategiyasini ishlab chiqishning zarurati va istiqbollari
Mirzatillayev U.I. Huquqbuzarliklarning oldini olish va jamoat xavfsizligini ta'minlashda milliy sun'iy intellekt platformalaridan foydalanish zarurati

BARQAROR RIVOJLANISH VA GLOBAL MUAMMOLAR

Kaxarova M.M. Korrupsiyaga qarshi kurashish va uning oldini olishda "mahalla yettiligi" tizimining kriminologik ahamiyati
Abduraximov M.X. Jinoyatchilikka qarshi kurashishda genetik (DNK) identifikatsiyaning ilmiy-nazariy asoslari
Tashpulatov N.A. Globallashuv jarayonida gijohvandlik va zaharvandlikning oldini olish – dolzarb ijtimoiy-huquqiy muammo sifatida
Achilov A.T., Po'latxojiakbarov R.R. Odam savdosi – global muammo sifatida: sabablari va oqibatlari
Kochedikova V.M. Korporativ reydlarni kriminallashtirish: usullar, texnikalar va profilaktika choralari
A'loxonov M.A. "Criminology AI" milliy sun'iy intellekt texnologiyasini yaratishning zarurati va tadqiqot jarayonlarida foydalanish istiqbollari
Choriyev U.J. Moliyaviy firibgarlik: bank karta ma'lumotlarining o'g'irlanishi
Mirzajonov Sh.S. Kiberjinoyatlar profilaktikasini takomillashtirishning nazariy-metodologik asoslari

СОДЕРЖАНИЕ

Учредитель	ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ КРИМИНОЛОГИИ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
Соучредители	Региональное представительство управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC) Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (TIKA)

© Исследовательский институт криминологии Республики Узбекистан

Журнал зарегистрирован в Агентстве информации и массовых коммуникаций при Администрации Президента Республики Узбекистан 23.01.2025 г.

Рег.номер C-5669705
Свидетельство № 584299.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Республики Узбекистан от 13 июня 2025 года № 370/5 включен в перечень журналов, рекомендованных для публикации основных научных результатов диссертаций соискателей ученых степеней доктора философии (PhD) и доктора наук (DSc) по юридическим наукам.

Ответственность за достоверность и точность фактов, цифр, выдержек и экономической статистики, приводимых в материалах, несет автор.

Размещенные в журнале материалы отражают личную точку зрения авторов, которая может отличаться от точки зрения редакции.

При перепечатке статей полностью или частично ссылка на «международный научно-практический журнал «Криминология» Исследовательского института криминологии Республики Узбекистан» обязательна.

Рукописи, поступившие в редакцию, не рецензируются.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Бердиалиев Бахтиёр Эркинович
начальник института, доктор философии по юридическим наукам

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Гордеев Сергей Николаевич
начальник отдела Администрации Президента РУз., доктор юридических наук, профессор

Сафаров Джахонгир Исмоилович
ответственный сотрудник Администрации Президента РУз., доктор юридических наук, доцент

Ражапов Азамат Худайназарович
ответственный работник Кабинета Министров РУз., доктор философии по юридическим наукам

Рустамбаев Мирзаюсуп Хакимович
начальник Университета общественной безопасности РУз., доктор юридических наук, профессор

Хатамов Рустам Абдуганиевич
начальник Академии МВД РУз., доктор философии по юридическим наукам, доцент

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

▪ Эксперты Узбекистана

Адилкариев Хожимурод Тухтамуродович
доктор юридических наук, профессор

Абдурасулова Кумриниса Раимкуловна
доктор юридических наук, профессор

Тулаганова Гулчехра Захитовна
доктор юридических наук, профессор

Арзикулов Дилшод Неъматович
доктор психологических наук, профессор

Кахарова Мунира Махамаджановна
доктор политических наук

Яров Бекмамат Аликулович
доктор философии по филологическим наукам, главный редактор

▪ Зарубежные эксперты

Алауханов Есберген Оразович
почётный академик Национальной академии наук Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор (Казахстан)

Ли Чан Жэнь
заместитель директора Центра расследования происшествий Научно-исследовательского института по вопросам общественной безопасности Хэфэй Университета Цинхуа, профессор (Китай)

Пурви Похариял
руководитель Национального института криминологии и судебной экспертизы, профессор (Индия)

Тунде Андера Барабаш
директор Национального института криминологии, доктор юридических наук, профессор (Венгрия)

доктор Джассим Мухаммад аль-Обайдли
руководитель Центра научных исследований в области безопасности при Полицейской академии МВД (Катар)

Нугманов Азат Римович
заместитель заведующего кафедрой криминологии и уголовного права Уфимского юридического университета МВД, кандидат юридических наук (Россия)

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ПЕРЕДОВОЙ ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ	
Бердиалиев Б.Э. Современные стратегии социальной профилактики в предотвращении преступности в Японии	8
Алауханов Е.О., Абдраманова Н.К. Уголовно-правовая охрана окружающей среды: интеграция норм международного права и опыт Республики Казахстан	14
Нурмухаммедова Г.Б. Наказания за коррупционные преступления в зарубежном законодательстве и их эффективность	19
Майоров А.В. Уголовно-правовая охрана несовершеннолетних от вовлечения в преступную деятельность (анализ уголовного законодательства зарубежных стран)	31
Абдуразакова К.Ю., Сапаргаликызы Жанар Реформы, проводимые в Республике Казахстан в борьбе с насилием в семье	38
Саидов О.Ч. Международно-правовые принципы и стандарты передачи осуждённых лиц	44
Бобомуродов Ф.Б. Сущность, виды и порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий в предупреждении киберпреступлений: сравнительно-правовой анализ опыта зарубежных государств	50
АНАЛИЗ, ИССЛЕДОВАНИЯ И НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ	
Якубов А.С., Азим Шухрат Уголовная ответственность за нарушение порядка предоставления земель	62
Нигматов Р.О., Исаев С.А. Незаконный оборот огнестрельного оружия: криминологический анализ, тенденции и механизмы противодействия	67
Холикулов У.Ш. Проблема определения преступления в современном уголовном праве узбекистана: лингвистический и философский анализ	75
Ирисбеков У.А. Вопросы совершенствования организационно-правового обеспечения профилактики преступлений, связанных с вымогательством	87
Мирзаев Ж.У. Необходимость и перспективы разработки стратегии повышения эффективности уголовного наказания	92
Мирзатиллаев У.И. Необходимость использования национальных платформ искусственного интеллекта для предотвращения преступлений и обеспечения общественной безопасности	97
УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ	
Кахарова М.М. Криминологическое значение системы «махаллинской семёрки» в борьбе с коррупцией и ее предотвращении	103
Абдурахимов М.Х. Научные и теоретические основы генетической (ДНК) идентификации в борьбе с преступностью	108
Ташпулатов Н.А. Предотвращение наркомании и отравлений в эпоху глобализации – как актуальная социально-правовая проблема	114
Ачилов А.Т., Пулатхожиакбаров Р.Р. Торговля людьми как глобальная проблема: причины и последствия	119
Кочедыкова В.М. Криминализация рейдерских захватов: способы, методы и меры предупреждения	124
Аълохонов М.А. Необходимость создания национальной технологии искусственного интеллекта “Criminology AI” и перспективы её использования в исследовательских процессах	130
Чориев У.Ж. Финансовое мошенничество: кража информации о банковских картах	137
Мирзажонов Ш.С. Теоретико-методологические основы совершенствования профилактики киберпреступлений	144

Founder ▫ **RESEARCH INSTITUTE OF CRIMINOLOGY OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN**
Co-Founders ▫ **Regional Office of the United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC)**
▫ **Turkish Cooperation and Coordination Agency (TIKA)**

© Research Institute of
Criminology of the Republic of
Uzbekistan

The journal was registered on
January 23, 2025, by the Agency
for Information and Mass
Communications under the
Administration of the President of
the Republic of Uzbekistan under
the number C-5669705
Certificate 584299.

Included in the list of journals
recommended for publishing the
main scientific results of
dissertations submitted for the
academic degrees of Doctor of
Philosophy (PhD) and Doctor of
Science (DSc) in Law by the
Decision of the Presidium of the
Higher Attestation Commission of
the Republic of Uzbekistan dated
June 13, 2025, No. 370/5.

The author is responsible for the
accuracy and reliability of the facts
and figures, excerpts, economic
statistical data presented in the
materials.

The author's opinion may differ
from the editorial point of view.

When reprinting articles in whole
or in part by any means, it is
mandatory to indicate that they
are taken from the "International
Scientific and Practical Journal
"Criminology" of the Research
Institute of Criminology of the
Republic of Uzbekistan".

Manuscripts submitted to the
editorial office are not reviewed.

CHAIRMAN OF THE EDITORIAL BOARD

Berdialiyev Bakhtiyor Erkinovich

Head of the Institute, Doctor of Philosophy in Law

Members of the Editorial Board

Gordeev Sergey Nikolaevich

Head of the Sector of the Administration
of the President of the Republic of
Uzbekistan, Doctor of Law, Professor

Safarov Jahongir Ismailovich

Responsible employee of the
Administration of the President of the
Republic of Uzbekistan, Doctor of Law,
Associate Professor

Rajapov Azamat Khudaynazarovich

Responsible employee of the Cabinet of
Ministers of the Republic of Uzbekistan,
Doctor of Philosophy in Law

Rustambaev Mirzayusup Khakimovich

Head of the University of Public Safety of
the Republic of Uzbekistan, Doctor of
Law, Professor

Xatamov Rustam Abduganiyevich

Head of the Academy of the Ministry of
Internal Affairs of Uzbekistan, Doctor of
Philosophy in Law, Associate Professor

Members of the editorial board

▫ *Uzbek experts*

Adilkariev Khojimurod

Tukhtamurodovich
Doctor of Law, Professor

Abdurasulova Kumrinisa Raimkulovna

Doctor of Law, Professor

Tulyaganova Gulchehra Zakhitovna

Doctor of Law, Professor

Arzikulov Dilshod Nematovich

Doctor of Psychological Sciences,
Professor

Kakharova Munira Makhamadjanovna

Doctor of Political Sciences

Yarov Bekmamat Alikulovich

Doctor of Philosophy in Philological
Sciences, Chief editor

▫ *Foreign experts*

Esbergen Orazovich Alaukhanov

Honorary Academician of the National
Academy of Sciences of the Republic
of Kazakhstan, Doctor of Law,
Professor (Kazakhstan)

Li Chan Zhen

Deputy Director of the Incident
Investigation Center at the Hefei
Institute for Public Security Studies,
Tsinghua University, Professor (China)

Ms. Purvi Pohariyal

Head of the National Institute of
Criminology and Forensic Science,
Doctor of Law, Professor (India)

Tunde Andera Barabash

Director of the National Institute of
Criminology, Doctor of Law, Professor
(Hungary)

Dr. Jassim Muhammad Al-Obaidli

Head of the Security Research Center
at the Police Academy of the Ministry of
Interior (Qatar)

Azat Rimovich Nugmanov

Deputy Head of the Department of
Criminology and Criminal Law, Ufa Law
University of the Ministry of Interior,
Candidate of Legal Sciences (Russia)

8

14

19

31

38

44

50

62

67

75

87

92

97

103

108

114

119

124

130

137

144

INTERNATIONAL LAW AND GLOBAL EXPERIENCE

Berdialiyev B.E.

Modern strategies of social prevention in preventing crime in Japan

Alaukhanov E.O., Abdramanova N.K.

Criminal law protection of the environment: integration of international law norms and
the experience of the Republic of Kazakhstan

Nurmukhammedova G.B.

Punishments for corruption-related crimes in foreign legislation
and their effectiveness

Mayorov A.V.

Criminal and legal protection of minors from involvement in criminal activity
(analysis of criminal legislation of foreign countries)

Abdurazakova K.Yu., Sapargalikyzy Janar

Reforms carried out in the Republic of Kazakhstan in the fight against domestic violence

Saidov O.Ch.

International Legal Principles and Standards for the Transfer of Sentenced Persons

Bobomurodov F.B.

The essence, types, and procedures of operational-search measures in the prevention
of cybercrimes: a comparative legal analysis of foreign countries' experience

ANALYSIS, RESEARCH AND THEORETICAL PERSPECTIVES

Yakubov A.S., Azim Shukhrat

Criminal liability for violating the procedure for the granting of land plots

Nigmatov R.O., Isayev S.A.

Illicit trafficking in firearms: criminological analysis, trends, and countermeasures

Kholikulov U.Sh.

The problem of defining crime in contemporary criminal law of uzbekistan:
a linguistic and philosophical analysis

Irisbekov U.A.

Issues of improving the organizational and legal framework for the prevention
of extortion crimes

Mirzayev J.U.

The necessity and prospects of developing a strategy for increasing the effectiveness
of criminal punishment

Mirzatillayev U.I.

The necessity of using national artificial intelligence platforms in crime prevention
and ensuring public safety

SUSTAINABLE DEVELOPMENT & GLOBAL CHALLENGES

Kakharova M.M.

Criminal significance of the "Mahalla seven" system in fighting and preventing corruption

Abdurakhimov M.X.

Scientific and theoretical foundations of genetic (DNA) identification in the fight against crime

Tashpulatov N.A.

Prevention of drug addiction and poisoning in the process of globalisation –
as a current social-legal problem

Achilov A.T., Pulatkhojiakbarov R.R.

Human trafficking as a global problem: causes and consequences

Kochedykova V.M.

Criminalization of corporate raiding: methods, techniques, and preventive measures

Alokhonov M.A.

The need to develop the national "Criminology AI" artificial intelligence technology
and prospects for its use in research processes

Choriyev U.J.

Financial fraud through the theft of bank card data: a systematic analytical review

Mirzajonov Sh.S.

Theoretical and methodological foundations for improving cybercrime prevention

YAPONIYADA JINOYATCHILIKNING OLDINI OLISHDA IJTIMOY PROFILAKTIKANING ZAMONAVIY STRATEGIYALARI

Berdialiye Baxtiyor Erkinovich

O'zbekiston Respublikasi
Kriminologiya tadqiqot instituti
boshlig'i, yuridik fanlar bo'yicha
falsafa doktori (PhD)

Начальник Исследовательского
института криминологии
Республики Узбекистан,
доктор философии по
юридическим наукам (PhD)

Head of Research Institute of
Criminology of the Republic of
Uzbekistan, PhD in Law

Annotatsiya. Maqolada Yaponiya davlatida jinoyatchilikning oldini olish va ijtimoiy profilaktika sohasidagi zamonaviy yondashuvlar tahlil qilinadi. Yaponiyada jinoyatchilikning past darajasini ta'minlovchi «Koban» tizimi, «Hogoshi» ko'ngillilar instituti va atrof-muhit dizayni orqali jinoyatchilikning oldini olish (CPTED) strategiyalarining mazmun-mohiyati ochib berilgan. Shuningdek, 2022–2025-yillar oralig'ida Yaponiyadagi kriminogen vaziyatning transformatsiyasi, xususan, kiberjinoyatchilik va onlayn firibgarlikning o'sish tendensiyalari statistik ma'lumotlar asosida ko'rib chiqiladi. Maqola yakunida Yaponiya tajribasidan O'zbekiston huquq-tartibot tizimi va ijtimoiy profilaktika amaliyotini takomillashtirishda foydalanish bo'yicha ilmiy-amaliy takliflar ilgari surilgan.

Kalit so'zlar: Yaponiya, ijtimoiy profilaktika, Koban tizimi, Hogoshi, CPTED, kiberjinoyatchilik, raqamli firibgarlik, resotsializatsiya, kriminogen vaziyat, viktimologiya.

MODERN STRATEGIES OF SOCIAL PREVENTION IN PREVENTING CRIME IN JAPAN

Abstract. This article analyzes modern approaches to crime prevention and social prevention in Japan. The study reveals the essence of the “Koban” system, the “Hogoshi” volunteer institute, and the Crime Prevention Through Environmental Design (CPTED) strategies, which ensure Japan's low crime rate. Based on statistical data, the transformation of the crime situation in Japan between 2022 and 2025 is examined, specifically the growth trends in cybercrime and online fraud. The article concludes with scientific and practical proposals for utilizing the Japanese experience to improve the law enforcement system and social prevention practices in Uzbekistan.

Keywords: Japan, social prevention, Koban system, Hogoshi, CPTED, cybercrime, digital fraud, resocialization, criminogenic situation, victimology.

Yaponiyaning kriminologik siyosatida ijtimoiy profilaktikaning dolzarbligi, avvalo, «jazo muqarrarligi» tamoyili «ijtimoiy mas'uliyat» tushunchasi bilan uyg'unlash-tirilganligida namoyon bo'ladi. Zamonaviy dunyoda aksariyat davlatlar jinoyatchilikka qarshi kurashni faqat huquqni muhofaza qilish organlarining texnik imkoniyatlarini kengaytirish yoki sanksiyalarni kuchaytirish orqali hal qilishga intilmoqda. Biroq, Yaponiya tajribasi shuni ko'rsatadiki, jinoyatchilikning oldini olishning eng samarali yo'li shaxs va jamiyat o'rtasidagi ijtimoiy aloqalarni mustahkamlashdir. Ushbu yondashuvning dolzarbligi globallashuv va urbanizatsiya jarayonida insonlar o'rtasidagi begonalashuv ortib borayotgan bir sharoitda, jinoiy deviatsiyaning oldini oluvchi tabiiy ijtimoiy to'siqlarni qayta tiklash imkonini beradi.

Ijtimoiy profilaktikaning dolzarbligini asoslovchi navbatdagi muhim jihat – bu retsidiv jinoyatchilikka qarshi kurashda ko'ngilli probatsiya xodimlari [1] institutining yuqori samaradorligi. Bular davlatdan maosh olmaydigan, lekin jinoyat sodir etgan shaxslarning jamiyatga moslashishiga yordam beradigan nufuzli fuqarolardir. Hozirgi kunda Yaponiyada 47 000 dan ortiq ko'ngilli probatsiya xodimlari faoliyat yuritadi. Ular ko'chalarni patrul qilish, maktab o'quvchilarining xavfsizligini ta'minlash va hududda yot unsurlarning paydo bo'lishini nazorat qilish orqali politsiyaga bevosita ko'maklashadi. Qolaversa, Yaponiya penitensiar tizimida jazolashdan ko'ra qayta tarbiyalash va ijtimoiy rehabilitatsiya qilishga asosiy urg'u beriladi. Shuningdek, ular sobiq mahkumlarni ish bilan ta'minlash va ularni ijtimoiy yakkalanib qolishining oldini olish orqali qayta jinoyat sodir etish xavfini keskin kamaytiradilar.

Professional bo'lmagan, ammo jamiyatda yuqori obro'ga ega bo'lgan fuqarolarning sobiq mahkumlarni ijtimoiy rehabilitatsiya qilish jarayoniga jalb etilishi davlat uchun ham iqtisodiy, ham ijtimoiy jihatdan manfaatlidir. Bu tizim mahkumni faqat jazolanuvchi obyekt sifatida emas, balki jamiyatning qayta tiklanishi mumkin bo'lgan a'zosi sifatida ko'rishni nazarda tutadi. Bunday yondashuv jamiyatda ijtimoiy adolat tuyg'usini mustahkamlaydi va jinoyat sodir etgan shaxslarning qaytadan jinoyat yo'liga kirishini keskin kamaytiradi, bu esa har qanday huquqiy davlat uchun strategik ahamiyatga ega vazifadir.

Shuningdek, Yaponiyadagi «Koban» tizimi va atrof-muhit dizayni orqali jinoyatchilikning oldini olish (CPTED) strategiyalarining dolzarbligi ularning proaktiv xarakteri bilan belgilanadi. Ya'ni, profilaktika jinoyat sodir etilganidan keyin emas, balki uning sodir etilishi uchun imkon beruvchi sharoitlarni ildizi bilan yo'q qilishga qaratilgan. Mahalliy politsiyaning aholi bilan oilaviy darajadagi yaqin muloqoti va shaharsozlikda xavfsiz muhitni yaratish texnologiyalari jinoyatchilik determinantlarini jilovlashda yuqori natija beradi. Bugungi kunda raqamli texnologiyalar rivojlangan davrda Yaponiya ushbu an'anaviy usullarni sun'iy intellekt va “Smart City” konsepsiyasi bilan boyitgan holda, ijtimoiy profilaktikaning eng zamonaviy va barqaror modelini taqdim etmoqda. Bu tizim politsiya va mahalliy aholi o'rtasidagi uzviy bog'liqlikni ta'minlaydi. Politsiya xodimlari nafaqat tartibni saqlaydilar, balki hududdagi oilalarning ijtimoiy ahvolidan xabardor bo'lib turadilar. Bu usul kriminologiyada “jamoatchilik politsiyasi” deb yuritilib, jinoyat sodir etilishi mumkin bo'lgan muhitni oldindan sog'lomlashtirishga xizmat qiladi.

Yapon jamiyatida ijtimoiy profilaktikaning psixologik jihati kuchli rivojlangan. Rut Benedikt va boshqa tadqiqotchilar ta'kidlaganlaridek, yapon madaniyatida shaxsning xatti-harakati nafaqat qonun bilan, balki jamoatchilikning fikri bilan ham tartibga solinadi. Jinoyat sodir etish nafaqat shaxsning, balki uning oilasi va ijtimoiy guruhining sharmandaligi sifatida qabul qilinadi [2]. Bu esa kuchli determinant sifatida xizmat qilib, ijtimoiy tiyilish mexanizmini ishlatib yuboradi.

Mashhur yapon kriminologi Koichi Hamai o'zining tadqiqotlarida Yaponiyadagi jinoyatchilik darajasining pastligini nafaqat politsiya faoliyati, balki jamiyatdagi ijtimoiy istisno darajasining pastligi bilan izohlaydi. Hamaining fikricha, yapon jamiyatida jinoyat sodir etgan shaxsni tizimli ravishda yakkalab qo'ymaslik va uning qayta integratsiyasiga imkon berish jinoyatchilikning oldini olishdagi eng kuchli vositadir [3]. Bu qarash ko'plab g'arb olimlarining “jazo orqali tiyib turish” nazariyasiga zid keladi. Hamai jinoyatchilikka qarshi kurashda “qattiq qo'llik” siyosatining kuchayishi ijtimoiy ishonchga putur yetkazishi mumkinligini ta'kidlaydi va ijtimoiy profilaktikani birinchi o'ringa qo'yadi.

Bunga qiyosiy ravishda, olim Setsuo Miyazava yapon modelining “majburiy konformizm” jihatiga e'tibor qaratadi. Miyazavaning tadqiqotlarida ijtimoiy profilaktika faqatgina ko'ngilli yordam emas, balki shaxsga nisbatan kuchli ijtimoiy bosim mexanizmi ekanligi ilgari suriladi [4].

Uning fikricha, Yaponiyada jinoyatchilikning pastligi shaxsning jamiyat oldidagi mas'uliyati va "uyat" hissining o'ta yuqoriligi natijasi bo'lib, bu individual erkinliklarning cheklanishi hisobiga amalga oshadi. Miyazava va Hamai qarashlarini solishtirganda, birinchisi tizimni ijtimoiy hamjihatlik mevasi deb ko'rsa, ikkinchisi uni qattiq ijtimoiy iyerarxiya va nazoratning mahsuli sifatida talqin etadi.

Boshqa bir tomondan, zamonaviy yapon kriminologiyasida Nobuo Komori kabi olimlar atrof-muhit kriminologiyasi (Environmental Criminology) [5] yo'nalishini rivojlantirmoqdalar. Ularning tadqiqotlarida ijtimoiy omillardan ko'ra, jinoyat sodir etish imkoniyatini kamaytiruvchi jismoniy muhitning roli yuqori baholanadi. Bunda jamoat joylarining ko'rinuvchanligi, "begonalar nazorati" va arxitekturaviy yechimlar orqali profilaktika qilishga urg'u beriladi. Ushbu yondashuv an'anaviy "Koban" tizimining texnik davomi bo'lib, unda inson omili texnologiya bilan almashmoqda. Komorining qarashlari Hamaining ijtimoiy bag'rikenglik g'oyalaridan farq qilib, ko'proq jinoiy vaziyatni texnik cheklashga yo'naltirilgan.

Qisqa qilib aytganda, yapon olimlarining tadqiqotlarida ijtimoiy profilaktikaning ikkita asosiy ustuni ko'zga tashlanadi: biri – insonga yo'naltirilgan resotsializatsiya va ijtimoiy qo'llab-quvvatlash bo'lsa, ikkinchisi – jamiyatning shaxs ustidan qattiq nazorati va xavfsiz muhit dizaynidir. Ushbu yondashuvlarning tahlili shuni ko'rsatadiki, Yaponiyadagi past jinoyatchilik fenomeni faqatgina bitta omil emas, balki madaniy an'analar, ijtimoiy bosim va zamonaviy texnik nazoratning murakkab va muvozanatlashgan tizimi natijasidir.

Shu bilan birga, Yaponiyada CPTED (Crime Prevention Through Environmental Design) strategiyasining zamonaviy bosqichi shunchaki texnik vositalarni o'rnatish emas, balki arxitektura, ijtimoiy psixologiya va yuqori texnologiyalarning vertikal integratsiyasini ifodalaydi. Ushbu yondashuvning dolzarbligi shundaki, u jinoyatchilikka qarshi kurashda inson omiliga bo'lgan yuklamani kamaytirib, muhitning o'zini himoyalovchi tizimga aylantiradi. Yaponiyadagi mazkur CPTED strategiyasining amaliy qo'llanilishi va uning ilmiy-texnik asoslari quyidagi muhim yo'nalishlar orqali namoyon bo'ladi:

1. *Tabiiy kuzatuv va ko'rinuvchanlikni tashkil etish.* Yapon shaharsozligida ko'rinmas burchaklarni yo'qotish konsepsiyasi ustuvor hisoblanadi. Bunda nafaqat ko'chalarni yoritish, balki binolarning joylashuvi, devorlarning balandligi va hatto manzarali daraxtlarning shakli ham atrofni to'liq kuzatish imkonini beradigan qilib loyihalashtiriladi. Olimlarning ta'kidlashicha, jinoyatchi uchun eng katta to'siq – bu uning harakatlari norasmiy kuzatuvchilar tomonidan ko'rinib qolish ehtimolining yuqoriligi.

2. *Sun'iy intellekt va intellektual video-analitika.* "Aqlli shahar" konsepsiyasi doirasida Yaponiyaning Fukuoka va Tokio kabi yirik megapolislarida sun'iy intellekt (AI) bilan jihozlangan kameralar tizimi keng joriy etilgan [6]. Ushbu tizimlar shunchaki tasvirni yozib olmaydi, balki insonning atipik harakatlarini, masalan, bir joyda uzoq vaqt turib qolish, keskin harakatlar yoki yugurishini aniqlab, real vaqt rejimida yaqin atrofdagi politsiya patruliga signal yuboradi. Bu profilaktikaning vaziyatli modeli bo'lib, jinoyat sodir etilgunga qadar bo'lgan bosqichda uning oldini olishga xizmat qiladi.

3. *Hududiylik va ijtimoiy daxldorlik tuyg'usini shakllantirish.* CPTEDning Yaponiyaga xos jihati – bu hudud egasi tuyg'usini kuchaytirish. Jamoat joylari shunday loyihalashtiriladiki, u yerga kelgan har bir shaxs o'zini nazorat ostidagi va begonalar e'tiboridagi hududda his qiladi. Masalan, turar-joy dahalarida ochiq maydonlar va bolalar maydonchalarining uy derazalariga ro'para qilib qurilishi tabiiy qo'riqlash tizimini yaratadi. Bu esa ijtimoiy profilaktikaning hushyor qo'shnichilik tamoyilini texnik jihatdan qo'llab-quvvatlaydi.

4. *Raqamli profilaktika va Kiber-CPTED [7].* Hozirda Yaponiyada faqat jismoniy emas, balki raqamli muhitda ham xavfsiz dizayn yaratish masalasi ilmiy tadqiqotlar markazida turibdi. Shahar ilovalar va ijtimoiy tarmoqlar orqali aholiga «xavfli hududlar» xaritasini onlayn taqdim etish, xavfsiz yo'nalishlarni ko'rsatish kabi usullar CPTEDning raqamli ko'rinishi sifatida baholanmoqda.

Xullas, Yaponiyada texnologik va ekologik dizayn usullari jinoyatchilikning oldini olishda inson omilisiz raqamli nazorat tizimini kuchaytirmoqda. Bu esa politsiya kuchlarini tejash va aholida xavfsizlik hissinini oshirishda yuqori samara bermoqda. Tadqiqotchilarning fikricha, bunday tizim inson huquqlari va maxfiylik o'rtasidagi muvozanatni saqlagan holda, jamiyatda jinoyat sodir etish uchun imkoniyat qoldirmaslikka qaratilgan.

Yaponiya tajribasi shuni ko'rsatadiki, ijtimoiy profilaktika faqat huquqiy choralar bilan cheklanib qolmasligi kerak. U jamiyatning madaniy qadriyatlari, mahalliy hamjamiyatning faolligi va zamonaviy texnologiyalarning sinteziga asoslanishi lozim. Ushbu model «davlat – jamiyat – fuqaro» zanjirining mustahkamligi jinoyatchilikka qarshi eng samarali qalqon ekanligini isbotlamoqda.

Shu sababli zamonaviy kriminologiyada yapon fenomeni alohida o'rin egallab, urbanizatsiya, yuqori texnologik taraqqiyot va aholi zichligining yuqoriligi, odatda, jinoyatchilikning o'sishiga olib keladigan omillar hisoblansa-da, davlat bu qoidaga mutlaqo zid bo'lgan amaliyotni namoyish etib kelayotgani ta'kidlanadi. Xalqaro tinchlik indeksi va Birlashgan Millatlar Tashkilotining Jinoyatchilik va odil sudlov bo'yicha boshqarmasi hisobotlariga ko'ra, Yaponiya muntazam ravishda og'ir jinoyatlar, xususan, qotillik va talonchilik eng kam sodir etiladigan davlatlar qatorida yetakchilik qiladi [8]. Bunday ko'rsatkichga erishishning asosiy sababi faqatgina jazoning muqarrarliligi emas, balki jamiyatda shakllangan kuchli ijtimoiy nazorat va profilaktika institutlarining samarali faoliyati hisoblanadi.

Yaponiyada umumiy jinoyatchilik darajasi past bo'lishiga qaramay, jamiyatning demografik va texnologik o'zgarishlari natijasida kriminogen vaziyat muayyan transformatsiyaga uchramoqda. So'nggi o'n yilliklar ichida an'anaviy ko'cha jinoyatlari va zo'ravonlik bilan bog'liq jinoyatlar keskin qisqargan. Biroq, Yaponiya Adliya vazirligining har yili e'lon qilinadigan White Paper on Crime ma'lumotlariga tayanadigan bo'lsak, mamlakatda yangi turdagi kriminogen muammolar yuzaga chiqmoqda [9].

Shunday muammolardan eng dolzarbi keksa yoshdagi fuqarolar tomonidan sodir etiladigan jinoyatlardir. Aholining tez qarishi va yolg'izlik muammosi tufayli ba'zi nafaqaxo'rlar qamoqxonalardagi bepul oziq-ovqat va tibbiy xizmatdan, eng muhimi, ijtimoiy muloqotdan umid qilib, do'konlardan mayda o'g'rilik qilishga murojaat qilmoqdalar. Bu holat kriminologiyada iqtisodiy emas, balki sof ijtimoiy-ruhiy motivlarga asoslangan deviant xulq-atvor sifatida baholanadi.

Bundan tashqari, kiberjinoyatchilik va firibgarlik, ayniqsa, telefon orqali keksalarni aldash holatlarining ortishi kuzatilmoqda. Shu bilan birga, tarixan Yaponiya kriminal dunyosining asosi bo'lgan uyushgan jinoiy guruhlar (Yakudza) faoliyati [10] hukumat tomonidan qabul qilingan keskin qonunlar va moliyaviy cheklovlar natijasida sezilarli darajada zaiflashdi va ularning a'zolari soni tarixdagi eng past ko'rsatkichga tushdi.

Shu bois Yaponiyaning mantiqiy profilaktikasi – mahalliy jamoalar bilan tizimli muloqot, politsiya xodimlarining joylarda doimiy bo'lishi va ijtimoiy xizmatlar bilan integratsiya – samarali hisoblansa-da, raqamli jinoyatchilik va yoshlar o'rtasidagi yangi turdagi jinoyatlar uchun qo'shimcha strategik choralar talab etiladi. Masalan, kiberjinoyatchilikka qarshi maxsus profilaktik dasturlar yaratish, yoshlar o'rtasida Internet xavfsizligini targ'ib qilish, onlayn firibgarliklar va yolg'on ish takliflariga qarshi ma'rifiy aksiyalar. Ayniqsa, yoshlar siyosati va ta'lim integratsiyasi:

maktab va oila hamkorligida yoshlar o'rtasida jinoyatchilikka moyillikni kamaytirish uchun tarbiyaviy dasturlarni rivojlantirish kerakligini ko'rsatmoqda.

2024–2025-yillarga kelib Yaponiyada «maxsus firibgarlik» va kiberhujumlar soni rekord darajalarni yangiladi. 2025-yilgi kriminologik hisobotlarga ko'ra, yillik zarar miqdori bir necha yuz milliard iyenani tashkil etib, hujumlarning muvaffaqiyat darajasi ortgan. Bu o'sishning asosiy drayveri sifatida sun'iy intellekt (AI) texnologiyalari yordamida ovozni soxtalashtirish va fishing hujumlarining haddan tashqari individuallashtirilgani ko'rsatilmoqda. Olimlar buni jinoyatchilikning “jismoniy makondan raqamli makonga migratsiyasi” deb atamoqdalar.

Ushbu tahdidlarga javoban, 2025-yilda Yaponiya hukumati ijtimoiy profilaktikaga mutlaqo yangi texnik va ma'muriy usullarni joriy etdi. So'nggi yillarda bankomatlar (ATM) yonida uyali telefondan foydalanishni taqiqlovchi sun'iy intellektli kuzatuv kameralari o'rnatildi. Agar tizim keksa yoshli fuqaroning telefonda gaplashib pul o'tkazayotganini aniqlasa, tranzaksiyani avtomatik ravishda to'xtatadi. Shuningdek, uyali aloqa operatorlari bilan hamkorlikda xalqaro yoki shubhali raqamlardan kelayotgan firibgarlik qo'ng'iroqlarini tarmoq darajasida bloklash tizimi ishga tushirildi.

Mazkur holatning O'zbekiston uchun aktualigi 2022-yildagi 21.2 foizlik o'sish shunchaki vaqtinchalik ko'rsatkich emas, balki Yaponiya jinoyatchilik tarkibining tubdan o'zgarishidan darak beruvchi signali edi. 2025-yil holatiga ko'ra, Yaponiya ko'chalari dunyodagi eng xavfsiz makon bo'lib qolayotgan bir paytda, uning kibermakoni shiddatli kurash maydoniga aylandi.

Ushbu tajriba raqamlashtirish jarayoni tezlashayotgan O'zbekiston uchun juda muhim darsdir: umumiy jinoyatchilik (o'g'rilik, bezorilik)ning kamayishi xotirjamlikka asos bo'la olmaydi; asosiy e'tibor va profilaktika kuchlari tezkorlik bilan aholining raqamli va viktimologik madaniyatini oshirishga, kiberhujumlardan himoyalovchi proaktiv SI (AI) tizimlarini yaratishga yo'naltirilishi zarur.

Xulosa o'rnida shuni ta'kidlash mumkinki, Yaponiyada kriminogen vaziyatning barqarorligi va past ko'rsatkichlari faqatgina iqtisodiy farovonlik yoki politsiyaning texnik jihozlangani bilan emas, balki jamiyatdagi yuksak axloqiy me'yorlar, kuchli ijtimoiy nazorat va politsiya-fuqaro hamkorligining mukammal tizimi bilan izohlanadi. Garchi bugungi kunda jinoyatchilik va kibermakon bilan bog'liq yangi chaqiriqlar paydo bo'layotgan bo'lsa-da, Yaponiyaning ijtimoiy profilaktika modeli boshqa mamlakatlarning jinoyatchilikning oldini olish siyosatini shakllantirishda muhim tajriba manbai bo'lib xizmat qilishi mumkin.

Yaponiyaning jinoyatchilikka qarshi kurash va ijtimoiy profilaktika tizimi o'zining barqarorligi va insonparvarligi bilan ajralib turadi. O'zbekistonda ijtimoiy profilaktikani tizimli isloh qilishda Yaponiya tajribasidan quyidagi yo'nalishlarda foydalanish maqsadga muvofiq:

1. Profilaktika inspektori faoliyatini “Koban” modeli asosida isloh qilish. Yaponiyaning “Koban” tizimi politsiyaning aholi bilan eng yaqin va doimiy aloqasini ta'minlaydi. O'zbekistondagi mahalla huquq-tartibot maskanlarini faqat jinoyatni ro'yxatga oluvchi emas, balki aholiga ijtimoiy yordam ko'rsatuvchi va oiladagi muammolarni erta aniqlovchi markazlarga aylantirish lozim. Profilaktika inspektorlarining xizmat vazifalariga hududdagi har bir xonadon bilan doimiy va norasmiy muloqot o'rnatish, masalan, “uyma-uy” tizimi majburiyatini kuchaytirish. Bunda asosiy e'tibor jazolashga emas, balki aholining ijtimoiy muammolarini hal qilish orqali jinoyatning oldini olishga qaratiladi.

2. “Hogoshi” tipidagi jamoatchilik nazorati institutini joriy etish. Yaponiyada probatsiya nazoratidagi shaxslar bilan ko'ngilli fuqarolar ishlaydi. O'zbekistonda ham mahallalardagi obro'li nuroniylar, ziyolilar va tadbirkorlardan iborat “Jamoatchilik probatsiyasi” guruhlarini tashkil etish mumkin. Sobiq mahkumlarni jamiyatga qaytarish jarayonini faqat IIV zimmasiga yuklamasdan,

mahalla faollariga birlashtirish zarur. Jinoyat sodir etgan shaxsning bandligini ta'minlagan va uni qayta jinoyat yo'lidan qaytargan mahalla vakillarini moddiy va ma'naviy rag'batlantirish tizimini yo'lga qo'yish maqsadga muvofiq.

3. “Xavfsiz shahar” loyihasini CPTED bilan boyitish. Yaponiyada jinoyatchilikka qarshi kurash arxitektura va shaharsozlik bilan uyg'unlashgan. O'zbekistonning yangi qurilayotgan mas-sivlari va “Smart City” loyihalarida jinoyat uchun qulay muhitni yo'qotish strategiyasidan foydalanish zarur. Yangi turar-joy majmualarini loyihalashda “ko'rinmas hududlar”ni kamaytirish, ko'chalarni yoritish standartlarini qayta ko'rib chiqish va jamoat joylarida tabiiy kuzatuv imkoniyatini, masalan, past devorlar, shaffof to'siqlarini oshirish bo'yicha majburiy normalarni joriy etish kerak.

4. Maktablarda “Axloq va huquqiy madaniyat” profilaktikasini kuchaytirish. Yapon ta'lim tizimida bolalarga kichik yoshidan “jamiyat oldidagi mas'uliyat” va “uyat” tushunchalari singdiriladi. Bu ichki tiyilish mexanizmini ishlatib yuboradi. Maktab dasturlariga jinoyatchilikning huquqiy oqibatlaridan tashqari, uning ijtimoiy va axloqiy zararini yorituvchi psixologik treninglarni kiritish kerak. Jinoyatchilikka qarshi kurashni “qo'rquv” ustiga emas, balki “hurmat va mas'uliyat” ustiga qurish zarur.

5. Viktimologik profilaktika va raqamli xavfsizlik. Yaponiyada fuqarolarni jinoyat qurboni bo'lib qolmaslikka o'rgatish tizimi juda kuchli. Aholining, ayniqsa, keksalar va yoshlarning kiberjinoyatchilik va firibgarlik qurboni bo'lishining oldini olish uchun maxsus mobil ilovalarni rivojlantirish kerak. Ushbu ilovalar orqali fuqarolarga real vaqt rejimida xavfli hududlar yoki yangi turdagi firibgarliklar haqida xabar berib turish tizimini yo'lga qo'yish ijobiy natija beradi.

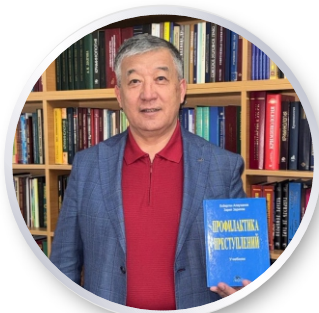
Shuningdek, tahlil asosida profilaktika choralari: onlayn va raqamli jinoyatchilikni prognozlash uchun ma'lumot tahlili va razvedka tizimlarini joriy etish zarur. Jamoatchilik bilan esa hamkorlikni yangi platformada kengaytirish: ko'banlar va mahalliy jamoat institutlari bilan raqamli muloqot kanallarini faollashtirish (masalan, ijtimoiy tarmoqlar, onlayn chatlar, mobil ilovani qo'llash). Bu takliflar nafaqat Yaponiya uchun, balki boshqa rivojlanayotgan davlatlar va milliy profilaktika siyosati uchun ham muhim ilmiy xulosa hisoblanadi.

Yaponiya tajribasi shuni ko'rsatadiki, jinoyatchilikni politsiya sonini oshirish bilan emas, balki jamiyatning ichki immunitetini kuchaytirish orqali yengish mumkin. O'zbekiston uchun eng muhim qadam – profilaktikani huquqiy sohadan ijtimoiy-ma'naviy sohaga ko'chirish. Bu masala kundankunga dolzarblashib bormoqda.

Foydalanilgan manbalar / References

1. National Police Agency of Japan. «White Paper on Police 2023:Community Policing and Crime Prevention». Tokyo, 2023.
2. Benedict, R. (1946). «The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture». Houghton Mifflin.
3. Hamai, K. (2018). «Crime Prevention and Criminal Justice in Japan: The Myth of the 'Safe Society'». Asian Journal of Criminology.
4. Miyazawa, S. (1992). «Policing in Japan: A Study on Making Crime». State University of New York Press.
5. Komori, N. (2020). «Crime Prevention Through Environmental Design in the Japanese Context». Journal of Japanese Criminology.
6. Tsushima, M. (2022). «The Evolution of CPTED in Japan: From Physical Design to AI-Powered Surveillance». Japanese Journal of Sociological Criminology.
7. National Institute of Information and Communications Technology (NICT). «Annual Report on Smart City Security and Social Safety». Tokyo (2023).
8. Global Peace Index. (2023). Vision of Humanity: Institute for Economics & Peace.
9. Ministry of Justice, Japan. (2022). White Paper on Crime 2022.
10. National Police Agency of Japan. (2022). White Paper on Police 2022: Anti-Boryokudan (Yakuza) Measures.
11. Bayley, D. H. (1991). Forces of Order: Policing Modern Japan.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: ИНТЕГРАЦИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Алауханов Есберген Оразович

доктор юридических наук, профессор, Общественный и научный деятель стран СНГ, Заслуженный деятель науки Республики Казахстан

MDH davlatlarining jamoat va ilmiy arbobi, Qozog'iston Respublikasida xizmat ko'rsatgan fan arbobi, yuridik fanlar doktori, professor

Doctor of Law, Professor, Public and scientific figure of the CIS countries, Honored Scientist of the Republic of Kazakhstan

Абдраманова Назира Кайыпбеккызы

магистр юридических наук

yurisprudensiya magistri

Master of Laws

Аннотация. В данной статье исследуется интеграция механизмов международного уголовного права в систему охраны окружающей среды Республики Казахстан. Работа анализирует концепцию экоцида и ее отражение как в международных инициативах, так и в национальном законодательстве. Используя сравнительно-правовой и статистический методы, автор выявляет ключевые правоприменительные пробелы при расследовании тяжких экологических преступлений. Представлены практические рекомендации по внедрению института уголовной ответственности юридических лиц и совершенствованию диспозиции статьи «Экоцид».

Ключевые слова: экоцид, международное уголовное право, охрана окружающей среды, Казахстан, экологические преступления, корпоративная ответственность.

CRIMINAL LAW PROTECTION OF THE ENVIRONMENT: INTEGRATION OF INTERNATIONAL LAW NORMS AND THE EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract. This article investigates the integration of international criminal law mechanisms into the environmental protection framework of the Republic of Kazakhstan. The study analyzes the concept of ecocide and its reflection in both international initiatives and national legislation. Using comparative legal and statistical methods, the author identifies key enforcement gaps in prosecuting severe environmental offenses. Practical recommendations are provided to establish corporate criminal liability and refine the legal definition of ecocide.

Keywords: ecocide, international criminal law, environmental protection, Kazakhstan, ecological crimes, corporate liability.

Современный этап развития человечества характеризуется беспрецедентным и зачастую необратимым воздействием индустриальной деятельности на биосферу Земли. Глобальное изменение климата, масштабное загрязнение трансграничных водных артерий, утрата биоразнообразия и деградация почв требуют качественно новых, жестких подходов к правовому регулированию. В этом контексте международное уголовное право (МУП) переживает историческую трансформацию: от исключительной фокусировки на военных преступлениях, геноциде и преступлениях против человечества к признанию глобальных экологических катастроф объектом международной уголовной юрисдикции.

Республика Казахстан, обладая девятой по площади территорией в мире и богатейшими запасами природных ресурсов, сталкивается с экзистенциальными экологическими вызовами. Тяжелое историческое наследие Семипалатинского ядерного полигона и трагедия высыхания Аральского моря навсегда вписаны в мировую экологическую историю как примеры катастроф планетарного масштаба. Сегодня к этим историческим ранам добавились современные проблемы: критическое загрязнение воздуха в промышленных агломерациях (Караганда, Темиртау, Усть-Каменогорск), обмеление реки Урал и Каспийского моря, а также техногенные аварии в нефтедобывающем секторе на западе страны.

Несмотря на принятие прогрессивного Экологического кодекса РК в 2021 году, карательные механизмы охраны природы на практике демонстрируют низкую эффективность. Действующий Уголовный кодекс Республики Казахстан (УК РК) содержит обширный перечень экологических составов, однако правоохранительная и судебная системы не всегда способны адекватно реагировать на масштабные правонарушения, совершаемые крупными корпорациями.

Цель данного исследования — проанализировать влияние, проблемы и перспективы имплементации новейших норм международного уголовного права в сфере охраны окружающей среды в национальное законодательство Казахстана. Гипотеза исследования заключается в том, что переход от антропоцентрической к экоцентрической модели уголовного права путем интеграции международных критериев «экоцида» и внедрения корпоративной уголовной ответственности позволит кардинально снизить уровень латентности тяжких экологических преступлений.

Методологическую основу исследования составил комплекс научных методов познания. Основным инструментом выступил сравнительно-правовой метод, позволивший сопоставить положения Римского статута Международного уголовного суда (МУС), инициативы Независимой экспертной группы по экоциду (Stop Ecocide Foundation, 2021) и диспозиции Главы 4 и Главы 13 Уголовного кодекса Республики Казахстан.

Эмпирическую базу составили данные официальной правовой статистики Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК, а также анализ судебной практики Верховного Суда РК по экологическим правонарушениям за период 2019–2025 годов.

Исторически международное право рассматривало экологический ущерб лишь как сопутствующий фактор во время вооруженных конфликтов. Так, статья 8 Римского статута МУС криминализирует умышленное причинение обширного, долгосрочного и серьезного ущерба окружающей среде, но исключительно в контексте международных вооруженных конфликтов. Однако в мирное время природа оставалась беззащитной перед лицом транснациональных корпораций.

В 2021 году по инициативе фонда Stop Ecocide International Независимая экспертная группа юристов разработала проект юридического определения экоцида с целью его возможного включения в Римский статут Международного уголовного суда в качестве пятого международного преступления. Экоцид был определён как «незаконные или необоснованные действия, совершённые с осознанием существенной вероятности причинения серьёзного и либо широкомасштабного, либо долгосрочного ущерба окружающей среде».

Главная инновация этого определения заключается в стандарте вины: *mens rea* (преступный умысел) смещается от требования доказать «прямое намерение уничтожить природу» (что практически невозможно в корпоративном секторе) к «осознанию существенной вероятности» (*dolus eventualis* или косвенный умысел/преступная самонадеянность). Это меняет парадигму: если руководство транснациональной корпорации (ТНК) экономит на фильтрах или системах безопасности, понимая высокий риск катастрофы, оно становится субъектом международного преступления.

В Уголовном кодексе РК охрана окружающей среды структурирована на двух уровнях. Высший уровень защиты представлен статьей 169 «Экоцид», помещенной в Главу 4 (Уголовные правонарушения против мира и безопасности человечества). Повседневная охрана обеспечивается Главой 13 «Экологические уголовные правонарушения» (статьи 324–343).

Казалось бы, наличие статьи 169 УК РК свидетельствует о прогрессивности казахстанского права. Диспозиция статьи гласит: «Массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы, земельных или водных ресурсов, а также совершение иных действий, вызвавших экологическое бедствие...». Однако на практике эта норма является «спящей». С момента принятия действующего УК РК в 2014 году по статье 169 не вынесено ни одного значимого судебного приговора.

Причина кроется в дефекте юридической техники. Национальное определение оперирует абстрактными оценочными категориями («массовое уничтожение», «экологическое бедствие»), не предоставляя следствию четких метрик и критериев. Более того, согласно теории отечественного уголовного права, экоцид подразумевает наличие прямого умысла. На практике ни одна индустриальная корпорация не ставит перед собой прямой цели уничтожить природу — их цель извлечение прибыли, а разрушение экологии является побочным эффектом. Из-за требования прямого умысла применить ст. 169 УК РК к техногенным авариям юридически невозможно.

Статистика по обычным экологическим преступлениям (Глава 13 УК РК) также демонстрирует системный перекося. За последние пять лет наблюдается рост регистрации экологических преступлений, однако свыше 85% из них составляют дела по статье 337 (Незаконная охота) и статье 335 (Незаконная добыча рыбных ресурсов). Иными словами, правоохранительная машина работает против браконьеров-одиночек, причиняющих локальный вред. В то же время дела по статье 325 (Нарушение экологических требований к хозяйственной деятельности) в отношении крупных промышленных предприятий единичны, и часто прекращаются на стадии досудебного расследования за примирением сторон или с передачей в административное производство.

В настоящее время за выбросы тысяч тонн токсичных веществ в атмосферу или сброс цианидов в реки казахстанское законодательство предусматривает для корпораций лишь меры административного воздействия – штрафы (пусть и исчисляемые миллиардами тенге). Однако для глобальных добывающих компаний с многомиллиардными долларовыми оборотами эти

штрафы не несут превентивной (сдерживающей) функции. Они просто закладываются в годовые бюджеты как операционные расходы. Штраф превращается в своеобразный «налог на право загрязнять».

Международное правовое сообщество в значительной степени осознало ограниченность прежних подходов. В 2024 году Европейский Союз принял Directive (EU) 2024/1203 on environmental crime, существенно усилившую уголовно-правовые механизмы противодействия экологическим правонарушениям. Директива предусматривает ответственность юридических лиц и вводит широкий спектр санкций, включая значительные штрафы, лишение лицензий, ограничение доступа к публичному финансированию и, в исключительных случаях, роспуск юридического лица за тяжкие экологические преступления, сопоставимые по своим последствиям с экоцидом.

В Казахстане попытки введения полноценной уголовной ответственности юридических лиц продолжают сталкиваться с институциональным сопротивлением, сопровождаемым аргументами о возможном ухудшении инвестиционного климата. Однако данный аргумент представляется экономически уязвимым: совокупные издержки от техногенных экологических последствий – включая рост заболеваемости, деградацию земель и затраты на рекультивацию – в долгосрочной перспективе существенно превышают краткосрочные выгоды от привлечения инвестиций.

Дополнительной проблемой является то, что Республика Казахстан до сих пор не ратифицировала Римский статут МУС. Учитывая высокий потенциал включения экоцида в юрисдикцию Гаагского трибунала в ближайшем будущем, неучастие Казахстана в этом договоре создает опасный юрисдикционный вакуум в Центральной Азии.

Транснациональные корпорации, осуществляющие недропользование в РК (часто зарегистрированные в офшорных зонах или странах, не выдающих своих граждан), остаются неподсудны международным уголовным инстанциям за экологический ущерб, причиненный на территории Казахстана. Интеграция в систему МУС стала бы мощным внешним рычагом давления на корпоративный сектор, обязывающим их соблюдать высочайшие международные стандарты ESG (экологического, социального и корпоративного управления).

На основании проведенного анализа влияния международного уголовного права на механизмы охраны окружающей среды в Республике Казахстан можно сделать следующие выводы:

1. Традиционное национальное уголовное право демонстрирует свою беспомощность перед лицом глобальных индустриальных вызовов, требуя перехода к экоцентрической парадигме.

2. Статья 169 УК РК «Экоцид» носит декларативный характер, является «спящей» нормой и не может быть применена к корпоративным загрязнителям из-за расплывчатости формулировок и требования прямого умысла.

3. Отсутствие в Казахстане института уголовной ответственности юридических лиц делает невозможным полноценное применение международных стандартов по пресечению транснациональной экологической преступности.

Для решения выявленных проблем государственным органам Республики Казахстан и научному сообществу предлагаются следующие рекомендации:

1. Модернизация статьи 169 УК РК: Министерству юстиции РК и Генеральной прокуратуре инициировать поправки в статью «Экоцид», полностью имплементировав в нее объективные критерии Независимой экспертной группы (Stop Ecocide Foundation):

«широкомасштабный», «долгосрочный» и «серьезный» ущерб, а также снизив порог вины до осознания вероятности наступления последствий.

2. Внедрение корпоративной ответственности: Разработать и принять закон о введении уголовной ответственности юридических лиц за тяжкие экологические преступления. В качестве санкций предусмотреть не только оборотные штрафы, но и запрет на осуществление определенной деятельности, отзыв лицензий на недропользование и принудительную ликвидацию юридического лица.

3. Международная интеграция: Рассмотреть вопрос о присоединении Республики Казахстан к Римскому статуту Международного уголовного суда, что укрепит имидж страны как прогрессивного государства, заботящегося о глобальной экологической безопасности.

4. Специализация судов: Изучить вопрос создания специализированных экологических судов (или выделения специализированных составов судей) с привлечением экспертов-экологов для рассмотрения сложных уголовных дел о промышленном загрязнении.

Природа не признает государственных границ. Защита окружающей среды жесткими, но справедливыми методами уголовного права – это не преграда для экономического развития, а единственный способ гарантировать выживание и устойчивое будущее для грядущих поколений.

XORIYI DAVLATLAR QONUNCHILIGIDA KORRUPSIYAGA OID JINOYATLAR UCHUN TAYINLANADIGAN JAZOLAR VA ULARNING SAMARADORLIGI

Nurmuhammedova Go'zalxon Bahodirovna

O'zbekiston Respublikasi Jamoat xavfsizligi universiteti Jinoiy-huquqiy fanlar kafedrası professori, yuridik fanlar doktori (DSc), dotsent

Университет общественной безопасности Республики Узбекистан, доктор юридических наук (DSc), доцент

University of Public Security of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Laws (DSc), Associate Professor

Annotatsiya. Maqolada xorijiy davlatlar qonunchiligida korruptsiyaga oid jinoyatlar uchun belgilangan jazo choralari va ularning samaradorligi qiyosiy-huquqiy tahlil qilingan. Rossiya, Qozog'iston, Germaniya, Fransiya, Singapur, Yaponiya va Xitoy tajribasi o'rganilgan bo'lib, ularda korruptsiya uchun jazolarning turlari, muddatlari va amalga oshirish mexanizmlari tahlil etilgan. Xalqaro konvensiyalar (BMT, Yevropa Ittifoqi va OESR)da belgilangan "samarali, mutanosib va dahshat soluvchi" (effective, proportionate and dissuasive) jazo prinsiplari tahlil qilingan va ularning milliy qonunchilikka ta'siri yoritilgan. Shuningdek, maqolada O'zbekistondagi jinoyatga oid huquqiy islohotlar, jazo siyosatini takomillashtirish va yuridik shaxslarning javobgarligini joriy etish zarurati haqida ilmiy takliflar bayon etilgan.

Kalit so'zlar: korruptsiya, jinoyat, jazo, samaradorlik, muqarrarlik, xalqaro konvensiyalar, huquqiy islohotlar, poraxo'rlik, jinoyat siyosati, yuridik shaxs javobgarligi, mol-mulk musodarasi, davlat xizmati, jamiyat nazorati.

PUNISHMENTS FOR CORRUPTION-RELATED CRIMES IN FOREIGN LEGISLATION AND THEIR EFFECTIVENESS

Abstract. The article provides a comparative legal analysis of punishments for corruption-related crimes and their effectiveness in foreign legislation. It examines anti-corruption practices in Russia, Kazakhstan, Germany, France, Singapore, Japan, and China, as well as international standards, including the UN Convention against Corruption. The study highlights the need to combine criminal sanctions with preventive mechanisms, such as asset confiscation, permanent disqualification from public service, and liability of legal entities. Recommendations are proposed to improve Uzbekistan's criminal law framework in line with international best practices.

Keywords: corruption, crime, punishment, effectiveness, inevitability, international conventions, legal reform, bribery, criminal policy, corporate liability, asset confiscation, public service, public oversight, rule of law.

Korrupsiya jamiyat taraqqiyotiga jiddiy xavf soluvchi jinoyat turi bo'lib, uning oldini olish masalasi davlatning jinoyatga oid siyosatining ustuvor yo'nalishlaridan biridir. Jinoiy-huquqiy profilaktika deganda, korruptsiyaviy huquqbuzarlik sodir etilishidan oldin huquqiy choralar orqali bartaraf etishga qaratilgan tizimli faoliyat tushuniladi. Xususan, davlatning jinoiy siyosatida korruptsiyaning oldini olish barcha sohalarida kompleks chora-tadbirlarni amalga oshirishni o'z ichiga oladi [1]. Darhaqiqat, korruptsiyaning oldini olish eng samarali kurash usuli ekani e'tirof etilmoqda, bu borada jinoiy jazolarning muqarrarligi, mansabdor shaxslarning shaxsiy manfaatdorligini cheklash va tizimli profilaktika choralari muhim ahamiyat kasb etadi.

Использованные источники / References

- Higgins, P. (2021). *Eradicating Ecocide: Laws and Governance to Prevent the Destruction of Our Planet*. Pluto Press.
- Stop Ecocide Foundation. (2021). *Independent Expert Panel for the Legal Definition of Ecocide: Commentary and Core Text*. Stop Ecocide International.
- Рахметов С.М., Сулейменова Г.Ж. (2023). *Қазақстан Республикасының қылмыстық құқығы: Экологиялық қылмыстарды саралау мәселелері*. Алматы: Жеті жарғы.
- White, R. (2020). *Transnational Environmental Crime: Toward an Eco-Global Criminology*. Routledge. DOI: 10.4324/9781315886367.
- Борчашвили И.Ш. (2022). *Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. Общая и Особенная части*. Алматы: Юрист.
- European Commission. (2024). *Directive (EU) 2024/1203 of the European Parliament and of the Council on the protection of the environment through criminal law and replacing Directives 2008/99/EC*. Official Journal of the European Union.
- Байгулов А.Т. (2021). Экологическая безопасность и инвестиционный климат в Казахстане: правовые аспекты. Вестник КазНУ. Серия юридическая, 98(2), 45-56. DOI: 10.26577/JURIS.2021.v98.i2.04.
- Pereira, R. (2020). *Environmental Criminal Liability and Corporate Compliance: International and Comparative Perspectives*. Edward Elgar Publishing.
- Schabas, W.A. (2022). *An Introduction to the International Criminal Court* (6th ed.). Cambridge University Press.
- Айтжанов А.А. (2023). Халықаралық қылмыстық құқықтағы жаңа тенденциялар: Қазақстан үшін маңызы. Құқық және Мемлекет, 3(92), 112-120.
- Экологический кодекс Республики Казахстан от 2 января 2021 года № 400-VI ЗРК (с изменениями и дополнениями).
- Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК (с изменениями и дополнениями).

Jinoiy-huquqiy oldini olish faqatgina jazolash emas, balki korrupsiyaviy holatlarni yuzaga keltiruvchi omillarni bartaraf etish, huquqni muhofaza qiluvchi organlar faoliyati samaradorligini oshirish, huquqiy madaniyatni yuksaltirish, institutsional va huquqiy mexanizmlarni takomillashtirishni o'z ichiga oladi.

Umuman olganda, jazo samaradorligi quyidagi uch yo'nalishda namoyon bo'ladi:

umumprofilaktika: jazodan qo'rqish jamiyatda jinoyat sodir etilishining oldini olishi lozim. Masalan, yuqori lavozimli shaxsga nisbatan tayinlangan ozodlikdan mahrum qilish jazosi boshqa mansabdorlar uchun ogohlantiruvchi omil hisoblanadi;

shaxsiy profilaktika: jinoyat sodir etgan shaxsda qayta jinoyat sodir etish ehtimolini yo'qotish. Buning uchun jazo tarbiyaviy va qayta ijtimoiylashtiruvchi vazifani bajarishi kerak;

adolatni tiklash: jamiyat va jabrlanuvchilarda davlatning adolat o'rnatish qudratiga ishonch uyg'otish.

Amaldagi milliy qonunchilikda korrupsiyaga oid jinoyatlarning oldini olishga qaratilgan qator normalar mavjud bo'lsa-da, ularning ijrosi doim ham kutilgan samarani bermayotgani, ayrim huquqiy mexanizmlar samarasiz ekanligi amaliyotda o'z tasdig'ini topmoqda. Shuningdek, jinoiy-huquqiy oldini olishning konseptual asoslarini, turlari va shakllarini qayta ko'rib chiqish, xalqaro tajriba va zamonaviy yondashuvlar asosida milliy tizimni isloh qilish dolzarb masala sifatida kun tartibiga chiqmoqda.

Jinoyat uchun belgilangan jazolar ikki asosiy profilaktika (oldini olish), ya'ni individual va umumiy profilaktika vazifasini bajarishi kerak. Individual profilaktika jazo olgan shaxsni tarbiyalab, uni qayta jinoyat sodir etishdan tiyib turishni nazarda tutadi (ya'ni, jazo o'tash orqali shaxs tuzaladi va boshqa jinoyat qilmaydi). Umumiy profilaktika esa, berilgan jazo misolida boshqa kishilarni hushyorlikka chaqirib, ularni ham shunday jinoyatga qo'l urmaslikka da'vat etish, ya'ni jazoning umumiy qaytaruvchi ta'siridir.

Ushbu maqolada xorijiy davlatlar qonunchiligida korrupsiyaga oid jinoyatlar uchun belgilangan jazo choralarining samaradorligini tahlil qilish maqsadida qiyosiy-huquqiy, tizimli, tahliliy va doktrinal usullardan foydalanildi. Tadqiqotning metodologik asosini jinoyat huquqi nazariyasidagi javobgarlik va jazo samaradorligi to'g'risidagi ilmiy qarashlar hamda xalqaro huquqiy standartlar tashkil etadi.

*Birinchi*dan, qiyosiy-huquqiy tahlil usuli orqali Rossiya, Qozog'iston, Germaniya, Fransiya, Singapur, Yaponiya va Xitoy davlatlarining jinoyat qonunchiligida korrupsiya uchun belgilangan jazo turlari, ularning miqyosi va amalga oshirish mexanizmlari o'rganildi. Bu davlatlar turli huquqiy tizimlarga (kontinental, anglosakson va sotsialistik huquq modellari) mansub bo'lgani uchun taqqoslama tahlil keng qamrovli manzara yaratishga imkon berdi.

*Ikkinchi*dan, normativ-huquqiy tahlil usuli asosida BMTning Korrupsiyaga qarshi konvensiyasi (2003-y.), Yevropa Kengashining Korrupsiya uchun jinoiy javobgarlik to'g'risidagi konvensiyasi (1999-y.), OESRning Xorijiy mansabdorlarga pora berishga qarshi konvensiyasi (1997-y.) kabi xalqaro hujjatlar va ulardagi "samarali, mutanosib va dahshat soluvchi" (effective, proportionate and dissuasive) jazo prinsiplari tahlil qilindi. Bu prinsiplarning milliy qonunchilikka implementatsiya darajasi ham baholandi.

*Uchinchi*dan, statistik tahlil usuli orqali O'zbekistonda korrupsiyaga oid jinoyatlar uchun sudlar tomonidan tayinlanadigan jazolarning turi va taqsimoti o'rganildi. Xususan, 2024-yildagi milliy ma'ruza va rasmiy sud statistikasi ma'lumotlaridan foydalanilib, jazolarning (ozodlikdan mahrum qilish, jarima, axloq tuzatish ishlari va boshqalar) qo'llanish foizi aniqlandi va ularning profilaktik ta'siri baholandi.

*To'rtinchi*dan, tizimli tahlil usuli yordamida jinoiy javobgarlikning ikki asosiy profilaktik vazifasi – umumiy va individual ta'sir funksiyalari ko'rib chiqildi. Bu orqali jazo choralarining nafaqat jazolovchi, balki tarbiyaviy va qayta ijtimoiylashtiruvchi ahamiyati ham ochib berildi.

*Beshinchi*dan, doktrinal va interpretatsion tahlil usuli asosida V.N.Burlakov, M.Yu.Dvovskiy, M.S.Kachelin, T.I.Vaulina kabi olimlarning korrupsiyaga qarshi kurashda jazo siyosatini optimalashtirish borasidagi nazariy qarashlari o'rganildi. Bu usul korrupsiyaga oid jinoyatlar uchun javobgarlik tizimini takomillashtirish bo'yicha ilmiy asoslangan xulosalar chiqarish imkonini berdi.

Tadqiqot natijalari / Results

O'zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksining 205–214²-moddalarida davlat hokimiyati va boshqaruv tartibiga qarshi jinoyatlar sifatida korrupsiyaviy qilmishlar uchun javobgarlik belgilangan. Ular orasida: poraxo'rlik (210–211, 213–214²-moddalar), mansabdorlik bilan bog'liq korrupsion jinoyatlar (JK 205–209-moddalar) uchun tayinlanadigan jazolarni alohida tahlil etish maqsadga muvofiq.

BMTning 2003-yilgi Korrupsiyaga qarshi konvensiyasi va Yevropa kengashining 1999-yilgi Korrupsiya uchun jinoiy javobgarlik to'g'risidagi konvensiyasida jazolarning mutanosibligi, qonuniyligi va samaradorligiga alohida urg'u berilgan. Xususan, Singapur, Xitoy va Janubiy Koreya tajribasi shuni ko'rsatadiki, korrupsiya uchun keskin jazo choralari (katta miqdordagi jarimalar, katta muddatli ozodlikdan mahrum qilish, mol-mulk musodarasi) korrupsiya darajasini pasaytirishga xizmat qilgan.

Biroq, Yevropaning bir qator mamlakatlari (Fransiya, Germaniya)da qo'llaniladigan korrupsiyaga oid jinoyatlar uchun majburiy tarzda moddiy zararni qoplash, davlat xizmatida faoliyat yuritishdan uzoq muddatli cheklovlar ham samarali hisoblanadi.

Korrupsiyaga qarshi jazo siyosatini samarali olib borishda qonunchilikda nazarda tutilgan jazo choralarining qat'iyligi va muqarrarliligi muhim o'rin tutadi. O'zbekistondagi jazo choralari bir qator davlatlar tajribasi bilan solishtirishganda ularning o'xshash va farqli jihatlari ko'rishimiz mumkin.

Rossiya Federatsiyasi jinoyat qonunchiligida pora olish va berish uchun belgilangan jazo O'zbekiston qonunchiligiga ancha yaqin turadi. Masalan, Rossiya Jinoyat kodeksining 290-moddasi (pora olish) bo'yicha mansabdor shaxs 15 yilgacha ozodlikdan mahrum qilish jazosiga tortilishi mumkin. Pora berganlik uchun ham (291-modda) o'xshash tartibda 15 yilgacha qamoq jazosi nazarda tutilgan [2].

Shu bilan birga, Rossiya amaliyotida jazo sifatida katta miqdordagi jarimalarni qo'llash holati keng tarqalgan. Qonunga ko'ra, pora miqdorining ko'p barobariga teng jarima tayinlash yoki uzoq muddat davlat lavozimlarini egallash huquqidan mahrum qilish kabi choralar mavjud. Korrupsiya jinoyatlari uchun yuridik shaxslarga nisbatan ma'muriy javobgarlik ham belgilangan (Ma'muriy huquqbuzarliklar to'g'risidagi kodeksning 19.28-moddasiga muvofiq, yuridik shaxsga nisbatan katta miqdorda jarima solinadi).

Qozog'iston Respublikasi ham oxirgi yillarda korrupsiya jinoyatlari uchun jazolarni keskinlashtirgan. Qozog'iston Jinoyat kodeksining 366-moddasi (pora olish)ga binoan, oddiy pora olish uchun 5 yilgacha ozodlikdan mahrum etish yoki pora summasining 20–50 barobari miqdorida jarima belgilangan, pora miqdori ortib borgan sari jazo muddati ham ortadi. Ko'p miqdorda pora olganlik yoki tamagirlik yo'li bilan talab qilib olingan pora uchun 7 yildan 12 yilgacha qamoq jazosi qo'llanilishi mumkin, juda ko'p miqdorda yoki uyushgan guruh tarkibida pora olganlik uchun esa 10 yildan 15 yilgacha ozodlikdan mahrum qilish jazosi belgilangan [3]. Qonunga muvofiq, pora miqdoriga qarab jarima jazosi ham 20 barobardan 80 barobarigacha oshiriladi. Qozog'istonda pora

berganlik uchun jazo shkalasi ham xuddi shunga yaqin tarzda keskin: pora beruvchiga (367-modda) eng ko'pi 12 yilgacha ozodlikdan mahrum qilish, shuningdek, pora berish-olishda vositachilik (368-modda) uchun ham 5 yildan 10 yilgacha jazo belgilangan. Qozog'iston qonunchiligi korrupsiya uchun amnistiya yoki shartli ozod etish imkoniyatlarini keskin chekladi. Joriy etilgan o'zgarishlarga binoan, korrupsion jinoyat sodir etgan mansabdorlar jazoni to'liq o'tashlari shart etib qo'yilmoqda. Bu choralar jazoning muqarrarligini oshirishga qaratilgan.

Germaniya jinoyat qonunchiligida (StGB) korrupsiya uchun belgilangan jazolar postsovet davlatlariga nisbatan yumshoqroq tuyulishi mumkin, biroq Germaniyada umumiy huquqiy tizim va ijro mexanizmlari samarali ishlaydi. Germaniya Jinoyat kodeksida mansabdor shaxsning o'z xizmat vazifasini suiiste'mol qilib pora olishi ikki turga ajratilgan: xizmat vazifasini bajarish evaziga noqonuniy manfaat qabul qilish (passiv pora, §331) va vazifa topshirig'ini buzgan holda pora olish (og'irlashtiruvchi, §332). §331 ga binoan, mansabdorning xizmat vazifasi doirasida qandaydir manfaatni qabul qilishi uch yilgacha ozodlikdan mahrum qilish yoki jarima bilan jazolanadi [4]. Agar bu manfaat sudya yoki arbitr tomonidan qabul qilingan bo'lsa, jazo chegarasi besh yilgacha oshadi. Diqqatga sazovori, Germaniyada pora evaziga vazifa vakolatini buzgan hollar (ya'ni haqiqiy poraxo'rlik, §332) uchun jazo 6 oydan 5 yilgacha ozodlikdan mahrum qilish tarzida belgilangan, og'ir holatlarda, ayniqsa, sudya uchun 1 yildan 10 yilgacha ozodlikdan mahrum qilish jazosi qo'llanishi mumkin. Demak, Germaniyada, odatda, korrupsiya uchun maksimal jazo 10 yildan oshmaydi, biroq jarimalar va ikkinchi darajali choralar (masalan, lavozimni tark ettirish) faol qo'llaniladi. Germaniya qonunchiligi yuridik shaxslar korrupsiyasi uchun jinoiy javobgarlik belgilamagan (korrupsiya uchun jismoniy shaxslar javobgar), ammo Companies Act va boshqa qonunlar orqali kompaniyalarga nisbatan moliyaviy jazo va taqiqlar qo'llanilishi mumkin. Shuni ta'kidlash kerakki, Germaniya kabi mamlakatlarda jazoning muqarrarligi va qonuniylik prinsipi juda yuqori darajada ta'minlanadi, shu bois jazo muddatlarining nisbatan kamligi korrupsiyaga qarshi kurash samaradorligiga salbiy ta'sir qilmayapti.

Fransiyada ham korrupsiya uchun jazo choralari keskin. Fransuz Jinoyat kodeksining 432-11-moddasiga muvofiq, davlat hokimiyat vakili yoki mansabdor shaxs pora olganligi (korrupsiya passiv) uchun 10 yilgacha ozodlikdan mahrum qilish va 1 000 000 yevrogacha jarima jazosiga hukm etiladi. Shuningdek, jarima miqdori jinoyat orqali olingan foydaning ikki baravarigacha oshirilishi mumkinligi belgilangan [5]. Korrupsiyaning aktiv shakli (432-11 va 433-1-moddalar – mansabdorni porada og'dirish) ham xuddi shunday tartibda 10 yilgacha ozodlikdan mahrum qilish bilan jazolanadi. Fransiyada ham maksimal jazo muddati 10 yilni tashkil etadi, lekin qo'shimcha ravishda mansabdorlik huquqidan mahrum qilish, mol-mulk musodarasini kabi choralar ham qo'llaniladi. Fransuz qonunchiligida yuridik shaxslar korrupsiyasi uchun javobgarlik nazarda tutilgan: huquqiy shaxslarga nisbatan juda katta miqdorda jarima (ko'p hollarda million yevro va undan ortiq) va ularning faoliyatiga cheklovlar qo'llanishi mumkin (Fransiya Jinoyat kodeksi 131-39-moddasi).

Yevropa Ittifoqi doirasida qabul qilingan hujjatlar ham korrupsiya uchun jazolar "samarali, mutanosib va mudhish" (effective, proportionate and dissuasive) bo'lishi lozimligini talab qiladi [6]. Fransiya va boshqa Yevropa davlatlari qonunchiligi mazkur prinsipga muvofiq ravishda, korrupsioner uchun jazo muqarrar va yetarlicha ta'sirchan bo'lishini ta'minlamogda.

Singapur korrupsiyaga qarshi eng muvaffaqiyatli kurash olib borayotgan davlatlardan biri bo'lib, uning qonunchiligi jazolar qat'iyligi va ijro intizomi bilan ajralib turadi. Singapurda 1960-yilda qabul qilingan Korrupsiyaning oldini olish to'g'risidagi qonun (Prevention of Corruption Act, PCA) asosiy hujjat hisoblanadi. Unga muvofiq, korrupsiya uchun umumiy jazo 5 yilgacha ozodlikdan mahrum etish yoki 100 000 Singapur dollarigacha jarima yoxud har ikkalasini birdaniga

qo'llash belgilangan [7]. Agar jinoyat davlat byudjetiga doir shartnomalar bilan bog'liq bo'lsa, maksimal jazo 7 yilgacha qamoq va 100 ming dollargacha jarima etib belgilangan. Singapurda jazolar nisbatan "o'rtacha" ko'rinsa-da (boshqa ayrim davlatlardagidek 10–15 yil emas), amalda korrupsiya darajasi jahonda eng past bo'lib, bu jazolarning muqarrar qo'llanilishi va qat'iy ijro bilan bog'liqdir. Masalan, Singapurda korrupsiyani tergov qilish byurosi (CPIB) bevosita Bosh vazir idorasiga bo'ysunadi va har qanday mansabdor va fuqaroni sudga torta oladi, "hech kim qonundan ustun emas, barchaga birdek tatbiq etiladi" tamoyili amalda qo'llaniladi [7]. Qat'iy jazo muqarrarligi natijasida, Singapur har yili Transparency International tashkiloti e'lon qiladigan Korrupsiyani qabul qilish indeksida eng ilg'or o'rnlarni egallab kelmoqda (masalan, CPI 2024 ko'rsatkichi 84 ball, dunyoda 3-o'rin) [8]. Demak, Singapur tajribasi shundan dalolat beradiki, korrupsiyaga qarshi kurashda jazoning muqarrarligi va tezkor tatbiq etilishi uning og'irlik darajasidan ham ta'sirliroq natija beradi.

Yaponiyaning korrupsiyaga oid jinoyat qonunchiligi an'anaviy va o'ziga xos. Yaponiyada mansabdorning pora olganligi uchun umumiy jazo 5 yilgacha ozodlikdan mahrum qilishdir (agar pora xizmat vakolatini suiiste'mol qilib muayyan harakatni amalga oshirish evaziga bo'lsa, ba'zi hollarda 7 yilgacha ham bo'lishi mumkin). Pora bergan shaxs esa, odatda, 3 yilgacha ozodlikdan mahrum qilish yoki katta miqdorda jarima bilan jazolanadi. Yaponiya qonunchiligida pora beruvchilarga nisbatan yengilroq yondashuv bor, lekin ularni ayab o'tirmaydi. Yaponiya ma'muriy huquqidan kelib chiqib, korrupsiyaga qarshi kurashda qat'iy xizmat etikasi qonunlari ham mavjud. Masalan, davlat xizmatchilari uchun alohida "Manfaatlar to'qnashuvi va etika qonunlari" qabul qilingan bo'lib, ular har qanday noqonuniy moddiy manfaat olishni taqiqlaydi va ichki tartib-intizom orqali javobgarlikka tortadi [9]. Yaponiyada jinoiy jazolar muddati nisbatan yuqori emas (10 yillik hukmlar deyarli qo'llanilmaydi), ammo jazo muqarrar va obro'y yo'qotishi juda kuchli chora sifatida natija beradi. Shuningdek, Yaponiyada, xalqaro majburiyatlarga ko'ra, 1998-yildan xorijiy mansabdorlarga pora berish ham jinoyat deb belgilangan, bu norma "Noadolat raqobatning oldini olish to'g'risida"gi qonunda aks etgan (18-modda). Umuman, Yaponiya politsiyasi va prokuraturasi korrupsiyani ayovsiz fosh etadigan tizimga ega, shu bois mamlakatda korrupsiya darajasi past (CPI 2024 da 20-o'rin, 71 ball) [9].

Xitoy Xalq Respublikasi korrupsiya uchun jinoiy jazolar borasida dunyoda eng qat'iy choralar qo'llaydigan mamlakatlardan biri. Xitoy jinoyat qonunchiligida poraxo'rlik va vazifadan foydalanib qilingan mansab jinoyatlari uchun jazo hatto o'lim jazosigacha borishi mumkin. Jumladan, Xitoy jinoyat kodeksining 383-moddasiga ko'ra juda katta miqdorda pora olgan mansabdorga nisbatan umrbod qamoq yoki ayrim hollarda o'lim jazosi ham qo'llanilishi mumkin. Amalda Xitoyda har yili yuzlab mansabdorlar korrupsiya uchun qatl etilishi haqida ma'lumotlar bor, jumladan 2021-yil davomida ming nafardan ortiq amaldorga oliy jazo qo'llanilgani to'g'risida ma'lumotlar bor [10]. Bundan tashqari, poraxo'r mansabdorning o'z oilasi uchun sarf qilingan xarajatni to'latish kabi choralar ham qo'llanilishi aytilgan. Albatta, bunday asabiy choralar jamiyatga kuchli ta'sir o'tkazish maqsadida joriy qilingan. Xitoy qonunlariga binoan, poraxo'rlik bilan bog'liq jinoyatlarning yengilroq holatlari uchun 5–10 yil atrofida ozodlikdan mahrum qilish jazolari belgilangan, 50 ming yuandan ortiq pora uchun 10–15 yil, 500 ming yuandan ortiq pora uchun esa umrbod ozodlikdan mahrum qilish yoki o'lim jazosi kabi choralar nazarda tutilgan. Shuningdek, Xitoyda mansab vakolatini suiiste'mol qilish yoki vazifasini vijdonsizlik bilan bajarmaslik (mansabga sovuqqonlik) kabi jinoyatlar uchun 7 yildan 15 yilgacha ozodlikdan mahrum qilish jazosi belgilanishi mumkin.

Yuqoridagi tahlillarni umumlashtirib, shuni aytish mumkinki, har bir davlat o'z tarixi, huquqiy tizimi va ijro amaliyotidan kelib chiqib, korrupsiyaga qarshi jazolash siyosatini yuritadi. Masalan,

Rossiya va Qozog'iston kabi davlatlar O'zbekistonga yaqin bo'lgani sababli ularda ham 15 yilgacha ozodlikdan mahrum qilish jazolari belgilanganini ko'ramiz. Germaniya va Fransiya kabi Yevropa davlatlarida esa ozodlikdan mahrum qilish muddatlari nisbatan kamroq (3–10 yil atrofida), lekin boshqa ta'sirchan choralar va institutsional nazorat kuchli. Singapur va Yaponiya kabi mamlakatlar jazolarni me'yordan oshirmasdan, lekin amalga oshirishda muqarrarlik va shaffoflikka urg'u bergan. Xalqaro tajriba shuni ko'rsatadiki, korrupsiyaga qarshi kurash samarasi faqat jazo muddatining uzun-qisqaligiga bog'liq emas, balki jazoning muqarrarliligi, hokimiyat tizimidagi ochiqlik, jamoatchilik nazorati hamda tarbiyaviy profilaktika choralari bilan uzviy bog'liqdir.

Korrupsiyaga qarshi xalqaro huquqiy hujjatlar milliy qonunchiliklar uchun muayyan standart va talablarni belgilab beradi. BMT Konvensiyasi davlatlardan poraxo'rlik, mansab suiiste'moli, o'zlashtirish va rastrata qilish, hisob-kitoblarni qalbakilashtirish, noqonuniy boyish kabi korrupsiyaning turli ko'rinishlarini jinoyat sifatida belgilashni talab qiladi. Shu bilan birga, Konvensiya jinoyat uchun belgilanadigan sanksiyalar xususida qat'iy bir me'yorlarni bermaydi. UNCACning 30-moddasida, xususan, davlatlar jinoyat sodir etgan shaxslarga nisbatan adolatli va samarali jazo choralarni qo'llashlari lozimligi aytilgan. Bunda jazolarning samarali, mutanosib va natija beradigan ("effective, proportionate and dissuasive") bo'lishi zarurligi ta'kidlanadi [6]. Bu prinsip, shuningdek, Yevropadagi xalqaro hujjatlarda ham qayd etilgan. Masalan, Yevropa Ittifoqining 1997-yilda qabul qilingan YEI yoki davlat mansabdorlarining poraxo'rlikiga qarshi kurash to'g'risidagi Konvensiyasida ishtirokchi davlatlar poraxo'rlik uchun samarali jinoiy javobgarlik choralarni belgilashlari shart va jazolar samarali, mutanosib hamda korrupsioner uchun qo'rquv soluvchi darajada bo'lishi lozimligi qayd etilgan [6]. Shu bilan birga, xalqaro konvensiyalar davlatlarga muayyan erkinlik ham qoldiradi – har bir mamlakat o'z huquq tizimi doirasida jazo turlarini belgilashi mumkin, lekin ular korrupsiyaga qarshi umumiy strategiyaga muvofiq bo'lishi kerak.

Xalqaro konvensiyalar yana bir muhim masala – yuridik shaxslarning javobgarligiga alohida e'tibor qaratadi. BMTning Korrupsiyaga qarshi konvensiyasi 26-moddasida davlatlar yuridik shaxslarni korrupsiya uchun jinoiy, fuqarolik yoki ma'muriy javobgarlikka torta oladigan choralarni joriy etishlari zarurligi bayon etilgan. Bundan ko'zlangan maqsad – kompaniyalar, korxonalar o'z xodimlarining korrupsiyasi uchun jazodan qochmasligi, ularga nisbatan ham samarali ta'sir choralari ko'rilishidir. Yevropa Ittifoqi va OECD konvensiyalarida ham shu talab bor. Masalan, OECDning 1997-yilgi Xorijiy mansabdorlarga pora berishga qarshi Konvensiyasida kompaniyalarga nisbatan samarali sanksiyalar qo'llanilishini kafolatlashni talab qiladi [6].

Shunday qilib, xalqaro hujjatlar korrupsiyaga qarshi kurashda jazo choralari mustahkam huquqiy asosga ega bo'lishi, korrupsiya uchun jazoga tortishda davlatlar o'rtasida hamkorlik qilinishi va eng muhimi, jazolar adolatli, samarali hamda qonunbuzarni cho'chitadigan darajada qat'iy bo'lishi kerakligini belgilar ekan, O'zbekistonning milliy qonunchiligi ham shu talablarga muvofiq ravishda takomillashib bormoqda. 2019-yilgi jazolarni qat'iylashtirish islohotlari, 2017–2024 yillarda korrupsiyaga qarshi qonunlarning qabul qilinishi bevosita xalqaro majburiyatlarni bajarishga qaratilgandir. Jumladan, 2017-yilda qabul qilingan "Korrupsiyaga qarshi kurash to'g'risida"gi va 2024-yilda kuchga kirgan "Manfaatlar to'qnashuvi to'g'risida"gi qonunlar xalqaro konvensiya talablarini implementatsiya qilish yo'lidagi choralardir. Yevropa Ittifoqi hujjatlarida nazarda tutilganidek, O'zbekiston ham korrupsiya uchun jazolar borasida "aqliy muvozanat"ga erishishga intilyapti – jinoyat uchun jazo murosasiz va muqarrar, biroq insonparvarlik prinsiplariga ham xilof bo'lmaydigan tarzda qonuniylilik ta'minlanayapti.

Transparency International ham har yili chiqaradigan Korrupsiyani idrok etish indekslarida O'zbekiston kabi davlatlarga sud-huquq islohotlarini chuqurlashtirish, aybdorlarga jazo muqar-

rarligini ta'minlash va mustaqil antikorrupsiya tuzilmalarini kuchaytirishni tavsiya etadi. Shu bilan birga, OBSE va Jahon banki kabi xalqaro tashkilotlar korrupsiyaning profilaktikasida faqat jazoga emas, balki davlat boshqaruvini oshkora qilish, elektron hukumat orqali inson omilini kamaytirish, jamoatchilik nazoratini kuchaytirishga oid choralarni ham tavsiya etmoqda, bu choralar jazo muolajalari bilan birga qo'llanilsa, tizimli ta'sir ko'rsatadi [11].

Professor M.Yu. Dvovreskiyning ta'kidlashicha, korrupsiyaga qarshi kurashda jazo tayinlash faqat repressiv (ozodlikdan mahrum etish, qamoq va h.k.) choralar bilan cheklanmasligi lozim. Uning fikricha, jazo nafaqat jazolovchi, balki ijtimoiy adolatni ta'minlovchi mexanizm sifatida ham xizmat qilishi kerak. Buning uchun jamiyatda fuqarolik ishonchini tiklaydigan va manfaatdor shaxslarga real ta'sir ko'rsatadigan jazo shakllarini qo'llash muhimdir. Jumladan:

- mol-mulkni to'liq musodara qilish – jinoyatdan kelgan daromadni yo'qqa chiqarish orqali jazoning iqtisodiy ta'sirini kuchaytirish;
- davlat xizmatidan uzoqlashtirish (umrbod yoki uzoq muddatga) – fuqarolik jamiyatidagi ishonchni tiklash va davlat apparatidagi tazyiqni kamaytirish;
- jazoning shaxs uchun haqiqiy zarar keltiruvchi shakllari – manfaatdorlikni yo'qotishga qaratilgan ta'sir choralari (masalan, davlat buyurtmalarida ishtirokdan cheklash, saylovlarda qatnashishni taqiqlash va h.k.) [12].

Shu bilan birga, olim jazo tayinlashda ratsional strategiya zarurligini uqtiradi. Bu strategiyada jinoyat sodir etgan shaxs o'z qilmishi uchun javobgarlik xavfini ongli ravishda his etishi shart. Ya'ni, shaxs jinoyat sodir etish paytida uning oqibati qanday bo'lishi, qanday iqtisodiy, ijtimoiy va huquqiy jazolarga uchrashi mumkinligini oldindan anglab turishi lozim. M.Yu. Dvovreskiyning fikricha bunday yondashuv jazoning profilaktik vazifasini amalga oshirishda muhim o'rin tutadi [12].

Xulosa qilib aytganda, korrupsiya uchun jazoni samarali tayinlash faqat qattiq sanksiyalar bilan emas, balki intellektual, adolatli va tahlilga asoslangan davlat siyosatini yuritish orqali ta'minlanadi.

Professor V.N. Burlakov korrupsiyaga qarshi kurash jinoiy-huquqiy profilaktika vositalarini takomillashtirish zarurligini ta'kidlaydi va bu borada qator amaliy takliflar ilgari suradi.

Birinchidan, u "poraxo'rlik" va "korrupsiya" tushunchalarini aniq va izchil huquqiy ta'riflash zarurligini ta'kidlaydi. Hozirgi huquqiy amaliyotda ushbu ikki atama ko'pincha o'zaro aralashib ketadi, bu esa huquqni qo'llashda noaniqliklarga va antikorrupsiya siyosatining samaradorligi susayishiga sabab bo'ladi. Aniq terminologik yondashuv nafaqat huquqni muhofaza qiluvchi organlar faoliyatida, balki ta'lim jarayonida ham muhim ahamiyat kasb etadi.

Darhaqiqat, amaldagi O'zbekiston Respublikasining "Korrupsiyaga qarshi kurashish to'g'risida"gi qonunida "korrupsiya" tushunchasi, asosan, poraxo'rlik va mansab vakolatini suiste'mol qilish kabi jinoyatlarni nazarda tutadi. Shuni inobatga olgan holda, milliy qonunchilikdagi aniqlikni ta'minlash va korrupsiyani jinoiy-huquqiy emas, qisman siyosiy, iqtisodiy va ma'muriy kategoriya sifatida ham izohlash imkonini yaratish maqsadida, quyidagi ta'rif taklif etilmoqda:

"Korrupsiya – bu shaxsning o'ziga berilgan mansab yoki xizmat vakolatlaridan yoxud ta'sir o'tkazish imkoniyatlaridan shaxsiy yoki o'zga shaxslar (guruh, tashkilot, oila a'zolari) manfaatlarini ko'zlab moddiy yoki nomoddiy naf olish yoki shunday nafni taqdim etish maqsadida qonunga xilof ravishda foydalanishi, shuningdek davlat boshqaruvi, xo'jalik yoki jamoat munosabatlarida shaxsiy yoki guruh manfaatlari yo'lida qaror qabul qilish jarayoniga noqonuniy ta'sir ko'rsatishning turli shakllari, xususan, muayyan iqtisodiy yoki siyosiy qarorlarni o'z foydasiga qabul qildirish uchun manfaatli guruhlar orqali bosim o'tkazish (lobbizm), xizmat yoki mansab masalalarida qarindoshlik yoki shaxsiy yaqinlik asosida ustunlik berish (nepotizm), muayyan shaxs yoki guruhni boshqalarga

nisbatan asossiz qo'llab-quvvatlash yoki himoya qilish (proteksionizm), shuningdek rasmiy mavqe yoki shaxsiy aloqalardan foydalanib qaror qabul qiluvchi shaxslarga ta'sir ko'rsatish orqali noqonuniy imtiyoz yoki naf olish (ta'sir savdosi) kabi yashirin mexanizmlar orqali amalga oshiriladigan qonunga xilof faoliyat".

Ikkinchidan, muallif korrupsiya uchun javobgarlikni belgilaydigan mustaqil norma qabul qilishni taklif etadi. Mazkur norma faqat pora berish va olishga emas, balki korrupsiyaning barcha ko'rinishlarini — tijorat poraxo'rliqi, manfaatlar to'qnashuvi, xizmat vakolatlarini suiiste'mol qilish, byudjet mablag'larini talon-toraj qilish kabi holatlarni qamrab olishi lozim. Bu orqali huquqbuzarliklarni aniqroq kvalifikatsiya qilish va adolatli jazo tayinlash imkoni paydo bo'ladi.

Shunga ko'ra, korrupsiyaga oid jinoyatlar deganda, bu mansabdor shaxslar yoki ularga tenglashtirilgan maxsus subyektlar tomonidan o'z xizmat vakolatlari, rasmiy mavqeyi yoki xizmat doirasidan qasddan, qonunga xilof ravishda, shaxsiy, guruh yoki boshqa manfaatlarini ko'zlab, qonun bilan qo'riqlanadigan ijtimoiy munosabatlarga tahdid soluvchi va jinoiy javobgarlikka sabab bo'luvchi ijtimoiy xavfli qilmishlar majmuasi, kabi ta'rifni berish maqsadga muvofiqdir.

Uchinchidan, V.N. Burlakov korrupsion jinoyatlar uchun jinoiy javobgarlikni kuchaytirish zarurligini ta'kidlaydi. Uning fikricha, mansabdor shaxslar ishtirokidagi korrupsion sxemalar jamiyat va davlat uchun yuqori ijtimoiy xavf tug'dirishi sababli, bunday shaxslarga nisbatan jazo sanksiyalari qat'iyroq bo'lishi kerak.

Xususan, jazolar samaradorligi borasida O'zbekiston tajribasida ham ayrim muammolar kuzatilmoqda. Qonun bo'yicha jazo choralari nisbatan qat'iy belgilanganiga qaramay, ularning ijrosi va haqiqiy tatbiqi doim ham to'liq ta'minlanmayapti. Masalan, O'zbekiston Respublikasining 2024-yilgi Korrupsiyaga qarshi kurashish to'g'risidagi milliy ma'ruzasida keltirilishicha, 2024-yil davomida O'zbekistonda korrupsiyaga oid jinoyatlar uchun jinoiy javobgarlikka tortilgan shaxslar soni sezilarli darajada yuqori bo'lgan. Respublika sudlari tomonidan jami 4 649 ta jinoyat ishi bo'yicha 7 354 nafar shaxs aybdor deb topilgan. Bu raqamlar korrupsiyaga qarshi kurash tizimidagi huquqni qo'llash amaliyoti faolligini va davlat siyosatida bu soha ustuvor yo'nalish sifatida namoyon bo'layotganini tasdiqlaydi.

Shu bilan birga, jazo turlarining taqsimoti korrupsiyaga oid jinoyatlar uchun jazo siyosatida individuallashtirish va profilaktik ta'sirni ta'minlashga intilish mavjudligini ko'rsatadi. Xususan, 1 525 nafar shaxs (20 foiz) ozodlikdan mahrum qilish jazosiga hukm qilingan bo'lsa, 2 991 nafariga axloq tuzatish ishlari, 1 080 nafariga ozodlikni cheklash, 1 121 nafariga jarima, 7 nafariga majburiy jamoat ishlari, 5 nafariga muayyan huquqdan mahrum qilish jazolari tayinlangan.

Bundan tashqari, sudlar ayrim hollarda gumon qilinuvchilarning shaxsiy holati va jinoyatning xususiyatini hisobga olgan holda yengilroq choralarni qo'llagan: 62 nafar shaxsga shartli hukm chiqarilgan, 265 nafarga nisbatan jazo tayinlanmagan, 86 nafari jazodan ozod qilingan hamda 212 nafar shaxsga nisbatan jinoyat ishi tugatilgan [13]. Jazolarning bunday samarasiz qo'llanilishi korrupsiyaga qarshi kurashdagi keng profilaktika ta'sirini pasaytirib, tizimga nisbatan ishonchsizlikni oshiradi.

To'rtinchidan, aholining huquqiy savodxonligini oshirish va maxsus antikorrupsiya ta'lim dasturlarini joriy etish. Fikrimizcha, fuqarolarni korrupsiyaning oqibatlarini, huquqiy tavakkallari va murojaat kanallari haqida xabardor qilish orqali jamiyatda antikorrupsiya madaniyatini shakllantirish mumkin. Bu ta'lim maktab, universitet va davlat xizmatchilari uchun qayta tayyorlash kurslari darajasida tashkil etilishi lozim.

Korrupsiyaga qarshi samarali kurashda jinoiy-huquqiy ta'sir choralari orasida mol-mulkni musodara qilish instituti alohida o'rin tutadi. Professor M.S.Kachelinnig ta'kidlashicha [14],

musodara faqat jazolovchi chora emas, balki korrupsion faoliyatdan kelib chiqqan moddiy foydani yo'q qilish va uni davlat manfaatiga qaytarish imkonini beradigan ta'sirchan mexanizmdir. Ushbu institut iqtisodiy va huquqiy samaradorlik nuqtayi nazaridan xalqaro tajribada o'zini oqlagan (bir qator olimlar ham shu mazmundagi g'oyani qo'llab-quvvatlashmoqda) [15].

Yevropa Kengashining 1999-yilgi Konvensiyasi jinoyat natijasida olingan daromadlar musodarasini ta'minlash bo'yicha davlatlarning huquqiy majburiyatlarini nazarda tutadi. BMTning 2003-yilgi Korrupsiyaga qarshi konvensiyasi (31-modda) davlatlarga korrupsiya jinoyatlaridan olingan noqonuniy daromad, mol-mulk va foydalanilgan aktivlarni musodara qilish mexanizmlarini ta'minlashni buyuradi.

T.I.Vaulina korrupsiyaga oid jinoyatlarni kvalifikatsiya qilish va ular uchun jazo choralarni takomillashtirish borasidagi murakkab muammolarga kompleks yondashuvni ta'minlash maqsadida, huquqiy klassifikatsiyaning yaxlit tizimini yaratish, nomoddiy manfaatlarini qamrab olgan tarkibiy belgilarni jinoiy-huquqiy tartibga solish, yuridik shaxslarning javobgarligini joriy etish korrupsiyaga qarshi kurashning institutsional asoslarini mustahkamlashni taklif etadi. Shu bilan birga, jazo choralarni keskinlashtirish, ayniqsa, mol-mulk musodarasini, davlat xizmatidan umrbod chetlatish, xalqaro sanksiyalar va davlat xaridlarida ishtirokni cheklash orqali jazoning samaradorligi funksiyasi oshiriladi. Ijtimoiy adolat tamoyilini amalga oshirish maqsadida jazoning muqarrarlari va sud amaliyotidagi yagona yondashuvni ta'minlash muhim hisoblanadi [16].

Boshqa olimlar [17] esa, korrupsiyaga oid jinoyatlarning jinoiy-huquqiy profilaktikasi samaradorligini oshirish maqsadida, *birinchidan*, "korrupsiya" tushunchasini huquqiy jihatdan aniq va universal ta'riflash hamda nomoddiy shakllarini (lavozim, imtiyoz, ijtimoiy ta'sir) jinoiy tarkib sifatida e'tirof etish, *ikkinchidan*, yuridik shaxslar jinoiy javobgarligini joriy etish, ularga nisbatan moliyaviy va ma'muriy sanksiyalar qo'llash, *uchinchidan*, korrupsiyaga oid jinoyatlar uchun jazo choralarni kuchaytirish: korrupsiya orqali orttirilgan daromadlarni to'liq musodara qilish, davlat xizmatidan umrbod chetlatish, xalqaro sanksiyalar tizimini qo'llash, chet el aktivlarini bloklash va davlat xaridlaridan cheklash mexanizmlarini tatbiq etishni taklif etmoqdalar.

Shunday qilib, jinoiy javobgarlikning barcha elementlari to'laqonli va samarali amalga oshirilgan taqdirdagina, davlat hokimiyatining yuqori pog'onalarida korrupsiyani cheklash va uning kengayishini to'xtatish mumkin bo'ladi. Bu esa jinoiy jazo faqat jazolovchi vosita emas, balki davlat hokimiyatini sog'lomlashtirish va fuqarolarning davlatga bo'lgan ishonchini tiklash vositasi ekanini yana bir bor tasdiqlaydi.

Poraxo'rlik jinoyatlari davlat hokimiyati, boshqaruv va sud-huquq tizimlariga jiddiy tahdid soluvchi omillardan biri hisoblanadi. Shu bois, bu sohadagi huquqiy mexanizmlarni takomillashtirish, huquqni qo'llashdagi birxillikni ta'minlash va ijtimoiy adolatni tiklash maqsadida quyidagi yo'nalishlarda islohotlar amalga oshirilishi zarur:

1. Jinoyat kodeksiga tegishli o'zgartishlar kiritish [18]. Xususan, jinoiy javobgarlikni differentsiatsiya qilish, ya'ni turli holatlar (takroriylik, tashkil etilgan guruh, mansabdor shaxsga ta'sir ko'rsatish maqsadi va boshqalar) uchun jazo choralarining darajasi va miqyosini aniq belgilash zarur. Bu qonun normalarining aniqligi va amaliyotda to'g'ri kvalifikatsiya qilinishiga xizmat qiladi.

2. Pora olish va sovg'ani farqlash mezonlarini aniq belgilash. Poraxo'rlik jinoyati doirasida qo'llaniladigan "pora" tushunchasining moddiy miqdori, shakli va qonuniy sovg'alardan farqini belgilash kerak. Qonunchilikda buning aniq ifodalanishi huquqni qo'llovchi organlar uchun aniq yo'nalish beradi va huquqiy noaniqliklarni kamaytiradi. Bunday yondashuv fuqarolar va mansabdor shaxslar o'rtasidagi ijtimoiy munosabatlarning huquqiy chegaralarini belgilashda muhim ahamiyat kasb etadi.

3. Sud va huquqni muhofaza qiluvchi organlar uchun metodik ko'rsatmalar ishlab chiqish. Poraxo'rlik jinoyatlarini kvalifikatsiya qilishda yagona amaliyotni ta'minlash, huquqni qo'llashda turlicha talqinlar va xatolarning oldini olish maqsadida huquqni qo'llovchi organlar va sudlar uchun aniq va mantiqiy asoslangan metodik tavsiyalar, sharhlar ishlab chiqish talab etiladi. Bu nafaqat qonun normalarining to'g'ri talqin etilishiga, balki sudlov adolatining ta'minlanishiga ham xizmat qiladi.

4. Amaliyotda to'plangan ma'lumotlarni ilmiy tahlil qilish. Qonun normalarining samarali qo'llanilishi uchun amaldagi sud-tergov tajribasini ilmiy asosda tahlil qilish zarur. Sud qarorlari, tergov natijalari va statistik ma'lumotlar negizida korrupsiya jinoyatlarini aniqlash, tergov qilish va jazolashdagi kuchli va zaif tomonlarni baholash, shuningdek, islohotlar uchun takliflar ishlab chiqish muhim ahamiyatga ega.

Yuqoridagi tahlillardan kelib chiqib, respublikada korrupsiyaga qarshi kurashning jinoiy-huquqiy choralari takomillashtirish yo'nalishida quyidagilarni amalga oshirish taklif etiladi:

Birinchidan, sudlar faoliyatida korrupsiyaga doir ishlarga ustuvorlik berish kerak. Masalan, puxta dalil asosida ayblangan amaldorlarga nisbatan jazoni yengillatib yuborish holatlariga chek qo'yish, ayrim hollarda shartli hukm qo'llashni cheklash taklifi muhokamaga arziydi. Jazo muqarrarligiga doir yana bir chora – korrupsiya uchun jazodan istisno qilib bo'lmazlikni qonun darajasida mustahkamlash. Masalan, korrupsiyaga oid jinoyatlarni sodir etgan shaxslarga nisbatan rag'batlantiruvchi normalarni qo'llamaslik (JKning 72, 73, 74-moddalari). Umuman olganda, "jazodan qochib qutulish yo'q" tamoyilini amalga oshirish qonunchilikni takomillashtirishda asosiy shior bo'lishi kerak.

Ikkinchidan, jazolarning majmuaviyligini ta'minlash. Korrupsiyaga qarshi faqat ozodlikdan mahrum qilish jazosi bilan emas, balki moliyaviy va boshqa ta'sir choralari bilan kurashish samaraliroq. Shu bois, qonunchilikda jarima, mulkni musodara qilish, ma'lum huquqlardan mahrum etish kabi jazo turlarini yanada faol qo'llash lozim. Masalan, pora oluvchi va pora beruvchining noqonuniy orttirgan daromadlarini to'liq musodara qilish va qo'shimcha ravishda ularni katta miqdorda jarimaga mahkum etish iqtisodiy jihatdan tiyib turuvchi mexanizm bo'ladi. Buning e'tiborli jihat shundaki, jarima miqdori belgilanganida inflyatsiya va pora summolari real qadrlarini inobatga olish. Amaldagi Kodeksda jarima bazaviy hisoblash miqdoriga bog'liq (masalan, 300–600 baravar), ammo ayrim hollarda pora yoki yetkazilgan zarar summasidan kelib chiqib nisbiy jarima tayinlash ham mantiqan to'g'ri. Masalan, Rossiya va Qozog'iston tajribasida pora summasining bir necha barobari miqdorida jarima solish mexanizmi bor, O'zbekistonda ham shuni joriy etish o'rinli bo'lishi mumkin. Shu bilan bir qatorda, mulkiy jazo choralari kuchaytirish uchun korrupsion jinoyatchiga tegishli deb topilgan aktivlarni davlat foydasiga musodara qilish tartibini takomillashtirish zarur. Bunda, mos ravishda, Jinoyat-protsessual kodeksiga tergovda mulkka arest solish, uni tez musodara qilish bo'yicha normalar kiritilishi mumkin.

Uchinchidan, yuridik shaxslarning javobgarligini joriy etish. Ko'pgina mamlakatlarda korrupsiya faqat shaxsiy emas, balki institutsional muammo sifatida ko'riladi. Ko'p hollarda pora tijorat tashkilotlari manfaati uchun beriladi yoki olinadi (tenderlarda yutuqqa erishish, imtiyoz olish va h.k.). Shu sababli, xalqaro standartlarga muvofiq, yuridik shaxslar (kompaniyalar, korxonalar)ni jinoiy javobgarlikka tortish masalasini ko'rib chiqish lozim. Agar korxona rahbariyati yoki nomidan pora berilgan bo'lsa, u holda ana shu korxonaga nisbatan katta jarima, faoliyatini cheklash, davlat buyurtmalaridan mahrum qilish kabi sanksiyalar qo'llanishi darkor. Bunday me'yorlar ayrim Yevropa davlatlarida, AQSH va Qozog'istonda mavjud. O'zbekistonda ham bu yo'nalishda qonunchilik tashabbusi sifatida "Yuridik shaxslarning jinoiy javobgarligi to'g'risida" alohida qonun

qabul qilish yoki Jinoyat kodeksiga maxsus bob kiritish mumkin. Bu, bir tomondan, chet el investorlari uchun ham tushunarli tartib bo'ladi (ular o'z mamlakatlarida bunday talablarga ko'nikkan), ikkinchidan, kompaniyalarni ichki komplayens va korrupsiyaga qarshi siyosati bo'lishga majbur etadi. Masalan, BMT Konvensiyasi tavsiyalariga binoan, yuridik shaxslar o'z xodimlari korrupsiyasining oldini olish uchun ishonchli komplayens tizimiga ega bo'lishi lozim, aks holda kompaniyaning o'zi jazoga tortilar ekan. O'zbekistonda 2022-yilda Prezident farmoni bilan yirik kompaniya va idoralarda komplayens-nazorat tuzilmasi joriy etish boshlangan, bu istiqbolda yuridik shaxslarning javobgarligi uchun zamin tayyorlashi mumkin.

To'rtinchidan, martabali mansabdorlar uchun jazoni va nazoratni kuchaytirish. Korrupsiyaga oid jinoyat sodir etgan shaxsning ijtimoiy xavflilik darajasi uning lavozimiga qarab ham belgilanishi mumkin. Oliy darajadagi mansabdor, masalan, vazir, hokim pora olsa, uning jamiyatga zarari oddiy inspektor yoki quyi darajali xizmatchiga nisbatan kattaroq bo'lishi ayon. Shunday ekan, qonunchilikda yuqori mansabdorlarga nisbatan jazoni kuchaytiruvchi normalar joriy qilishni o'ylab ko'rish mumkin. Ayrim davlatlarda (masalan, Janubiy Koreya, Hindiston) "voyajskoy korrupsiya" deb ataladigan – eng yuqori amaldorlar poraxo'rliqi uchun jazo muddatlarini alohida belgilovchi qonunlar mavjud. Shundan kelib chiqib, amaldagi Jinoyat kodeksiga "mas'ul mansabdor shaxs" atamasini qayta kiritish maqsadga muvofiq. Bu yo'nalishda qonunchilikni yanada aniqlashtirish mumkin: muayyan yuqori lavozim egalari tomonidan sodir etilgan korrupsiya uchun minimal jazo chegarasini oshirish (masalan, shartli ravishda ozod etish yoki jazoni yengillatishni taqiqlash) kabi qoidalar qo'shish mumkin.

Beshinchidan, korrupsiyadan jabr ko'rgan jamiyat manfaatlarini himoyalash. Korrupsiya faqat pora beruvchi va oluvchi o'rtasidagi ish emas, balki u butun jamiyat manfaatiga zarar yetkazadi. Shuning uchun korrupsionerlarga jazo tayinlashda nafaqat ularning qilmishi uchun jazo, balki keltirilgan zararni qoplash, jamiyatga mulkiy yoki ma'naviy tovon to'latish masalalarini ham ko'rib chiqish lozim. Masalan, agar pora evaziga muayyan tender yoki loyiha adolatsiz berib yuborilgan bo'lsa, sud hukmida bu bitimni bekor qilish va uni qayta ko'rib chiqish chorasi ko'rilsa, maqsadga muvofiq bo'ladi. Yoki, agar pora olish oqibatida davlat byudjetiga zarar yetgan bo'lsa, u zararni tovon puli sifatida undirish mexanizmlarini kuchaytirish kerak (masalan, foizlar bilan qaytarish, penya qo'llash). Hozirgi qonunchilikda bevosita bunday normalar kam uchraydi, ko'proq umumiy tartibda moddiy zararni qoplash degan qoidalar bor. Korrupsiya ishlarida davlat manfaatiga yetkazilgan zararni undirishni bosh prokuratura yoki moliya organlariga yuklashni tartibga solish kerak. Bu, o'z navbatida, korrupsionerning jazosini faqat qamalishi bilangina emas, balki keltirilgan zararni qoplatish bilan to'liqroq adolatni qaror toptirishga xizmat qiladi.

Xulosa qilib aytganda, O'zbekiston korrupsiyaga qarshi jazo siyosatida xalqaro standartlarga muvofiq muayyan islohotlarni amalga oshirdi va jazo choralari bo'yicha qonunchilik bazasi shakllandi. Endilikda uning ijtimoiy samaradorligi, birinchi navbatda, jazoning muqarrarligini ta'minlashga, profilaktik choralarni kuchaytirishga va jamoatchilik bilan muloqotni yaxshilashga bog'liq.

Jazo muqarrar va qochib qutulib bo'lmaydigan bo'lsa, xalq orasida korrupsiyaga murosasizlik kayfiyati kuchayadi va bunday jazo haqiqiy tarbiyaviy ahamiyat kasb etadi. Korrupsiya – jamiyat tanazzulining sababi, unga qarshi kurash – barcha uchun adolat muhitini ta'minlash vositasi ekanini unutmaylik.

Foydalanilgan manbalar / References

1. Ўзбекистон Республикасининг “Коррупцияга қарши курашиш тўғрисида”ги қонуни // Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 21.04.2021 й., 03/21/683/0375-сон, 19.11.2021 й., 03/21/729/1064-сон; 09.08.2023 й., 03/23/860/0571-сон; 05.06.2024 й., 03/24/931/0402-сон; 26.02.2025 й., 03/25/1038/0188-сон // lex.uz
2. Россия Федерациясининг Жиноят кодекси // <https://www.consultant.ru/УК РФ Статья 290. Получение взятки \Консультант Плюс>
3. https://kodeksy-kz.com/ka/ugolovnyj_kodeks/
4. Relevant provisions of the German Criminal Code // policehumanrightsresources.org
5. doctrine.fr
6. Convention against corruption involving public officials // eur-lex.europa.eu
7. Prevention Of Corruption Act // cpib.gov.sg
8. Сравнение профилей стран Узбекистан и Сингапур // [Uzbekistan anticor.world](https://uzbekistananticor.world)
9. Сравнение профилей стран Узбекистан и Япония // [Uzbekistan anticor.world](https://uzbekistananticor.world)
10. Korruptsiyaga qarshi kurash samaradorligi jazoning muqarrarligidami yoki uning og'irligida? - ekspert bilan suhbat // kun.uz
11. Uzbekistan's Corruption Crackdown: Progress or Perpetual Crisis? thediplomat.com.
12. Дворецкий М.Ю. Направления оптимизации уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности на современном этапе противодействия преступности // Вестник ТГУ. 2009. № 12 (80). С. 425–432.
13. Ўзбекистон Республикасининг Коррупцияга қарши курашиш тўғрисидаги миллий маърузаси. 2024 йил.
14. Качелин М.С. Международно-правовые аспекты борьбы с коррупцией: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. – Москва: Российский университет дружбы народов, 2010. – 152 с.
15. Кузнецов А.В. Некоторые вопросы квалификации преступлений коррупционной направленности с учетом разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2013. – № 3(13). – С. 74–82; Рахметов С.М. О ходе имплементации норм международных конвенций по вопросам борьбы с коррупцией в уголовное законодательство Республики Казахстан // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2017. – № 2 (47). – С. 103–109.
16. Ваулина Т.И. Ответственность за коррупционные преступления: международный и уголовно-правовой аспекты // Российское право: образование, практика, наука. – 2016. – № 6. – С. 37–40.
17. Фаткулин С.Т., Грищенко В.А. Понятие должностных преступлений и проблемы их предупреждения // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2019. Т. 4, вып. 3. – С. 69–80.; Малышева Ю.Ю. Понятие коррупционного преступления по уголовному законодательству современной России // Угрозы и безопасность. – 2012. – № 36 (177).
18. Сенцов А. С., Волколупова В.А. Вопросы квалификации дачи взятки и посредничества во взяточничестве, возникающие в современной правоприменительной практике // Актуальные проблемы экономики и права. – 2016. – № 1. – С. 180–188. DOI: <http://hdl.handle.net/11435/2255>; Masters A. Corruption in sport: From the playing field to the field of policy // Policy and Society. 2015. Vol. 34, No. 2. P. 111–123. DOI: 10.1016/j.polsoc.2015.04.002.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ ВОВЛЕЧЕНИЯ В ПРЕСТУПНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ анализ уголовного законодательства зарубежных стран

Майоров Андрей Владимирович

доктор юридических наук,
доцент, Уральский
государственный юридический
университет, Екатеринбург,
Россия

yuridik fanlar doktori, dotsent,
Ural davlat yuridik universiteti,
Yekaterinburg, Rossiya

Doctor of Law, Associate
Professor, Ural State Law
University, Yekaterinburg,
Russia

Аннотация. Статья посвящена анализу уголовно-правовой охраны несовершеннолетних от вовлечения в преступную деятельность на основе законодательства зарубежных стран. Рассмотрены основные принципы уголовно-правовой охраны несовершеннолетних от вовлечения в преступную деятельность, а также особенности реализации данного института в сравнении с российским уголовным законодательством. Исследована проблема охраны несовершеннолетних от вовлечения в преступную деятельность с учетом развития цифровых технологий и их использования в преступных целях. В завершении сформулированы выводы.

Ключевые слова: вовлечение несовершеннолетних, вовлечение в преступную деятельность, преступность, охрана несовершеннолетних, уголовное законодательство зарубежных стран.

CRIMINAL AND LEGAL PROTECTION OF MINORS FROM INVOLVEMENT IN CRIMINAL ACTIVITY (ANALYSIS OF CRIMINAL LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES)

Abstract. This article analyzes criminal law protection of minors against involvement in criminal activity based on the legislation of foreign countries. It examines the basic principles of criminal law protection of minors against involvement in criminal activity, as well as the specifics of implementing this institution in comparison with Russian criminal law. The issue of protecting minors from involvement in criminal activity is examined, taking into account the development of digital technologies and their use for criminal purposes. Conclusions are provided.

Keywords: involvement of minors, involvement in criminal activity, crime, protection of minors, criminal legislation of foreign countries.

Несовершеннолетние все чаще становятся вовлеченными в преступную деятельность, количество преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии растет, на что указывают проводимые криминологические исследования в этой области [6; 7; 8; 10]. Возрастные особенности несовершеннолетних обуславливают их уязвимость, под которой понимается подверженность воздействию, базирующаяся при определенном сочетании индивидуально-психологических особенностей личности: неустоявшаяся психика; трансформация мотивационной структуры; несформированность системы ценностей; низкие адаптивные возможности [3, с. 631]. Вовлекаются несовершеннолетние в преступления различной направленности и степени тяжести, от

вовлечения в террористическую и экстремистскую деятельность, незаконный оборот наркотиков и оружия, до хищений и т.п. При этом вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность образует состав противоправного деяния (преступления) и предусматривает ответственность. Так согласно Уголовному кодексу Российской Федерации ст. 150 предусматривает уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления.

Следует отметить, что защита несовершеннолетних от преступных посягательств в современном мире находит своё непосредственное отражение в уголовном законодательстве большинства стран. В мировом сообществе подчеркивается, что охрана детства лежит в основе благонадежного состояния и функционирования всего общества в целом, в частности, указанное подтверждается наличием широкого спектра международных документов, регламентирующего обязательства государств по обеспечению должного контроля за соблюдением прав и свобод граждан, в частности, лиц, не достигших возраста 18 лет. Правовую основу составляют положения Декларации прав ребенка, утвержденной Генеральной Ассамблеей ООН в 1959 году, нормы, содержащиеся в Конвенции о правах ребенка, принятой в 1989 году, и, безусловно, предписания Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей, одобренной в Нью-Йорке в 2000 году. Международным инструментом защиты законных прав и интересов несовершеннолетних наряду с указанной нормативной базой выступает также Европейский Суд по правам человека.

Применительно к рассмотрению уголовно-правовой охраны несовершеннолетних от вовлечения в совершение преступления с целью полноценного и всестороннего анализа, на наш взгляд, необходимо обратиться к законодательству отдельных зарубежных государств.

Материалы и методы. В качестве материалов исследования были избраны: уголовное законодательство российское и зарубежных стран, правоприменительная практика, научные труды по проблемам вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность. Методологический инструментарий исследования составили совокупностью методов: формально-юридический (использован при анализе правовых норм отечественного законодательства, направленных на защиту несовершеннолетних от противоправных посягательств), сравнительный, а также контент-анализ научных и интернет-источников, которые позволили высказать авторскую позицию по рассматриваемой проблеме.

Описание исследования. Анализ уголовного законодательства зарубежных стран показывает, что ответственность за посягательство на естественное развитие лиц, не достигших возраста 18 лет, по общему принципу рассматривается в контексте её наложения и предусмотренности в рамках общего посягательства на институт семьи. Таким образом, вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность аналогично российскому уголовному закону предусматривает в качестве родового объекта – общественные отношения, обеспечивающие комплексную охрану интересов семьи как социального института, а также оптимальное физическое и нравственное развитие несовершеннолетних.

Но существуют и иные подходы, так например, в законодательстве **Ирландии**, наложения наказания за указанные действия идет по пути как за деяние общеуголовной направленности, при этом ответственность предусматривается не уголовным законом, а отдельным правовым актом, принятым сравнительно недавно (Законопроект №4, внесенный министром юстиции Хелен МакЭнти в парламент 23 января 2023 года и официально принятый 11 марта 2024 года). В качестве наказуемых действий, направленных на вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность, законодательство Ирландии признало

«убеждение, принуждение или направление ребенка, обман ребенка»; ещё одна форма преступного воздействия связывается с подстрекательством или предложением совершить преступление; кроме того, отдельно рассматриваются и такие явления, как помощь, поощрение, дача советов, обеспечение средствами или орудиями совершения преступления. Законодатель дополнительно отметил, что взрослый может быть признан виновным в совершении указанных преступлений вне зависимости от того:

- принимал ли ребенок участие в соответствующей преступной деятельности;
- намеревался ли ребенок принять участие в соответствующей преступной деятельности;
- был ли ребенок привлечен к ответственности или признан виновным за совершение любого преступления, составляющего соответствующую преступную деятельность [10, с. 98].

Уголовная политика **Швеции**, в свою очередь, не склонна к столь радикальным взглядам, как большинство других стран, в рамках выделения категории несовершеннолетних лиц в наиболее уязвимую социальную группу, с точки зрения преступного воздействия, напротив, утверждается, что в ряде случаев уровень вины несовершеннолетнего может значительно превышать степень вины взрослого лица (вовлекателя). Так, 1 июля 2023 года вступили в силу положения Закона 2023:257 о внесении изменений в национальный Уголовный кодекс, принятые в мае того же года, в соответствии с которыми, появился совершенно новый и неизвестный ранее шведской юриспруденции состав преступления, ответственность за совершение которого на данный момент предусмотрена §5а главы 16 («Преступления против общественного порядка») УК Швеции. Виновным в совершении преступления, ответственность за которое установлена §5а главы 16 УК Швеции, признается лицо, которое нанимает, платит, поручает или передает имущество любому лицу, не достигшему восемнадцатилетнего возраста и тем самым или любым подобным образом вовлекает ребенка в совершение преступления или преступную деятельность. В законе традиционно для составов преступлений, направленных на защиту прав и интересов несовершеннолетних лиц, уточняется, что «в случае, если разница в возрасте или развитии между лицом, совершившим деяние, и другим лицом незначительна, такое лицо не подлежит ответственности».

Австралийское законодательство содержит указание не только на вовлечение несовершеннолетних, но и его производную в виде вербовки детей. Так, введенным параграфом 11А в качестве поправки к основному Закону «О преступлениях» 1958 года, предусматривается ответственность за вербовку детей, то есть лиц младше 18 лет, для участия в преступной деятельности. Под вербовкой понимается «подстрекательство, направление или побуждение», что очевидно находится за границами вербовки в понимании отечественного законодательства. Также в пояснительной записке указано, что под преступной деятельностью необходимо понимать «поведение, которое представляет собой преступление, наказуемое в соответствии с первым приговором лишения свободы пожизненно или на срок 5 лет и более», то есть вербовка не во всех случаях является наказуемой [10, с. 98].

В разделе 321LB законопроекта уточняется, что лицо может быть признано виновным в совершении преступления вне зависимости от того занимается ли ребенок преступной деятельностью и преследуется ли ребенок судом, или признан виновным в совершении какого-либо преступления.

В США система уголовного законодательства не содержит унифицированного подхода к определению преступности тех или иных деяний, поэтому чаще всего ответственность за конкретные виды противоправного поведения устанавливается в каждом штате отдельно. При

этом в большинстве случаев юридическая практика восходит к рассмотрению института вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления в качествеотячающего вину обстоятельства, равно как и с установлением повышенной ответственности за указанное вовлечение со стороны преступных группировок (gang-related crimes). Так, например, данным государством предусматривается общее для подобного рода деяний преступление, именуемое как «Contributing to the Delinquency of a Minor» - вовлечение в преступную деятельность, в качестве основного наказания – штраф или тюремное заключение на срок более 1 года. При этом в законе также отмечается, что при оценке всех обстоятельств произошедшего, указанное деяние из категории уголовно-наказуемого может быть квалифицировано в качестве административного правонарушения.

Уголовная система **Великобритании** не предусматривает привычного для отечественного законодательства термина «вовлечение» путем переориентирования на такие категории, как поощрение преступлений среди несовершеннолетних и эксплуатация несовершеннолетних в преступных целях, например, при перевозке наркотических средств, проституции и т.п., в зависимости от степени тяжести и вида самого преступления, максимально возможное наказание может достигать 14 лет тюремного заключения. Примечательно, что Закон о детях и молодежи 1933 года, а также Закон о серьезной преступности 2015 года предусматривают возможность привлечения к ответственности родителей или иных специальных субъектов, а равно за отсутствие с их стороны воспрепятствования противоправному поведению ребенка.

Федеративная Республика **Германия** рассматривает вовлечение через подстрекательство с учетом законодательного закрепления данного состава преступления в §171 Уголовного Кодекса ФРГ – «Нарушение обязательств по воспитанию», если взрослый поощряет ребенка к преступным и антисоциальным действиям».

Французское уголовное законодательство (French Criminal Code) в рамках положений ст. 227-22 предусматривает возможность привлечения к уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность или занятие проституцией. Последнее, в частности, определяет повышенную степень общественной опасности данного деяния, как крайней формы антисоциального поведения при условии назначения наказания в виде 5-10 лет лишения свободы либо штрафа.

Таким образом, мы видим, что общая система зарубежного законодательства идет строго по пути криминализации вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления или антиобщественных действий. При этом, в отдельных случаях ответственность ужесточается, с учетом возраста несовершеннолетнего или характера общественной опасности самого деяния, в которое вовлекается потерпевший.

Развитие новых технологий в последние годы привлек внимание исследователей к изучению новых способов «вербовки» несовершеннолетних, с использованием киберпространства [1; 2; 4; 5; 9]. Проблема вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность с использованием цифровых технологий актуальна для всех стран, и стоит отметить, что большинство стран учитывает влияние цифровой среды на развитие института вовлечения и предусматривает дополнительные составы преступлений или форму дополнительной ответственности за осуществление противоправного воздействия на подростков в сети.

Например, внесенные на рассмотрение Обновления к действующему уголовному законодательству **Германии** (Jugendschutz-Medienstaatsvertrag) предусматривают обязанности осуществления родительского контроля над использованием их детьми цифровыми платформами с учетом возрастной переоценки виртуального контента, что значительно

повышает заинтересованность самих законных представителей к анализу времяпрепровождения собственного ребенка в сети «Интернет».

В **Австралии** накладывается общий запрет на пользование Интернет ресурсами, если ребенок не достиг возраста 16 лет. На наш взгляд, это является лучшим достижением в борьбе с данным негативным явлением, поскольку существенно снижает риск вовлечения несовершеннолетнего в сети, а равно его доступа к противоправному контенту, существенно дестабилизирующего психику и поведенческую волю подростка.

Более того, в зарубежном законодательстве имеется ссылка на использование унифицированной в правовом пространстве терминологии для определения вовлечения в сети по типу «Интернет-груминг», аналогично российскому «Киберпреступность». Оно включает в себя такие распространенные формы защиты данных в сети как:

- повышенный родительский контроль и введение уголовной ответственности за его ненадлежащее осуществление;
- предусмотренность автоматических фильтров информационных систем для блокировки потенциально неприемлемого контента;
- наличие специально разработанных кодексов поведения в сети и на отдельных цифровых платформах;
- разработка и внедрение онлайн-кейсов по ужесточению мониторинга вовлечения несовершеннолетних в медиaprостранстве.

Таким образом, мы считаем, что институт вовлечения несовершеннолетних в преступную и антиобщественную деятельность с позиции его тщательной защиты от злоумышленников полноценно продолжает развиваться как в отечественном, так и зарубежном законодательстве. Безусловно, идеальную модель противодействия данному явлению на практике ввести невозможно, поскольку общество постоянно трансформируется, и существуют объективные и субъективные риски, которые не всегда реально предусмотреть.

В особенности правовое регулирование данного института шагнуло вперед ввиду цифровой оптимизации и готовности законодателя к отражению информационных рисков и угроз даже в виртуальной среде. Подтверждающим фактом является принятие Евросоюзом в 2025 году и введение в эксплуатацию единого на европейском поле приложения, предназначенного для анонимной проверки возраста несовершеннолетнего, которое рассматривается как часть цифрового паспорта, усиливая контроль над доступом в сеть.

Примечательно, что в **Греции** уже существует и более того успешно апробировано на практике внедрение такого мобильного приложения «Kids Wallet», которое является добровольным к использованию, что хотя и снижает возможность воздействия на всё общество в целом, но тем не менее восходит к усиленной защите данных путем интегрирования с «Госуслугами», что является необходимым, по нашему мнению, к введению и в Российской Федерации.

Заключение. Таким образом, актуальность охраны института, направленного на предотвращение вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность, значительно возрастает в условиях стремительного развития цифровых технологий и расширения сферы влияния сети «Интернет». Воздействие цифровой среды на несовершеннолетних, обладающих повышенной восприимчивостью и недостаточным жизненным опытом, способствует формированию новых угроз, связанных с преступным влиянием, зачастую замаскированным под безобидное цифровое взаимодействие. Преимущества зарубежного законодательства связываются со своевременным реагированием на возникновение новых сетевых угроз, в том

числе посредством внедрения специальных мобильных программ и приложений, способных снизить риски «вербовки» подростка и снизить уровень виктимности несовершеннолетних.

В условиях развития цифровизации общественных отношений правовое регулирование в данной сфере требует постоянного совершенствования как в части уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм, так и в контексте информационной безопасности, образования и социальной политики. Риск криминализации подрастающего поколения влечёт за собой негативные последствия для общества в целом. В связи с этим необходимо укрепление правовых механизмов противодействия вовлечению несовершеннолетних в преступления.

Использованные источники / References

1. Бодрова М.И. Вовлечение несовершеннолетних в наркопреступность с использованием сети интернет // Российский научный вестник. 2026. № 1. С. 229-232. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-1-229-232.
2. Жоков Д.В. Особенности уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в антиобщественные действия с использованием современных информационных технологий // Сибирский антропологический журнал. 2023. Т. 7, № 1. С. 139-147.
3. Ильянкова Е.И., Морозов А.В. Личностные особенности несовершеннолетних, вовлеченных в совершение преступления // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31, № 4. С. 630-646. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.630-646.
4. Коваленко В.И. Вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: правовые и криминологические аспекты противодействия // Юрист-Правовед. 2025. № 3(114). С. 139-145.
5. Майоров А.В. Виктимологическое противодействие цифровой виктимизации несовершеннолетних, вовлекаемых в экстремистскую и террористическую деятельность // Виктимология. 2025. Т. 12, № 3. С. 363-374. DOI: 10.47475/2411-0590-2025-12-3-363-374.
6. Майоров А.В. Криминализация вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность // Социальное управление. 2023. Т. 5, № 12. С. 566-573.
7. Медведева Д.Д. Вовлечение несовершеннолетних в преступную среду как уголовно-правовая категория: вопросы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2(41). С. 186-193. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-186-193.
8. Морозова Ю.М. Преступления против семьи и несовершеннолетних (ст.150-157 УК РФ). Санкт-Петербург, 2020. 93 с.
9. Нынюк Р.Н. Уголовно-правовые аспекты девиктимизации несовершеннолетних в сети Интернет // Baikal Research Journal. 2025. Т. 16, № 2. С. 550-556. DOI: 10.17150/2411-6262.2025.16(2).550-556.
10. Сунгатуллин А.Н. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений: нововведения в зарубежном уголовном законодательстве // Юридический вестник Самарского университета. 2024. Т. 10, № 3. С. 96-105. DOI:10.18287/2542-047X-2024-10-3-96-105
11. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.02.2026).
12. Морозова Ю.М. Преступления против семьи и несовершеннолетних (ст.150-157 УК РФ). Санкт-Петербург, 2020. 93 с.
13. fines act of the republic of ireland №8 of 2010, updated to 11 Jan. 2016 // Official website of the Law reform Commission of the republic of ireland. URL: https://www.lawreform.ie/_fileupload/revisedActs/WithAnnotations/html/en_act_2010_0008.htm#:~:text=An%20ACt%20to%20mAKE%20PRovISIon%2CfInAnCIAL%20CIRCUmStAnCeS%3B%20to%20PRovIDe%20foR
14. Criminal justice (engagement of children in criminal activity) Act №8 of 2024, enacted 11 mar. 2024 // Official website of the national parliament of the republic of ireland. URL: <https://www.oireachtas.ie/en/bills/bill/2023/4>. (дата обращения: 28.02.2025).
15. Lag 2023:257 om ändring i brottsbalken // Officiell webbplats för register över lagar och förordningar i svensk författningssamling. URL: <https://svenskförfattningssamling.se/doc/2023257.html> (дата обращения: 12.02.2026).
16. Sweeping reforms to crack down on youth crime // Official website of the premier of Victoria. 05 dec. 2016. URL: <https://www.premier.vic.gov.au/sweeping-reforms-crack-down-youth-crime> (дата обращения: 12.02.2026).

17. State Laws (California Penal Code &272) URL: <https://law.onecle.com/california/penal/272.html> (дата обращения: 12.02.2026).
18. Serious Crime Act 2015 URL: <https://web.archive.org/web/20220423192534/https://www.gov.uk/government/collections/serious-crime-bill> (дата обращения: 06.02.2026).
19. Children and Young Persons Act 1933. URL: <https://education-uk.org/documents/acts/1933-children-young-persons-act.html> (дата обращения: 06.02.2026).
20. Головненков П.В. Уголовное Уложение Федеративной Республики Германии. URL: https://www.uni-potsdam.de/fileadmin/projects/ls-hellmann/Forschungsstelle_Russisches_Recht/Neuaufgabe_der_kommentierten_StGB-Übersetzung_von_Pavel_Golovnenkov.pdf (дата обращения: 06.02.2026).
21. Criminal French Code Penal. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT_000006070719/ (дата обращения: 06.02.2026).
22. URL: https://www.taylorwessing.com/en/interface/2025/online-safety-update/Germanys_approach-to-protecting-minors-online?utm (дата обращения: 06.02.2026).
23. URL: <https://cms-lawnow.com/en/ealerts/2024/12/protecting-minors-on-social-media-and-the-euid-wallet?utm> (дата обращения: 06.02.2026).
24. URL: <https://apnews.com/article/technology-parenting-terror-islamic-state-police-security-attacks-4888bab2d10502edadf787d419d45b5b> (дата обращения: 06.02.2026).
25. URL: <https://www.ft.com/content/6b672468-a085-47dc-b195-daa98d6a591b?utm> (дата обращения: 06.02.2026).
26. URL: <https://apnews.com/article/greece-app-children-age-gating-2be62d818a2dccc459a27e147fc4099c> (дата обращения: 06.02.2026).

РЕФОРМЫ, ПРОВОДИМЫЕ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН В БОРЬБЕ С НАСИЛИЕМ В СЕМЬЕ

Абдуразакова Камалахон Юсуповна

Университет узбекского языка
и литературы им. А.Навои,
доктор философии по
политическим наукам (PhD),
и.о. доцента

Alisher Navoiy nomidagi o'zbek
tili va adabiyoti universiteti,
siyosatshunoslik fanlari doktori,
dotsent v.b.

Alisher Navoi University of
Uzbek Language and Literature,
PhD in Political Science, Acting
Associate Professor

Сапаргаликызы Жанар

Карагандинский Национальный
исследовательский
университет им. Е.А.Букетова,
доктор по социологическим
наукам (PhD), доцент

Ye.A. Buketov nomidagi
Qarag'anda milliy tadqiqot
universiteti, sotsiologiya fanlari
doktori (PhD), dotsent

Karaganda National Research
University named after E.A.
Buketov, Doctor of Sociological
Sciences (PhD), Associate
Professor

Аннотация. В данной статье анализируются проводимые в Республике Казахстан реформы в области борьбы с насилием в семье, их социальное и правовое значение, а также меры, принимаемые в сотрудничестве с международными организациями. В исследовании изучались закон «О предотвращении домашнего насилия», принятый в стране, государственные программы и социальные инициативы. Результаты статьи показывают, что в Казахстане формируется системный подход в области профилактики насилия в семье, однако на практическом этапе имеются определенные недостатки.

Ключевые слова: кризисные центры, человеческие центры, гендерное равенство, преследование, насилие, Национальное агентство социальной защиты.

REFORMS CARRIED OUT IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN IN THE FIGHT AGAINST DOMESTIC VIOLENCE

Abstract. This article analyzes the ongoing reforms in the Republic of Kazakhstan in the field of combating domestic violence, their social and legal significance, as well as measures taken in cooperation with international organizations. The study examined the law on the prevention of domestic violence adopted in the country, government programs and social initiatives. The results of the article show that Kazakhstan is developing a systematic approach to the prevention of domestic violence, but there are certain disadvantages at the practical stage.

Keywords: crisis centers, human centers, gender equality, harassment, violence, National Agency for Social Protection.

В сегодняшнюю эпоху глобализации вопрос стабильности общества и защиты прав человека занимает приоритетное место в политике всех государств. Особенно актуальной становится проблема насилия в семье как одна из проблем не только социальной, но и правовой, духовной и психологической. Во всем мире тысячи женщин, детей и мужчин ежегодно страдают от домашнего насилия. Поэтому во многих странах, в том числе и в Республике Казахстан, проводятся масштабные реформы по преодолению этой проблемы, формированию в обществе здоровых семейных отношений.

Правительством Казахстана разработан ряд законов, программ и инициатив в области профилактики насилия в семье, оказания социальной и правовой помощи жертвам, привлечения к ответственности правонарушителей и обеспечения гендерного равенства. В последние годы в рамках государственной политики этому вопросу уделяется особое внимание, налаживается системная работа с участием институтов гражданского общества, неправительственных организаций и международных партнёров.

В этих условиях особую актуальность приобретает научное осмысление проводимых преобразований и их практических результатов и цель данной статьи заключается в анализе реализуемых в Казахстане реформ по противодействию семейно-бытовому насилию, оценке их практической эффективности, а также выявлении существующих проблем. Для достижения поставленной цели была изучена законодательная база, государственные программы и международный опыт.

Одной из проблем, которая становится актуальной на мировой арене, является бытовое насилие. Актуализация проблемы гендерного и семейно-бытового насилия в странах постсоветского пространства во многом связана с резонансным делом Салтанат Нукеновой в Казахстане. Данный случай вызвал масштабную общественную реакцию и способствовал усилению общественного дискурса о защите прав женщин, профилактике домашнего насилия и необходимости справедливого правосудия в отношении лиц, обвиняемых в подобных преступлениях, включая бывшего министра экономики Казахстана Куандык Бишимбаев. Суд признал Куандика Бишимбаева виновным и приговорил к 24 годам лишения свободы [3,1]. Двухмесячный процесс вызвал широкий резонанс как внутри страны, так и за рубежом. Сейчас таким вопросам уделяется большое внимание на социально-политическом и правовом уровне.

В Казахстане существуют как государственные, так и негосударственные кризисные центры для женщин и детей, пострадавших от насилия и других тяжелых ситуаций. Для экстренной помощи вы можете позвонить на Детскую Горячую линию «111» или в полицию «102» за психологической, юридической и социальной помощью.

Анализ показывает, что по данным Национальной комиссии по делам женщин и семейно-демографической политике при президенте Казахстана, за последние семь лет в стране увеличилось количество тяжких преступлений в отношении женщин и детей, более чем вдвое увеличилось насилие в семье. Например, согласно статистике 2023 года, в правоохранительные органы Казахстана поступило более 99 тысяч обращений по поводу домашнего насилия, в результате которого погибли 69 женщин и 7 детей [2].

Стоит отметить, что по данной теме во многих местных и зарубежных источниках проводились научные исследования. В том числе, в своем исследовании «Гендерная политика и стабильность семьи» А. Назарбаева [3] проанализировала механизмы государственной политики по защите прав женщин в Казахстане. С. Ибраева же, остановилась на социальных причинах домашнего насилия и важности системы социальных услуг в его профилактике [4].

По словам Гульмиры Шрахметовой, старшего инспектора Астанинского отдела информационной службы ООН по защите женщин от насилия, ежедневно в полицию Астаны поступает 10-15 звонков от женщин с просьбой о помощи, а в праздничные и выходные дни количество звонков доходит до 30. Она считает, что увеличение числа обращений в правоохранительные органы связано с нетерпимостью сегодняшнего поколения молодых женщин к насилию. То есть, в этом отношении женщины могут понимать, что законодательство в Республике Казахстан сосредоточено на вопросах гендерного равенства. Анализ показывает, что сегодняшнее поколение женщин не терпит насилия, и когда происходит первое насилие со стороны мужа, близких или незнакомцев, они немедленно обращаются в полицию. В современных условиях важную роль в оказании помощи жертвам насилия играют телефоны экстренной психологической поддержки, кризисные центры, а также цифровые платформы и мобильные приложения. В Республике Узбекистан данные функции, в частности, реализуются через систему центров «ИНСОН». Кроме того, по показателям 2023 года Казахстан занял 28-е место в мировом рейтинге стран ООН по индексу развития цифрового правительства. Это, безусловно, считается большим достижением. Теперь женщинам также стало проще связываться по горячей линии через различные приложения для мобильных телефонов. Совместно с Азиатским банком развития Республики Казахстан разработан проект «Цифровая семейная карта». Этот проект позволяет социальным работникам собирать всю информацию о семьях из группы риска. Благодаря «цифровой семейной карте» по специально разработанным показателям предлагается несколько вариантов оказания помощи семье, в которой выявлено потенциальное насилие, в течение пяти дней.

28 февраля 2023 года нижняя палата Парламента Республики Казахстан приняла закон, который 11 апреля 2023 года был одобрен Сенатом. Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев подписал Закон «О правах женщин и обеспечении безопасности детей», предусматривающий меры по усилению противодействия насилию в семье. Информация об этом была опубликована Zakon.kz со ссылкой на пресс-службу главы государства [5]. Закон разработан с целью совершенствования правовых, экономических, социальных и организационных основ государственной политики в области прав женщин и обеспечения безопасности детей. Издание сообщает, что вводятся нормы, ужесточающие ответственность за любые формы насилия в отношении женщин и детей.

В частности, законом предусмотрена уголовная ответственность за умышленное причинение телесных повреждений и побои (ранее за буллинг предусматривалась административная ответственность). За причинение вреда здоровью и организму предусмотрены наказания в виде штрафов, общественных работ и тюремного заключения. За причинение вреда здоровью введено до 50 суток лишения свободы, за побои – до 25 суток, а виновные содержатся в СИЗО.

Кроме того, исключается возможность примирения сторон по делам, связанным с физическим насилием и жестоким обращением с детьми, а также в случаях, когда действия, предусмотренные статьями о побоях и причинении легкого вреда здоровью, совершаются повторно в течение года.

Закон также предусматривает создание центров поддержки, предназначенных для оказания специальных социальных услуг жертвам домашнего насилия. В то же время закон ввел уголовную ответственность за сексуальные домогательства в отношении лиц моложе 16 лет. В отношении несовершеннолетних впервые введено административное наказание за хулиганство, кибербуллинг.

Закон Республики Казахстан № 72-VIII от 15 апреля 2024 года «О правах женщин и обеспечении безопасности детей», подписанный Президентом Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев, направлен на усиление механизмов защиты женщин и детей от различных форм насилия.

В рамках данного нормативно-правового акта были предусмотрены следующие меры:

- восстановлена уголовная ответственность за умышленное причинение лёгкого вреда здоровью и нанесение побоев, ранее декриминализованных и переведённых в категорию административных правонарушений;
- ужесточены меры наказания за тяжкие преступления, совершаемые в отношении несовершеннолетних, включая убийство, насильственные действия и изнасилование;
- расширены полномочия правоохранительных органов в сфере реагирования на случаи семейно-бытового насилия: даже при отсутствии официального заявления со стороны потерпевшего полиция обязана проводить проверку, собирать доказательства и инициировать расследование при наличии соответствующей информации в средствах массовой информации или социальных сетях.

Что касается создания и расширения системы поддержки жертв:

- В каждом районе планируется создание центров поддержки семей, где пострадавшим будет оказана психологическая, социальная, юридическая помощь, будет предоставляться временное жильё.

- Кризисные центры/центры приютов уже существуют. Примером могут служить центры НПО, например, как «Центр Комэк» в Шимкенте. Они предлагают приют для женщин и детей, психологическую и юридическую помощь на срок до шести месяцев.

- Государственные кризисные центры, а также негосударственные некоммерческие организации (НПО) оказывают помощь пострадавшим посредством горячих линий, психологического сопровождения и правового консультирования. Вместе с тем деятельность ряда НПО в данной сфере осложняется недостаточным уровнем финансирования.

- Значительный общественный резонанс вызвало дело о гибели Салтанат Нукуновой, смерть которой была связана с семейно-бытовым насилием. Данный случай стал одним из факторов, ускоривших принятие законодательных мер, направленных на усиление защиты женщин и детей от насилия.

- Законодательством также предусматривается введение административной и уголовной ответственности за кибербуллинг, насилие в отношении несовершеннолетних, а также сексуальное насилие над детьми в возрасте до 16 лет.

- Кроме того, ужесточены меры наказания за повторные правонарушения и особо тяжкие преступления, связанные с насильственными действиями.

- Ужесточены наказания за потерю детей, похищение, незаконный арест и другие преступления.[6]

Если говорить научно-аналитическим взглядом, развитие системы противодействия семейно-бытовому насилию сопровождается расширением деятельности государственных кризисных центров и негосударственных организаций, обеспечивающих психологическую, правовую и социальную поддержку жертвам насилия.

В частности, были введены дополнительные меры ответственности за киберзапугивание, преступления против несовершеннолетних и сексуальное насилие в отношении детей, а также ужесточены санкции за повторные и особо тяжкие насильственные преступления.

Практика похищения невесты, рассматриваемая как элемент традиционной брачной культуры, продолжает сохраняться в отдельных приграничных районах Узбекистана и Казахстана. Аналогичные формы брачных обрядов исторически фиксировались и в других обществах, что свидетельствует о культурно-исторической распространённости данного феномена. Однако с точки зрения современного законодательства и прав человека практика похищения невесты не является законной и может быть юридически наказуемой. Сегодня многие государства, в том числе Казахстан, отвергают такие традиции и рассматривают их как нарушение прав человека.

Следует отметить, что в период пандемии в Республике Узбекистан также наблюдался всплеск домогательств и домашнего насилия. Регулярное освещение случаев семейно-бытового насилия в социальных сетях и медиапространстве способствовало актуализации данной проблемы на общественном и государственном уровнях. В ответ на необходимость усиления механизмов социальной защиты в Республике Узбекистан было учреждено Национальное агентство социальной защиты при Президенте Республики Узбекистан, деятельность которого направлена на профилактику насилия и домогательств в отношении женщин, детей и пожилых лиц, а также на совершенствование системы социальных услуг населению. Агентство создано указом Президента Республики Узбекистан от 1 июня 2023 года «О комплексных мерах по оказанию качественных социальных услуг и помощи населению и налаживанию эффективной системы контроля». Агентство является уполномоченным государственным органом по разработке и реализации единой государственной политики в сфере социальной защиты населения и предоставления социальных услуг и осуществляет свою деятельность независимо от других государственных органов и организаций, их должностных лиц [7]. Кроме того, принято постановление Президента Республики Узбекистан от 10 мая 2024 года № ПП-175 «О дополнительных мерах по совершенствованию предоставления социальных услуг лицам, пострадавшим от притеснений и насилия» [8].

Приведенный выше анализ показывает, что вопрос борьбы с насилием в семье в Республике Казахстан в настоящее время является одним из приоритетов государственной политики. Событие Салтанат Нукуновой вошло в историю не только Казахстана, но и всей Средней Азии как трагедия, которая потрясла общество. Указанная ситуация актуализировала потребность в институциональном укреплении механизмов противодействия насилию в отношении женщин, повышении эффективности правового регулирования и расширении участия институтов гражданского общества в системе общественного контроля.

Существенным этапом совершенствования государственной политики в сфере противодействия семейно-бытовому насилию стало принятие в Республике Казахстан в 2024 году Закона «О правах женщин и обеспечении безопасности детей», в рамках которого была восстановлена уголовно-правовая ответственность за ряд насильственных деяний, ранее рассматривавшихся в административно-правовой плоскости. Этот закон стал важным поворотным моментом на пути к гендерному равенству и защите прав человека. Также были ужесточены наказания за физическое, сексуальное и психологическое насилие над детьми, исключена возможность примирения за повторные преступления.

В то же время такие инициативы, как «цифровая семейная карта», «Коргау», «Комек-Отбаси», «горячая линия 111» помогают населению отстаивать свои права. Эти цифровые решения положили начало новому этапу обеспечения безопасности человека и социальной справедливости в современном обществе. Деятельность кризисных центров для женщин и

детей, центров психологической реабилитации, а также НПО укрепляют систему социальной защиты общества.

Однако практические результаты показывают, что, хотя правовые основы укрепляются, патриархальные стереотипы в сознании общества, гендерное неравенство и привычки разрешения семейных конфликтов с помощью насилия все еще сохраняются. Поэтому одним из важнейших направлений реформ является усиление духовно-просветительской работы в сфере образования, культуры и воспитания, формирование у подрастающего поколения здоровых семейных ценностей.

Также опыт Республик Казахстан и Узбекистан в этом вопросе имеет взаимодополняющий характер. В Узбекистане также реализуются решения Национального агентства социальной защиты при Президенте и по оказанию помощи лицам, пострадавшим от притеснений и насилия. Это свидетельствует о том, что в странах Центральной Азии формируется общая региональная стратегия по снижению насилия в отношении женщин, усилению их правовой и социальной защиты.

Подводя итог важно отметить, что домашнее насилие – это не только юридическая или социальная, но и моральная проблема. Борьба с ним – общая задача не только Казахстана или Узбекистана, но и всего человечества. Поэтому устранить этот порок можно только при совместных усилиях государственных органов, неправительственных организаций, средств массовой информации и образовательных учреждений.

Для повышения эффективности борьбы с домашним насилием в будущем рекомендуется:

- ❖ регулярный мониторинг исполнения реформ;
- ❖ расширение системы психологической и правовой помощи;
- ❖ внедрение профилактических и воспитательных программ;
- ❖ и необходимо продолжать политику экономической независимости женщин.

Только такой комплексный подход создаст в обществе ненасильственную, справедливую и любящую семейную атмосферу и станет настоящим зеркалом гуманного государства.

Использованные источники / References

1. «Суд признал Куандика Бишимбаева виновным и приговорил к 24 годам лишения свободы». <https://tengrinews.kz/>.
2. «Согласно статистике 2023 года в правоохранительные органы Казахстана поступило более 99 тысяч обращений по поводу домашнего насилия. В результате которого погибли 69 женщин и 7 детей». <https://tengrinews.kz/news/>.
3. Назарбаева А. «Гендерная политика и стабильность семьи». 2019 г.
4. Ibrayeva S. "Oilaviy zo'ravonlikning ijtimoiy sabablari va uning oldini olishda ijtimoiy xizmatlar tizimini ahamiyati". (2021). <https://www.in-academy.uz/>
5. Закон «О правах женщин и обеспечении безопасности детей». <https://www.zakon.kz/>.
6. Реформы в борьбе с домашним насилием (на примере Республики Казахстан). (2026). Журнал гуманитарных и социальных исследований «Эврика», 2(4), 88-97. <https://eurekaooa.com/index.php/4/article/view/806>
7. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining Farmoni, 01.06.2023 yildagi PF-82-son <https://lex.uz/docs/6480351>
8. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining qarori, 10.05.2024 yildagi PQ-175-son <https://lex.uz/docs/6916638>

MAHKUMLARNI TOPSHIRISHNING XALQARO-HUQUQIY PRINSIPLARI VA STANDARTLARI

Saidov Olim Chorikulovich

Toshkent davlat yuridik universiteti, yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (PhD)

Ташкентский государственный юридический университет, доктор философии по юридическим наукам (PhD)

Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Legal Sciences

Annotatsiya. Ushbu maqolada mahkumlarni topshirish institutining xalqaro-huquqiy prinsiplari va standartlari kompleks tahlil qilingan, shuningdek, *jus cogens* normalari va imperativ prinsiplarning mahkumlarni topshirish jarayonidagi o'rni, *non-refoulement* prinsipi, ikki yoqlama sudlovlik (*double criminality*), *ne bis in idem*, o'zarolik va ixtiyoriylik prinsiplari batafsil yoritilgan. BMTning Chet ellik mahkumlarni topshirish to'g'risidagi namunaviy shartnomasi, Har qanday shaklda qamoqqa olingan shaxslarni himoya qilish prinsiplari to'plami kabi xalqaro hujjatlar tahlil qilingan. Mahkumlarni topshirish prinsiplari uch guruhga, umumiy xalqaro huquq prinsiplari, ekstraditsiya bilan bog'liq prinsiplar va mazkur institutning alohida xususiyatidan kelib chiqadigan maxsus prinsiplarga tasniflangan.

Kalit so'zlar: mahkumlarni topshirish, *jus cogens*, *non-refoulement*, ikki yoqlama sudlovlik, *ne bis in idem*, o'zarolik prinsipi, ekstraditsiya, ixtiyoriy rozilik, xalqaro-huquqiy standartlar, jinoyat protsessi prinsiplari.

INTERNATIONAL LEGAL PRINCIPLES AND STANDARDS FOR THE TRANSFER OF SENTENCED PERSONS

Abstract. This article presents a comprehensive analysis of the international legal principles and standards governing the transfer of sentenced persons. The study examines *jus cogens* norms and peremptory rules as the highest normative foundation of this institution, alongside the *non-refoulement* principle, *double criminality*, *ne bis in idem*, reciprocity, and the voluntary consent of the sentenced person. Key international instruments are analysed, including the UN Model Agreement on the Transfer of Foreign Prisoners, the 1988 Body of Principles for the Protection of All Persons under Any Form of Detention or Imprisonment. The article proposes a three-tier classification of applicable principles: those rooted in general international law, those shared with the extradition regime, and those specific to the transfer institution itself.

Keywords: transfer of sentenced persons, *jus cogens*, *non-refoulement*, *double criminality*, *ne bis in idem*, reciprocity principle, extradition, voluntary consent, international legal standards, principles of criminal procedure.

Mahkumlarni topshirish jarayonining mohiyatini ochib berish va uning xalqaro odil sudlov tizimidagi o'rmini belgilash uchun sohaning asosi tashkil etuvchi bir qator fundamental prinsiplarni keng qamrovli tahlil qilish maqsadga muvofiq. Ta'kidlash lozimki, har qanday xalqaro-huquqiy faoliyat, o'z tabiatiga ko'ra, uning yo'nalishi va o'ziga xos xususiyatini ifodalaydigan ma'lum qonun va prinsiplarga asoslanadi. Jinoiy odil sudlov prinsiplari, jinoyat protsessi ishtirokchilarining faoliyatini tartibga soluvchi va ularning huquqiy maqomini belgilovchi fundamental asos bo'lib xizmat qiladi [1]. O'zbekiston Respublikasining amaldagi Jinoyat-protsessual kodeksida jinoyat protsessining asosiy prinsiplari batafsil sanab o'tilgan bo'lib,

ular sirasiga qonuniylik, odil sudlovning faqat sud tomonidan amalga oshirilishi, jinoyat ishlarini hay'atda va yakka tartibda ko'rib chiqish, sudyalarning mustaqilligi va ularning faqat qonunga bo'ysunishi, jinoyat ishini qo'zg'atishning muqarrarliligi, shaxsning sha'ni va qadr-qimmatini hurmat qilish hamda aybsizlik prezumpsiyasi kabi muhim qoidalar kiradi.

Mahkumlarni topshirish prinsiplari jinoyat protsessining yuqoridagi umumiy prinsiplariga nisbatan yanada maxsuslashtirilgan va xalqaro hamkorlik xususiyatlari bilan boyitilgan bo'ladi. Shunday ekan, yuridik adabiyotlarda keng doirada tahlil etilgan jinoiy odil sudlov bo'yicha xalqaro hamkorlik qilish masalasi xalqaro huquqning umume'tirof etgan prinsiplari bilan birga, jinoyat ishlari bo'yicha davlatlararo hamkorlikka oid xalqaro shartnomalar va milliy qonunchilikdagi o'ziga xos rahbariy prinsiplarga ham asoslanadi [2].

Jumladan, mahkumlarni topshirish prinsiplari ham maxsus prinsiplar shaklida namoyon bo'lsa-da, uning negizi xalqaro huquqning umume'tirof etgan prinsiplariga tayanadi. Yuridik fanda mahkumlarni topshirish bo'yicha xalqaro hamkorlik prinsiplarining yagona va mutlaq tizimi haligacha to'liq ishlab chiqilmagan. Buning sababi, bir tomondan, tadqiqot predmetining komplekslik tabiati bilan bog'liq bo'lsa, ikkinchi tomondan, ushbu muammoni global darajada tartibga soluvchi yagona majburiy normativ hujjatning mavjud emasligi bilan ham belgilanadi. Lekin, shunga qaramay, mazkur masala yuzasidan xalqaro hujjatlarda, ba'zi davlatlar qonunchiligi normalarida va xalqaro huquqshunos olimlar asarlarida o'ziga xos fikrlar va tizimli yondashuvlar aks etgan.

Mahkumlarni topshirish institutining eng yuqori yuridik kuchga ega bo'lgan asosini *Jus cogens* prinsiplari va imperativ normalar tashkil etadi. Xalqaro ommaviy huquqda hech qanday chekinish yoki istisnolarga yo'l qo'ymaydigan ushbu oliy darajadagi majburiyatlar davlatlarning mahkumlarni topshirish jarayonidagi xatti-harakatlarining qonuniylik chegarasini qat'iy belgilab beradi. Antonio Kasse (Cassese) [3] va Gerxard Verle (Werle) [4] singari xalqaro jinoyat huquqi sohasining yirik namoyandalari ta'kidlaganidek, xalqaro jinoyat huquqining maxsus prinsiplari umume'tirof etilgan imperativ normalar bilan uzviy bog'liq bo'lib, davlatlarning suveren xohish-irodasidan ustun turadi. Bu kontekstda, ayniqsa, inson huquqlarini umumjahon miqyosida hurmat qilish va qiynoqlarni mutlaq taqiqlash prinsiplari mahkumlarni topshirish masalasida davlatlar zimmasiga qat'iy majburiyatlar yuklaydi.

Mahkum o'z davlati hududida yoki ikkinchi davlat hududida yoxud uchinchi davlat hududida jinoyat sodir etganligi uchun sud hukmi bilan jazoni ijro etuvchi shaxs bo'lsa-da, u, birinchi navbatda, inson va uning inson sifatidagi huquqlari har qanday vaziyatda himoya qilinishi lozim. Shu maqsadda 1988-yil 9-dekabrda BMT Bosh Assambleyasining 43/173-son rezolyutsiyasi bilan Har qanday shaklda qamoqqa olingan yoki jazoni ijro etayotgan barcha shaxslarni himoya qilish prinsiplari to'plami tasdiqlangan [5].

Ushbu hujjat mahkumlarni saqlash va ularni boshqa davlatga o'tkazish bilan bog'liq qoidalarni o'z ichiga qamrab olgan bo'lib, unga ko'ra har qanday shaklda hibsga olingan shaxsga nisbatan insonparvarlik va insonning ajralmas qadr-qimmatini hurmat qilish (1-prinsip), qamoqqa olish qonun-qoidalariga qat'iy amal qilgan holda faqat vakolatli shaxslar tomonidan amalga oshirilishi (2-prinsip) talab etiladi. Shuningdek, inson huquqlarini cheklash yoki kamsitishlarga yo'l qo'yilmasligi (3-prinsip), inson huquqlariga ta'sir qiluvchi barcha choralar faqat sud qarori asosida bo'lishi (4-prinsip) va hibsga olingan shaxs hech qanday qiynoq yoki g'ayriinsoniy yoki qadr-qimmatni kamsituvchi muomalaga duchor qilinmasligi (6-prinsip) kafolatlanadi. Tergov va jazoni ijro etish organlarining faqat qonun doirasida harakat qilishi (9-prinsip), shaxsga hibbs sabablarini darhol ma'lum qilish (10-prinsip), advokat yordamidan foydalanish huquqi (17-prinsip), aybga iqror bo'lishga majburlashning taqiqlanishi (21-prinsip), sog'liqqa zarar yetkazuvchi ilmiy tajribalardan

himoyalani (22-prinsip), bepul tibbiy xizmat olish (24-prinsip) va davlat mansabdor shaxsining noqonuniy harakatlari oqibatida yetkazilgan zararning qoplanishi (35-prinsip) kabi imperativ talablar mahkumlarni topshirish sohasida davlatlar amal qilishi shart bo'lgan eng kichik xalqaro standartlarni tashkil etadi.

Inson huquqlari xalqaro tizimida mahkumlarni topshirish instituti bilan bevosita bog'liq bo'lgan yana bir muhim asos – bu inson huquqlari va o'lim jazosini qo'llamaslik hamda *non-refoulement* (qaytarib yubormaslik) prinsipi. Ushbu prinsipning xalqaro huquqiy mohiyatiga binoan, agar mahkum topshirilayotgan davlatda uni o'lim jazosi, qiynoqlar, shafqatsiz va g'ayriinsoniy muomala yoki inson huquqlarining boshqacha tarzda tizimli va qo'pol ravishda buzilishi xavfi kutayotgan bo'lsa, davlatlar zimmasiga uni topshirishni rad etish majburiyati yuklanadi. D.N. Shuruxnova [6] o'z tadqiqotlarida, inson huquqlarining ta'minlanishi va shaxs huquqlari kafolatlarini mahkumlarni topshirishning asosiy mezoni sifatida baholagan bo'lsa, T.V. Reshetneva [7] ushbu tizimni shaxslarni ekstraditsiya qilish prinsiplari bilan solishtirib, ekstraditsiya va mahkumlarni topshirish bo'yicha davlatlarning xalqaro hamkorlik borasida kelishib olishi prinsipi, maxsuslashuv prinsipi, ikkiyoqlama sudlovlik prinsipi hamda ushbu tartiblarni amalga oshirishda inson va fuqarolik huquq va erkinliklari konsepsiyasini hisobga olish prinsipi ikkala institutda ham himoya mexanizmi sifatida ishlashini va muallif bu prinsiplarni mahkumlarni topshirishda va ekstraditsiya jarayonida ishlash mexanizmining farqli jihatlarini batafsil yoritib berganini ta'kidlaydi. BMTning Chet ellik mahkumlarni topshirish to'g'risidagi namunaviy shartnomasining [8] birinchi bo'limi asosiy prinsiplarga bag'ishlangan bo'lib, unda mahkumlarni topshirish jarayonining ustuvor qoidalari qayd etilgan. Xususan, davlatlarning xalqaro hamkorligi prinsipi, davlatlarning hamkorligi natijasida jazo o'tayotgan mahkumlarning vataniga qaytish imkoniyatini berish hamda normal hayotga qaytishini ta'minlashni nazarda tutadi, bu esa mazkur namunaviy shartnomaning to'liq maqsadini ifodalaydi.

Namunaviy shartnomada, agar mahkum fuqaroligiga ega bo'lgan davlat va doimiy yashovchi davlat har xil bo'lgan taqdirda, qaysi davlatga topshirilishi aniq nazarda tutilmagan bo'lsa-da, u mahkumlarning topshirilishi masalasini fuqaroligiga ega bo'lmagan, ammo uning hududida istiqomat qiladigan shaxslarni qabul qiluvchi davlat ixtiyoriga qoldiradi. Biroq, har qanday holatda ham, chiqarilgan hukm ijrosini davom ettirish uchun iloji boricha mahkumlarni topshirish jarayonini tezroq amalga oshirishi lozim. BMTning Jinoyatchilikning oldini olish va odil sudlov bo'yicha Oltinchi Kongressi [9] tomonidan ham tavsiya etilganidek, mahkumlarning topshirilishiga rozilik berishi shart bo'lgan talab, mahkumlarni davlatdan chiqarib yuborish usuli yoki jinoyatchilarni norasmiy ekstraditsiya qilish vositasi sifatida qo'llanilmasligini kafolatlaydi [10].

Davlatlararo munosabatlar va xalqaro ommaviy huquq darajasida esa suverenitet, o'zaro manfaat va birgalik prinsiplari yetakchi va tartibga soluvchi rol o'ynaydi. Yurisdiksiya va davlat suverenitetini o'zaro hurmat qilish prinsipiga ko'ra, hech qaysi davlat mahkumni topshirish bo'yicha qilingan murojaatni amalga oshirish majburiyatiga ega emas hisoblanadi, chunki suveren davlat o'z hududida odil sudlovni va jazo ijrosini mustaqil amalga oshirish huquqiga ega. Shunga qaramasdan, ikki davlat mazkur jarayonni amalga oshirishga rozilik bildirsa (albatta mahkumlarning roziligini ham unutmazlik kerak) davlatlar o'rtasidagi o'zaro ishonch ortishiga sabab bo'ladi. O'zarolik prinsipi (*reciprocity principle*) xalqaro hamkorlikning asosiy prinsiplaridan biri bo'lib, uzoq vaqtlardan buyon ma'lum. Birgalik, ya'ni o'zarolik prinsipi, xalqaro shartnoma mavjud bo'lmagan taqdirda, xorijiy davlatning vakolatli organlari bilan tuzilgan yozma shartnoma yoki va'dalar asosida amalga oshiriladi, bunda tomonlar mazkur protsessual harakatlarni xalqaro huquqning umume'tirof etilgan prinsiplari va mahkumlar topshirilishi uchun protsessual kafolatlarni o'z ichiga olgan milliy qonunchilikka asoslangan holda amalga oshiradilar [11].

Shunday ekan, davlatlar o'rtasida ratifikatsiya qilingan shartnoma bo'lmasa-da, vakolatli organ taqdimnomasi asosida xorijiy davlat sudi hukmini tan olish bo'yicha sud ijobiy qaror chiqargan taqdirda hamda mahkum yoki qonuniy vakilining arizasi va iltimosnomasiga ko'ra shaxsni topshirishni amalga oshirish mumkin bo'ladi. O'zarolik prinsipi O'zbekiston Respublikasi qonunchiligida o'ziga xos xususiyatga ega bo'lib, unga ko'ra, davlatimiz hududida bo'lgan shaxsni ushlab berish va topshirish to'g'risidagi so'rovni yuborgan xorijiy davlat vakolatli organining shunga o'xshash vaziyatda O'zbekiston Respublikasi vakolatli organining so'rovi bilan shaxsni ushlab berish va topshirishni amalga oshirishi haqidagi yozma va'dasi bilan tasdiqlanadi.

Topshirish jarayonining moddiy va protsessual shartlarini belgilashda fuqarolik, qo'sh jinoyat (*double criminality*) va ixtiyoriylik prinsiplari markaziy va hal qiluvchi o'rin tutadi. Mahkumlarni topshirish institutining tub mohiyati xorijda jazo o'tayotgan shaxsni uning o'z fuqaroligi bo'lgan davlatga ijtimoiy reabilitatsiya va resotsializatsiya qilish uchun yuborishdan iboratdir. Ikki yoqlama sudlovlik yoki qo'sh jinoyat prinsipi an'anaviy tarzda xalqaro jinoyat huquqi institutlari bilan bog'liq bo'lib, mazkur prinsip nafaqat ekstraditsiya qilishda, balki jinoyat ishlarini yuritishda va xorijiy davlat sud hukmini ijro etishda ham qat'iy talab qilinadi.

Xalqaro huquqda ushbu prinsip ba'zi hollarda "jinoyat tarkibini ikki yoqlama belgilovchi prinsip", "ikki yoqlama jinoyatlik" va "ikki tomonlama hisobga olish prinsipi" deb ham ta'kidlanadi [12]. Mazkur prinsipni amalga oshirish uchun quyidagi shartlar bajarilishi lozim: qilmish har ikkala mamlakat qonunchiligida ham jinoyat sifatida tan olingan hamda jinoyat qonunining tegishli normalari bilan taqiqlangan bo'lishi lozim. Ikki yoqlama sudlovlik prinsipi shartlarini bajarayotganda, sodir etilgan qilmishni kvalifikatsiya qilishda boshqa davlat qonunchiligiga to'liq mos kelishi ahamiyatga ega emas, asosiysi, shunday qilmish har ikkala davlatda ham jinoyat hisoblanishidir. Bu prinsipni davlatlarning milliy qonunlarida, xususan, Kanadaning "Xalqaro darajada huquqbuzarlarni topshirish to'g'risida"gi aktida ko'rsatilgan normalarda ham yaqqol ko'rishimiz mumkin [13]. Mahkum topshirilishiga rozilik berishi prinsipi esa mahkumning o'z xohishi bilan xorijiy davlatning jazoni o'tash muassasasi rahbariga ariza berishi orqali amalga oshiriladi. L.L.Santashova buni "uch kalit" prinsipi deb ataydi va uning mohiyatini, birinchidan, mahkumning yoki qonuniy vakilining yozma roziligi, ikkinchidan, fuqaroligi bo'lgan xorijiy davlat vakolatli organlarining roziligi, uchinchidan esa, hukm e'lon qilgan davlatning roziligi tashkil etishini asoslaydi [14].

Topshirish to'g'risidagi bitim xalqaro hujjat bo'lgani uchun qaror qabul qilish vakolatiga ega bo'lgan yagona subyekt bu suveren davlatlardir, biroq ular mahkumning va uning yaqin qarindoshlarining vataniga qaytish bilan bog'liq istaklarini inobatga olishlari kerak bo'ladi.

Nihoyat, mahkumlarni topshirishning huquqiy chegaralari va uning suveren nazorati *Speciality rule* (maxsus qoida) va qaror qabul qilishda diskretion vakolat prinsiplari orqali tartibga solinadi. Maxsus qoidaga muvofiq, qabul qiluvchi davlatga topshirilgan mahkum u yerda faqat o'zi topshirilishiga asos bo'lgan sud hukmidagi jinoyati uchunгина jazo o'taydi va uning topshirilishidan oldin sodir etgan boshqa qilmishlari uchun hukm chiqargan davlatning roziligisiz yangidan javobgarlikka tortilishi mumkin emas [15]. Turli bosqichlarda mahkumlarning huquq va erkinliklari hamda qonuniy manfaatlari ta'minlanishi jarayonida mahkumga fuqaroligi yoki doimiy yashash joyi bo'lgan davlatga topshirish imkoniyati va uning huquqiy oqibatlari, jumladan, uning topshirilishidan oldin sodir etilgan boshqa huquqbuzarliklar uchun javobgarlikka tortilishi mumkinligi haqida to'liq ma'lumot berilishi nazarda tutiladi. Mahkumlar bilan muomalada bo'lishning minimal standart qoidalariga ko'ra, mazkur ma'lumotlar mahkum tushunadigan tilda berilishi lozim.

Shu bilan birga, bir jinoyati uchun ikki marta jazolanmaslik (*ne bis in idem*) prinsipi ham jinoyat odil sudlovga oid deyarli barcha konvensiyalar va ikki tomonlama shartnomalarda o'z aksini topgan

bo'lib [16], xorijiy davlat tomonidan chiqarilgan hukm kuchga kirgan bo'lsa, mahkum topshirilayotgan paytda, hukmni ijro etuvchi davlat yana bir bor ishni sudga oshirishi mumkin emas. Xalqaro hamkorlikni tartibga soluvchi boshqa xalqaro hujjatlarda ham ushbu prinsiplar, shartnoma maqsadlaridan kelib chiqqan holda, shakllantirilgan.

Tahlil qilinayotgan soha prinsiplari haqida milliy va xorijlik huquqshunos olimlar ham o'z nuqtai nazarlarini bildirib o'tganlar. Mamlakatimizda jinoiy odil sudlovga oid prinsiplarni tahlil qilgan va o'zlarining bu borada ilmiy xulosalarini bergan olimlar qatoriga R.A. Sayfulov [17], D.Sh. Umarxonova [18] va F.M. Fayziyevni [19] kiritish mumkin. Xorijiy mamlakatlar olimlaridan esa, V.V. Milinchuk [20], Yu.V. Minkova [21] va N. Safarovning [22] ilmiy ishlari diqqatga sazovor bo'lib, ular, asosan, xalqaro huquqning umume'tirof etilgan prinsiplari bilan xalqaro jinoyat huquqining maxsus prinsiplari o'rtasidagi o'zaro bog'liqlikni va ularning jinoiy odil sudlov bo'yicha xalqaro hamkorlikka bevosita ta'sirini ko'rsatib berganlar.

Yuqoridagi tahlillardan shuni xulosa qilish mumkinki, mahkumlarni topshirishga oid prinsiplar bevosita uning quyidagi o'ziga xos xususiyatlaridan kelib chiqqan holda shakllantiriladi: komplekslilik xarakteriga ega ekanligi (xalqaro huquq, xalqaro jinoyat huquqi, jinoyat protsessi va jinoyat-ijroiya huquqlari asosida mustaqil huquqiy tizimlarning birgalikdagi harakati), xalqaro va milliy huquq bilan bir vaqtda tartibga solinishi hamda shaxsning xorijiy davlat hududida jinoyat sodir etganligi va jazoga tortilganligi natijasida, uni ijtimoiy rehabilitatsiya qilish maqsadini ko'zlashidir. Mazkur xususiyatlardan kelib chiqqan holda, mahkumlarni topshirish bo'yicha davlatlar hamkorligining asosiy prinsiplari tizimini uchta yirik guruhga ajratish mumkin:

birinchidan, xalqaro huquqning umume'tirof etilgan prinsiplariga bevosita bog'liq bo'lgan prinsiplar (davlatlarning xalqaro hamkorligi, davlat suverenitetini hurmat qilish, inson huquqlarini hurmat qilish);

ikkinchidan, ekstraditsiya instituti bilan bog'liq bo'lgan umumiy prinsiplar (ikki yoqlama sudlovlilik, *ne bis in idem*, o'zarolik prinsipi);

uchinchidan, mahkumlarni topshirish institutining alohida xususiyatidan kelib chiqqan maxsus prinsiplar (tomonlarning roziligi va mahkumning topshirilishiga o'z ixtiyori bilan rozilik berishi prinsipi).

Foydalanilgan manbalar / References

1. Saidov B.A., Umarxonov A.Sh. Jinoyat protsessi prinsiplari: O'quv qo'llanma. – Toshkent, 2010.
2. Umarxonova D. Sh. Jinoyat ishlari bo'yicha xalqaro hamkorlik prinsiplarining o'ziga xos xususiyatlari // O'zbekiston Respublikasi Bosh prokuraturasi Oliy o'quv kurslari Axborotnomasi, 2017. – 3(30). – 57-61-b.
3. Cassese, A. International criminal law (2nd ed.). Oxford University Press, 2000.
4. Werle, G. Principles of International Criminal Law (2nd ed.). T.M.C. Asser Press, 2009.
5. United Nations. Body of Principles for the Protection of All Persons under Any Form of Detention or Imprisonment. General Assembly resolution, 1988. 43/173. <https://www.un.org>
6. Шурухнова Д. Н. Выдача, передача и выдворение лиц в отношениях государств (права, законные интересы личности и их гарантии): Дис. канд. юрид. наук. – М., 200). – С.58.
7. Решетнева Т. В. Экстрадиция полипатридов в российском уголовном судопроизводстве: проблемы теории и практики (Диссертация кандидата юридических наук). – Ижевск, (2009). – С. 100.
8. United Nations. Model Agreement on the Transfer of Foreign Prisoners and recommendations on the treatment of foreign prisoners. Seventh United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders. – Milan, 1985.
9. United Nations. Report of the Sixth United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders. – Caracas, 1980.
10. UNODC. Congresses of the United Nations on Crime Prevention and Criminal Justice 1955–2020 (Achievements over 65 years). United Nations Office on Drugs and Crime Brochure, 2020. – P. 7-9.

11. Санташова Л. Л. Передача лиц, осуждённых к лишению свободы, для отбывания наказания в государствах их гражданства (Диссертация кандидата юридических наук). – Вологда, 2017. – С. 36.
12. Gardocki L. (1993). Double Criminality in Extradition Law. Israel Law Review, 27(1-2), 288-296. <https://doi.org/10.1017/S0021223700016952>
13. Government of Canada. (1999). Extradition Act (S.C. 1999, c. 18). Justice Laws Website. <https://laws-lois.justice.gc.ca>
14. Санташова Л. Л. Передача лиц, осуждённых к лишению свободы, для отбывания наказания в государствах их гражданства (Диссертация кандидата юридических наук). Вологда, 2017. – С. 37.
15. United Nations. Model Agreement on the Transfer of Foreign Prisoners and recommendations on the treatment of foreign prisoners. Seventh United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders. – Milan, 1985.
16. Council of Europe. (1983). Convention on the Transfer of Sentenced Persons. ETS No. 112. <http://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/112>
17. Сайфулов Р. А. Экстрадиция в уголовном процессе (по материалам МВД и Прокуратуры Республики Узбекистан): Автореф. дис. канд. юрид. наук. – Т., 2001.
18. Umarxonova D. Sh. Jinoyat ishlari bo'yicha xalqaro hamkorlik mexanizmini takomillashtirish masalalari: Автореф. дис. д-ра юрид. наук. – Т., 2018.
19. Файзиев Ф. М. Международно-правовое регулирование отношений между государствами по оказанию правовой помощи: Дис. канд. юрид. наук. – Т., 2007.
20. Милинчук В. В. Институт взаимной правовой помощи по уголовным делам: Действующая практика и перспективы развития. – М.: Юрлитинформ, 2001.
21. Минкова Ю. В. Принципы института выдачи (экстрадиции) в международном праве: Монография. – М., 2002.
22. Сафаров Н. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики. – М.: Волтерс Клувер, 2005.

KIBERJINOYATLARNING OLDINI OLISHDA TEZKOR-QIDIRUV TADBIRLARINING MOHIYATI, TURLARI VA O'TKAZISH TARTIBI: XORIJIY DAVLATLAR TAJIRIBASINING QIYOSIY-HUQUQIY TAHLILI

Bobomurodov Farxod Boymurotovich

Toshkent xalqaro universiteti
Yurisprudensiya fakulteti
Huquqiy fanlar kafedrasida dotsent
v.b., yuridik fanlar doktori (DSc)

Ташкентский международный
университет, факультет
юриспруденции, и.о. доцента
кафедры юридических наук,
доктор юридических наук (DSc)

Tashkent International University,
Faculty of Jurisprudence, acting
Associate Professor of the
Department of Legal Sciences,
Doctor of Legal Sciences (DSc)

Annotatsiya. Mazkur maqolada kiberjinoatlarning oldini olishda tezkor-qidiruv tadbirlarining nazariy-huquqiy mohiyati, turlari va ularni o'tkazish tartibi kriminologik hamda qiyosiy-huquqiy jihatdan tahlil qilingan. Kiberjinoatchilikning transmilliy xususiyati, Internet monitoringi, raqamli kuzatuv, elektron dalillar bilan ishlash, raqamli profayling, "predictive policing" va sun'iy intellekt texnologiyalarining tezkor-qidiruv faoliyatidagi ahamiyati yoritilgan. Shuningdek, Amerika Qo'shma Shtatlari, Rossiya Federatsiyasi, Janubiy Koreya, Xitoy, Yaponiya, Buyuk Britaniya hamda Singapur tajribasi asosida kiberjinoatchilik profilaktikasida qo'llaniladigan tezkor-qidiruv mexanizmlari qiyosiy tahlil qilingan.

Kalit so'zlar: kiberjinoatchilik, tezkor-qidiruv faoliyati, Internet monitoringi, raqamli kuzatuv, elektron dalillar, kiberprofayling, "predictive policing", kiberxavfsizlik, kriminologik profilaktika, sun'iy intellekt, "darknet", "Big Data", "cyber monitoring", "digital forensics", transmilliy jinoatchilik.

THE ESSENCE, TYPES, AND PROCEDURES OF OPERATIONAL-SEARCH MEASURES IN THE PREVENTION OF CYBERCRIMES: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF FOREIGN COUNTRIES' EXPERIENCE

Abstract. This scientific article analyzes the theoretical and legal essence, types, and procedures of operational-search measures aimed at preventing cybercrime from criminological and comparative legal perspectives. The study examines the transnational nature of cybercrime, as well as the significance of internet monitoring, digital surveillance, handling of electronic evidence, cyber profiling, predictive policing, and artificial intelligence technologies within operational-search activities. In addition, based on the experience of the United States, European, the Russian Federation, South Korea, China, Japan, the United Kingdom, and Singapore, a comparative analysis of operational-search mechanisms used in cybercrime prevention is conducted.

Keywords: cybercrime, operational-search activity, internet monitoring, digital surveillance, electronic evidence, cyber profiling, predictive policing, cybersecurity, criminological prevention, artificial intelligence, darknet, Big Data, cyber monitoring, digital forensics, transnational crime.

Hozirgi global raqamlashuv sharoitida axborot-kommunikasiya texnologiyalari jamiyat hayotining deyarli barcha sohalariga chuqur kirib bordi. Elektron hukumat, raqamli iqtisodiyot, onlayn bank xizmatlari, cloud texnologiyalari, kriptovalyutalar, sun'iy intellekt, "Internet of Things" (IoT) hamda "Big Data" tizimlarining jadal rivojlanishi insoniyat taraqqiyoti uchun yangi imkoniyatlar yaratmoqda. Biroq, mazkur jarayonlar bilan bir qatorda, kiberjinoatchilikning yangi, murakkab va yuqori intellektual shakllari paydo bo'lmoqda.

Bugungi kunda kiberjinoatchilik jahon miqyosidagi eng xavfli transmilliy tahdidlardan biri sifatida baholanmoqda. Federal Bureau of Investigationning Internet Crime Complaint Center (IC3) 2024-yillik hisobotiga ko'ra, 2024-yil davomida AQSHda 859 532 ta kiberjinoat bo'yicha murojaat qayd etilgan bo'lib, ular natijasida yetkazilgan umumiy zarar 16,6 milliard AQSH dollarini tashkil etgan. Bu 2023-yilga nisbatan 33 foizga o'sganini ko'rsatadi. Hisobotda fishing, extortion, shaxsiy ma'lumotlarni buzish va kriptovalyuta bilan bog'liq investitsiya firibgarliklari eng xavfli jinoat turlari sifatida qayd etilgan.

2025-yil yakunlari bo'yicha e'lon qilingan dastlabki xalqaro tahlillarda esa kiberjinoatchilikdan kelgan moliyaviy zarar yanada ortgani qayd etilmoqda. Jumladan, FBI Internet Crime Report ma'lumotlariga ko'ra, 2025-yilda kiberjinoatlar natijasidagi zarar qariyb 20,9–21 milliard dollarga yetgan. Shuningdek, 2025-yilda IC3 markaziga 1 milliondan ortiq murojaat kelib tushgan bo'lib, eng ko'p uchragan jinoatlar sifatida fishing, kriptovalyuta firibgarligi, "business email compromise" va "ransomware" hujumlari qayd etilgan [4].

2026-yilning 4 oyi bo'yicha xalqaro tahlillar kiberjinoatchilik global xavfsizlikka tahdid soluvchi eng xavfli transmilliy jinoat turlaridan biri bo'lib qolayotganini ko'rsatmoqda. Jahon miqyosida raqamli iqtisodiyotning jadal rivojlanishi, sun'iy intellekt texnologiyalarining ommalashuvi, cloud infratuzilmalardan foydalanishning kengayishi hamda kriptovalyuta aylanmalarining o'sishi kiberjinoatchilikning yangi va murakkab shakllarini keltirib chiqarmoqda. Xalqaro tahlil markazlari, axborot xavfsizligi kompaniyalari va huquqni muhofaza qiluvchi organlar ma'lumotlariga ko'ra, 2026-yilning aprel oyiga qadar bo'lgan davrda "deepfake" texnologiyalari orqali firibgarlik, "cryptocurrency scam", "cloud infrastructure attacks" hamda "supply chain cyber attacks" holatlari sezilarli darajada oshgan [16].

Ayniqsa, sun'iy intellekt texnologiyalarining jinoiy maqsadlarda qo'llanilishi kiberjinoatchilikning xavfliligini yangi bosqichga olib chiqmoqda [28]. Ilgari fishing xabarlarini texnik va til jihatdan sodda shaklda tarqatilgan bo'lsa, hozirgi vaqtda "generative AI" texnologiyalari yordamida inson psixologiyasiga moslashtirilgan, yuqori ishonch uyg'otuvchi va real tashkilotlar uslubini taqlid qiluvchi xabarlar avtomatik tarzda yaratilmoqda. Bu esa ommaviy fishing kampaniyalarining "sanoat darajasi"ga chiqishiga sabab bo'lmoqda. Kiberjinoatchilar AI yordamida millionlab elektron pochta manzillari va ijtimoiy tarmoq akkauntlarini tahlil qilib, muayyan shaxsga yo'naltirilgan "spear-phishing" hujumlarini amalga oshirmoqdalar.

Shu bilan birga, "deepfake" texnologiyalaridan foydalanib amalga oshirilayotgan firibgarlik holatlari ham keskin ko'paymoqda. Xususan, ovoz va video tasvirlarni sun'iy tarzda yaratish orqali bank operatsiyalarini tasdiqlash, tashkilot rahbarlari nomidan soxta topshiriqlar yuborish yoki moliyaviy mablag'larni noqonuniy o'tkazish kabi holatlar xalqaro amaliyotda tobora ko'proq kuzatilmoqda. Bu esa raqamli identifikatsiya va elektron ishonch tizimlariga nisbatan xavflarni kuchaytirmoqda [26; 27].

2026-yilda "cloud infrastructure attacks", ya'ni bulutli infratuzilmalarga qilingan hujumlar ham kiberjinoatchilikning eng xavfli yo'nalishlaridan biri sifatida baholanmoqda. Chunki davlat organlari, bank tizimlari, elektron hukumat platformalari va yirik korporatsiyalar ma'lumotlarni "cloud" muhitda saqlashga o'tmoqda. Kiberjinoatchilar esa mazkur infratuzilmalardagi zaifliklardan foydalanib, katta hajmdagi ma'lumotlarni o'g'irlash, "ransomware" hujumlarini amalga oshirish yoki xizmat ko'rsatish tizimlarini izdan chiqarishga harakat qilmoqda. Ayniqsa, "supply chain cyber attacks", ya'ni dasturiy ta'minot va ta'minot zanjiri orqali amalga oshiriladigan hujumlar global kiberxavfsizlikning eng dolzarb muammolaridan biriga aylandi. Bunda jinoatchilar yirik tashkilotga to'g'ridan-to'g'ri hujum qilish o'rniga, uning dasturiy ta'minot yetkazib beruvchilari yoki texnik hamkorlari orqali tizimga kirib bormoqda.

Xalqaro miqyosda kiberjinoyatchilikning xavfliligini namoyon qilgan muhim voqealardan biri 2026-yil boshida Interpol tomonidan amalga oshirilgan “Operation Ramz” xalqaro operatsiyasi hisoblanadi. Ushbu operatsiya davomida 13 ta davlatda transmilliy kiberjinoiy tarmoqlarga qarshi tezkor tadbirlar o‘tkazilib, 201 nafar shaxs qo‘lga olingan, 53 ta server musodara qilingan hamda minglab kiberjinoyat qurbonlari aniqlangan. Mazkur holat kiberjinoyatchilikning milliy chegaralar bilan cheklanmasligini, uyushgan raqamli jinoiy guruhlar xalqaro darajada faoliyat yuritayotganini va bu jinoyat turi global xavfsizlikka jiddiy tahdid solayotganini ko‘rsatadi [16].

Zamonaviy kiberjinoyatchilikning xavfliligi, avvalo, uning transmilliy xususiyatga egaligi bilan izohlanadi. Jinoyatchilar bir davlat hududida turib boshqa davlatdagi bank tizimlariga, davlat axborot resurslariga yoki xususiy kompaniyalarga hujum uyushtirishi mumkin [21]. Bu esa yurisdiksiya, ekstraditsiya va xalqaro huquqiy hamkorlik masalalarini murakkablashtiradi. Shu sababli kiberjinoyatchilikka qarshi kurashishda xalqaro hamkorlik va tezkor axborot almashinuvi muhim ahamiyat kasb etmoqda.

Kiberjinoyatchilikning yana bir o‘ziga xos xususiyati uning yuqori latentlikka egaligidir [20]. Ko‘plab holatlarda tashkilotlar va jismoniy shaxslar kiberhujum haqida huquqni muhofaza qiluvchi organlarga murojaat qilmaydilar. Bu esa jinoyatlarning real ko‘lamini aniqlashni qiyinlashtiradi. Ayniqsa, elektron dalillarning tez o‘zgaruvchanligi va oson yo‘q qilinishi kiberjinoyatlarni tergov qilish jarayonini murakkablashtirmoqda.

Shu bilan birga, “VPN”, “proxy”, “darknet”, kriptovalyuta va anonim messenjerlardan foydalanish jinoyatchilarning shaxsini aniqlashni qiyinlashtirmoqda. Anonimlik darajasining yuqoriligi kiberjinoyatchilarda jazodan qochib qolish mumkinligi haqida tasavvurni kuchaytirmoqda. Bu esa uyushgan raqamli jinoiy guruhlarining shakllanishiga olib kelmoqda.

Shu sababli zamonaviy sharoitda kiberjinoyatchilikka qarshi kurashish faqat an‘anaviy jazo choralari bilan cheklanib qolmasligi lozim. Kiberjinoyatchilik profilaktikasini kuchaytirish, Internet monitoringi, raqamli profayling, “predictive policing”, elektron dalillar bilan ishlash va sun‘iy intellekt asosida tahlil tizimlarini rivojlantirish orqali kibertahdidlarni erta bosqichda aniqlash muhim ahamiyat kasb etadi.

Raqamlashuv sharoitida kiberjinoyatchilik jamiyat va davlat xavfsizligiga jiddiy tahdid soluvchi transmilliy jinoyat turiga aylanmoqda. Internet texnologiyalari, elektron to‘lov tizimlari, “cloud” infratuzilmalar, sun‘iy intellekt va kriptovalyuta texnologiyalarining keng rivojlanishi kiberjinoyatlarning sodir etilish usullarini murakkablashtirmoqda. Shu sababli kiberjinoyatchilikka qarshi kurashishda an‘anaviy tergov usullari bilan bir qatorda, tezkor-qidiruv tadbirlari ham muhim ahamiyat kasb etmoqda.

Tezkor-qidiruv tadbirlari – bu jinoyatlarni aniqlash, oldini olish, ularni fosh etish va jinoyat sodir etgan shaxslarni aniqlashga qaratilgan maxsus huquqiy, tashkiliy va texnik chora-tadbirlar tizimi [22; 23]. Kiberjinoyatchilik sohasida mazkur tadbirlar Internet muhitidagi jinoiy faollikni kuzatish, elektron dalillarni aniqlash, raqamli ma‘lumotlarni tahlil qilish va kibertahdidlarni erta bosqichda aniqlash vazifalarini bajaradi [25].

Tezkor-qidiruv tadbirlarining asosiy mohiyati jinoyatni sodir etilgandan keyin emas, balki uning kelib chiqishiga sabab bo‘luvchi omillarni barvaqt aniqlash va profilaktika qilishdan iborat. Chunki kiberjinoyatchilik yuqori latentlikka ega bo‘lib, ko‘p holatlarda jinoyatchilar virtual muhitda anonim ravishda harakat qiladi. Bu esa kiberjinoyatlarni an‘anaviy usullar orqali aniqlashni qiyinlashtiradi. Shu sababli tezkor-qidiruv faoliyati Internet monitoringi, raqamli kuzatuv, onlayn tahlil va elektron razvedka orqali kiberjinoyatchilikni erta bosqichda aniqlash imkonini beradi.

Kiberjinoyatlarning oldini olishda tezkor-qidiruv tadbirlarining o‘ziga xos xususiyatlaridan biri

ularning profilaktik xarakterga egaligidir. Masalan, Internet tarmoqlaridagi shubhali faollikni monitoring qilish, “darknet” platformalarini kuzatish, zararli dastur tarqatuvchi manbalarni aniqlash va fishing saytlarni bloklash orqali jinoyat sodir bo‘lishining oldi olinadi. Bu esa jinoyat oqibatlarini bartaraf etishdan ko‘ra samaraliroq hisoblanadi.

Tezkor-qidiruv tadbirlari kibernakondagi kriminogen vaziyatni tahlil qilish imkonini ham beradi. Internet tarmoqlarida qaysi turdagi kiberhujumlar ko‘payib borayotgani, qaysi ijtimoiy guruhlar viktimlashuv xavfi yuqori ekanligi, qaysi dasturiy zaifliklar jinoyatchilar tomonidan ko‘proq qo‘llanilayotgani haqidagi ma‘lumotlar profilaktika choralari samarali tashkil etishga xizmat qiladi. Shu jihatdan tezkor-qidiruv tadbirlari kriminologik prognozlashning muhim vositasi hisoblanadi.

Kiberjinoyatchilikka qarshi tezkor-qidiruv tadbirlarining mohiyati elektron dalil bilan ishlashda ham namoyon bo‘ladi. Kiberjinoyatlarda dalillar raqamli shaklda bo‘lgani sababli ular tez o‘zgarishi, yo‘q qilinishi yoki boshqa davlat serverlarida saqlanishi mumkin. Shu sababli tezkor ravishda ma‘lumotlarni saqlab qolish, trafik ma‘lumotlarini aniqlash, IP-manzillarni kuzatish va server faoliyatini tahlil qilish muhim ahamiyat kasb etadi. Bu esa raqamli kriminalistika va tezkor-qidiruv faoliyatining o‘zaro integratsiyasini talab qiladi [17; 18; 19.]

Zamonaviy sharoitda sun‘iy intellekt va «Big Data» texnologiyalarining rivojlanishi tezkor-qidiruv tadbirlarining samaradorligini yanada oshirmoqda. «Predictive policing» tizimlari orqali kibertahdidlarni oldindan prognoz qilish, zararli faollikni avtomatik aniqlash va xavfli Internet segmentlarini real vaqt rejimida monitoring qilish imkoniyati paydo bo‘lmoqda. Bu esa kiberjinoyatchilik profilaktikasini yangi bosqichga olib chiqmoqda.

Xorijiy davlatlar tajribasi ham tezkor-qidiruv tadbirlarining kiberjinoyatchilik profilaktikasida muhim o‘rin tutishini ko‘rsatmoqda. Xususan, Federal Bureau of Investigation, Europol European Cybercrime Centre (Ec3), Interpol hamda Korea Internet & Security Agency kabi tuzilmalar Internet monitoringi, raqamli razvedka, «AI-based analytics» va «undercover cyber operations» orqali kiberjinoyatlarni erta bosqichda aniqlash va profilaktika qilish mexanizmlarini keng qo‘llamoqda.

Shu bilan birga, tezkor-qidiruv tadbirlarini amalga oshirishda inson huquqlari va shaxsiy hayot daxlsizligi kafolatlarini ta‘minlash muhim ahamiyat kasb etadi [24]. Internet monitoringi, raqamli kuzatuv va ma‘lumotlarni yig‘ish jarayonlari qonuniylik, proporsionallik va sud nazorati prinsiplari asosida amalga oshirilishi lozim. Aks holda raqamli nazorat inson huquqlariga tajovuz qilish xavfini keltirib chiqarishi mumkin.

Amerika Qo‘shma Shtatlari kiberjinoyatchilikka qarshi kurashishda dunyodagi rivojlangan va texnologik jihatdan kuchli davlatlardan biridir. Mamlakatda kiberxavfsizlikni ta‘minlash va kiberjinoyatchilikka qarshi kurashish federal darajada muvofiqlashtirilgan kompleks tizim asosida amalga oshiriladi [13]. Xususan, Federal Bureau of Investigation, Cybersecurity and Infrastructure Security Agency, National Security Agency hamda National Cyber Investigative Joint Task Force kabi maxsus tuzilmalar kibertahdidlarni aniqlash, Internet muhitidagi jinoiy faollikni monitoring qilish, raqamli razvedka olib borish va kiberjinoyatlarni profilaktika qilish bilan shug‘ullanadi [14]. AQSH amaliyotining asosiy xususiyati shundaki, kiberjinoyatchilikka qarshi kurashish faqat jinoyat sodir etilgandan keyin reaksiya bildirishga emas, balki jinoyatni tayyorgarlik bosqichida aniqlash va uning oldini olishga qaratilgan. Shu bois, AQSH modeli kriminologiyada profilaktikaga yo‘naltirilgan kiberxavfsizlik modeli sifatida baholanadi. Mazkur yondashuv doirasida Internet monitoringi, raqamli profayling, «undercover cyber operations» va sun‘iy intellekt asosida tahlil texnologiyalari keng qo‘llaniladi [1].

Internet monitoringi kiberjinoyatchilikka qarshi kurashning muhim tezkor-qidiruv mexanizmlaridan biri hisoblanadi. Davlat organlari Internet tarmoqlari, ijtimoiy platformalar, messenjerlar,

«cloud» muhitlar va «darknet» segmentlarini muntazam kuzatib boradi. Ayniqsa, «darknet» muhitida narkotik vositalar savdosi, zararli dasturlar tarqatilishi, shaxsiy ma'lumotlar savdosi va kriptovalyuta orqali noqonuniy operatsiyalar monitoring qilinadi [5]. Bu orqali jinoiy guruhlarining virtual aloqalari, moliyaviy sxemalari va kiberhujumlarga tayyorgarlik jarayonlari haqida tezkor ma'lumotlar to'planadi.

Virtual muhitda yashirin tezkor faoliyat olib borish AQSH amaliyotida keng qo'llaniladigan usullardan biri hisoblanadi. Mutaxassislar «darknet» forumlari, kriptovalyuta platformalari va yopiq onlayn hamjamiyatlarga kirib, jinoiy guruhlar haqida ma'lumot to'playdi [15]. Bunday operatsiyalar orqali zararli dasturlar sotuvchilari, kiberfiribgarlik guruhlar va transmilliy raqamli jinoiy uyushmalar faoliyati aniqlanadi.

Raqamli profayling tizimi orqali shaxslarning IP-manzili, Internet faolligi, ijtimoiy tarmoqlardagi harakatlari va raqamli izlari tahlil qilinadi. Ayniqsa, «Big Data» texnologiyalari bilan integratsiya qilingan raqamli profayling tizimlari jinoyatchilik tendensiyalarini prognoz qilishda muhim ahamiyat kasb etmoqda.

Rossiya Federatsiyasida kiberjinoyatchilikka qarshi kurashish va tezkor-qidiruv faoliyati markazlashgan davlat nazorati asosida tashkil etilgan bo'lib, mazkur sohada huquqiy hamda texnik mexanizmlar shakllantirilgan. Kiberjinoyatchilikka qarshi tezkor-qidiruv tadbirlari, avvalo, Rossiya Federatsiyasining «Tezkor-qidiruv faoliyati to'g'risida»gi Federal qonuni asosida amalga oshiriladi [29]. Mazkur qonun huquqni muhofaza qiluvchi organlarga jinoyatlarni aniqlash, oldini olish, fosh etish va jinoyat sodir etgan shaxslarni aniqlash maqsadida raqamli kuzatuv, telekommunikatsiya monitoringi va elektron ma'lumotlar bilan ishlash imkoniyatini beradi. Rossiya amaliyotining muhim xususiyatlaridan biri «Система оперативно-розыскных мероприятий» (SORM) tizimining joriy etilganidir. SORM telekommunikatsiya tarmoqlari va Internet muhitini davlat darajasida monitoring qilish imkonini beruvchi markazlashgan raqamli kuzatuv mexanizmi hisoblanadi. Ushbu tizim orqali Internet trafigi, telefon aloqalari, elektron xatlar, messengerlardagi ma'lumot almashinuvi va boshqa raqamli kommunikatsiyalar monitoring qilinishi mumkin. Kriminologik nuqtai nazardan, SORM tizimi kibertahdidlarni erta bosqichda aniqlash, raqamli jinoiy guruhlar harakatini kuzatish va transmilliy kiberjinoyatchilikka qarshi tezkor choralar ko'rish imkonini beradi.

Telekommunikatsiya monitoringi davlat kiberxavfsizlik siyosatida muhim o'ringa ega. Internet-provayderlar telekommunikatsiya operatorlari tezkor xizmatlar bilan integratsiya qilingan bo'lib, huquqni muhofaza qiluvchi organlarga muayyan ma'lumotlarni tezkor tarzda taqdim etish majburiyati yuklatilgan. Bu esa Internet muhitidagi shubhali faollikni doimiy nazorat qilish, zararli kontentlarni aniqlash va kiberhujumlarga qarshi tezkor javob qaytarish imkonini yaratadi. Ayniqsa, ekstremistik materiallar, terrorchilikka oid axborotlar, fishing tarmoqlari va onlayn firibgarlik sxemalarini aniqlashda mazkur tizim keng qo'llanilmoqda.

Raqamli kuzatuv (digital surveillance) ham kiberjinoyatchilikka qarshi kurashishning muhim mexanizmi hisoblanadi. Huquqni muhofaza qiluvchi organlar muayyan shaxsning geolokatsiyasi, Internet faolligi, elektron qurilmalari va raqamli harakatlarini tahlil qilish imkoniyatiga ega. Mobil qurilmalar, IP-manzillar, SIM-kartalar va internet-trafik ma'lumotlarini tahlil qilish orqali jinoyatchilarning virtual aloqalari va harakat yo'nalishlari aniqlanadi. Bu esa uyushgan kiberjinoiy guruhlarining tuzilishi, moliyaviy sxemalari va raqamli infratuzilmasini o'rganish imkonini beradi.

So'nggi yillarda Rossiya Federatsiyasida «darknet» muhitini monitoring qilishga ham alohida e'tibor qaratilmoqda [30]. «Darknet» platformalari orqali giyohvandlik vositalari, shaxsiy ma'lumotlar savdosi, zararli dasturlar tarqatish va boshqa raqamli jinoyatlar amalga oshirilishi sababli mazkur muhit davlat organlari tomonidan doimiy kuzatib boriladi. Ayniqsa, kriptovalyuta

operatsiyalarini tahlil qilish orqali noqonuniy moliyaviy aylanmalar va transmilliy jinoiy tarmoqlar aniqlanmoqda. Bu maqsadda «blockchain analytics» va raqamli profayling usullari ham qo'llaniladi.

Janubiy Koreya kiberxavfsizlik sohasida Osiyo mintaqasidagi eng rivojlangan va texnologik jihatdan ilg'or davlatlardan biri hisoblanadi. Mamlakatda raqamli iqtisodiyot, elektron hukumat, onlayn bank tizimlari va yuqori tezlikdagi Internet infratuzilmasining keng rivojlangani kiberxavfsizlikni milliy xavfsizlikning ustuvor yo'nalishlaridan biriga aylantirgan [7]. Shu sababli Janubiy Koreyada kiberjinoyatchilikka qarshi kurashish va uning profilaktikasi davlat siyosati darajasida tashkil etilgan bo'lib, mazkur sohada Korea Internet & Security Agency, milliy kiberpolitsiya, raqamli tahlil markazi va maxsus kiberxavfsizlik bo'linmalari faoliyat yuritadi.

Janubiy Koreya tajribasining asosiy xususiyati shundaki, mamlakatda kiberjinoyatchilikka qarshi kurashish faqat jinoyatlarni fosh etishga emas, balki uning barvaqt oldini olish va xavflarni erta bosqichda aniqlashga qaratilgan [10]. Mamlakatda «real-time cyber monitoring», «predictive policing», «ISP cooperation» va «AI-based analytics» tizimlari yuqori darajada joriy etilgan.

Internet tarmoqlari, davlat axborot tizimlarini real vaqt rejimida kuzatish tizimi yagona kiberxavfsizlik infratuzilmasi orqali o'zaro integratsiya qilingan. Bu esa Internet muhitidagi shubhali faollikni, zararli dasturlar tarqalishini, kiberhujumlarga tayyorgarlik harakati va ma'lumotlar o'g'irlanishi holatlarini tezkor aniqlash imkonini beradi. Ayniqsa, davlat axborot tizimlari, strategik infratuzilmalarga qilingan kiberhujumlarni barvaqt aniqlash milliy xavfsizlik nuqtai nazaridan muhim ahamiyatga ega.

Jinoyatni oldindan prognoz qilish texnologiyalari sun'iy intellekt va mashinali o'qitish algoritmlari orqali kiberjinoyatlarni sodir etish ehtimoli yuqori bo'lgan holatlar bashorat qilinadi. Masalan, muayyan IP-manzil, Internet trafigi, fishing shablonlari yoki botnet harakatlaridagi anomal o'zgarishlar avtomatik tahlil qilinib, ehtimoliy kibertahdidlar haqida oldindan ogohlantirish tizimi ishlaydi. Bu esa huquqni muhofaza qiluvchi organlarga jinoyat sodir bo'lishidan avval profilaktik choralarni amalga oshirish imkonini beradi.

Internet-provayderlar bilan hamkorlikni yo'lga qo'yish orqali huquqni muhofaza qiluvchi organlar bilan muntazam ravishda axborot almashinuvi amalga oshiriladi. Bu orqali zararli trafik manbalari, fishing saytlar, botnet tarmoqlari va noqonuniy onlayn faollik tezkor aniqlanadi. Internet-provayderlar kiberhujumlar haqidagi ma'lumotlarni maxsus kiberxavfsizlik markazlariga uzatib, milliy raqamli xavfsizlik tizimining muhim subyekti sifatida ishtirok etadi.

Sun'iy intellekt va Big Data asosida tahlil qilish kiberxavfsizlik modelini muhim elementlaridan biri hisoblanadi. Mazkur texnologiyalar orqali shubhali faollik, fishing hujumlari, botnet tarmoqlari, «malware» tarqalishi va ransomware operatsiyalari avtomatik tarzda tahlil qilinadi. AI tizimlari internet muhitidagi millionlab harakatlarni real vaqt rejimida qayta ishlab, xavfli tendensiyalarni belgilaydi va ehtimoliy kiberhujumlar haqida avtomatik signal yuboradi. Bu kiberjinoyatchilikka qarshi kurashishda inson omili bilan bog'liq xatolarni kamaytirish va tahlil tezligini oshirish imkonini beradi.

Darknet va kriptovalyuta monitoringi kiberxavfsizlik tizimining muhim yo'nalishlaridan biri hisoblanadi. Darknet orqali amalga oshiriladigan giyohvandlik va shaxsga doir ma'lumotlar savdosi kabi jinoyatlarga qarshi maxsus kiberbo'linmalar tashkil etilgan. Ushbu bo'linmalar blokcheyn tahlili, kriptovalyuta tranzaksiyalarini kuzatish, yashirin forumlarni monitoring qilish va virtual aktivlar harakatini tahlil qilish orqali tezkor-qidiruv tadbirlarini amalga oshiradi.

Xitoyda kiberjinoyatlarga qarshi kurashish sohasida asosiy vakolatli subyektlar sifatida Jamoat xavfsizligi vazirligi, Davlat xavfsizligi vazirligi, maxsus kiberpolitsiya bo'linmalari, milliy axborot xavfsizligi markazlari hamda raqamli monitoring platformalari faoliyat yuritadi. Ularning faoliyati

markazlashgan raqamli boshqaruv tizimi asosida amalga oshiriladi [2]. Bu esa mamlakat miqyosida kiberxavflarni yagona platforma orqali kuzatish va tezkor choralar ko'rish imkonini beradi.

Kiberjinoyatlarning oldini olishda qo'llaniladigan muhim tezkor-qidiruv tadbirlaridan biri *real vaqtda kiberkuzatuv* hisoblanadi. Mamlakatda internet tarmoqlari, davlat serverlari, bank tizimlari, ijtimoiy tarmoqlar va telekommunikatsiya infratuzilmalari doimiy monitoring qilinadi. Bu jarayonda: tarmoqqa noqonuniy kirish, xakerlik harakatlari, DDoS hujumlari, fishing platformalari zararli dasturlar tarqalishi, shubhali internet-trafik avtomatik ravishda aniqlanadi. Mazkur tizim sun'iy intellekt, "Big Data" va "cloud monitoring" texnologiyalari bilan integratsiya qilingan bo'lib, xavfli faoliyatlarni barvaqt prognoz qilish imkonini yaratadi [9].

Prognozli profilaktik tahlili sun'iy intellekt va algoritmlar yordamida shubhali IP-manzillar; kiberjinoyat sodir etish ehtimoli yuqori bo'lgan akkauntlar, onlayn fribgarlik sxemalari; kriptovalyuta orqali amalga oshirilayotgan noqonuniy operatsiyalar; darknet faoliyati tahlil qilinadi. Bu orqali huquqni muhofaza qiluvchi organlar jinoyat sodir etilmasidan avvalroq profilaktik choralar ko'rish imkoniyatiga ega bo'ladi. Bu tadbirni amalga oshirilishi, ayniqsa, onlayn moliyaviy fribgarlik va telekommunikatsiya orqali sodir etiladigan jinoyatlarga qarshi samarali qo'llaniladi.

Internet-provayderlar va raqamli platformalar bilan hamkorlik qilish orqali huquqni muhofaza qiluvchi organlar o'z vakolati doirasida IP-manzillarni aniqlash, foydalanuvchilarni identifikatsiya qilish, elektron ma'lumotlarni saqlash, shubhali akkauntlarni bloklash, zararli kontentni o'chirish, tarmoq trafigini tahlil qilish kabi tezkor tadbirlarni amalga oshiradi.

Internetdan foydalanish jarayonida shaxsni identifikatsiya qilish tadbiri kiberjinoyatchilarni aniqlash imkoniyatini oshiradi.

Sun'iy intellekt texnologiyalari asosida tahlil qilish orqali botnet tarmoqlari, zararli dasturlarni tarqatish, fribgarlik yo'li bilan ma'lumotlari qo'lga kiritish, onlayn ekstremistik mazmundagi kontent, moliyaviy fribgarlik, kriptovalyuta operatsiyalari avtomatik monitoringi o'tkazilishi eng samarali choradir. SI tizimlari millionlab elektron ma'lumotlarni qisqa vaqt ichida qayta ishlab, xavfli faoliyatlarni avtomatik belgilaydi va tegishli organlarga xabar yuboradi. Bu esa kiberjinoyatlarni erta bosqichda aniqlash imkonini beradi.

Raqamli kriminalistika tadbirini o'tkazish orqali kompyuterlar, mobil qurilmalar, serverlar, bulutli ma'lumotlar va elektron yozishmalar kriminalistik usullar orqali tekshiriladi. Raqamli kriminalistika laboratoriyalarida o'chirilgan fayllarni tiklash, elektron izlarni aniqlash log-fayllarni tahlil qilish, mobil qurilmalardan ma'lumot olish, kriptovalyuta operatsiyalarini kuzatish kabi ishlar amalga oshiriladi. Bu harakatlar elektron dalillardan sud jarayonida samarali foydalanish imkonini beradi.

Yaponiya kiberjinoyatlarga qarshi kurashish va ularning oldini olish sohasida texnologiya, raqamli xavfsizlik va huquqiy tartibga solishni uyg'unlashtirgan davlatlardan biri hisoblanadi. Mamlakatda axborot-kommunikatsiya texnologiyalari, elektron tijorat, raqamli bank tizimi va intellektual infratuzilmaning yuqori darajada rivojlanganligi sababli kiberxavfsizlik milliy xavfsizlikning muhim qismi sifatida qaraladi. Shu bois kiberjinoyatlarni barvaqt aniqlash, profilaktika qilish va fosh etish maqsadida zamonaviy tezkor-qidiruv tadbirlari keng qo'llaniladi [6]. Kiberjinoyatlarga qarshi kurashish sohasida asosiy vakolatli subyektlar sifatida Milliy politsiya agentligi, maxsus kibertergov bo'linmalari, axborot xavfsizligi markazlari, raqamli kriminalistika laboratoriyalari hamda milliy kiberxavfsizlik strategiyasi bo'yicha davlat organlari faoliyat yuritadi. Ularning faoliyati davlat va xususiy sektor o'rtasidagi hamkorlik asosida amalga oshiriladi. Bu esa kiberxavflarni tezkor aniqlash va ularga qarshi samarali choralar ko'rish imkonini yaratadi [8].

Davlat organlari tomonidan kiberjinoyatlarni aniqlash, profilaktika qilish va fosh etishda quyidagi: 1) real vaqt rejimida kiberkuzatuv; 2) tarmoq trafigini tahlil qilish; 3) prognozli profilaktik

tahlil; 4) sun'iy intellekt asosida tahlil; 5) raqamli kriminalistika; 6) zararli dasturlarni tahlil qilish; 7) fishingni aniqlash tizimlari; 8) darknet monitoringi; 9) kriptovalyuta operatsiyalarini kuzatish, ya'ni blokcheyn tahlili orqali noqonuniy operatsiyalarni aniqlash; 10) elektron aloqalarni nazorat qilish; 11) ijtimoiy tarmoqlarni monitoring qilish; 12) IP-manzillarni aniqlash; 13) internet-provayderlar bilan hamkorlik; 14) bulutli ma'lumotlarni tekshirish; 15) log-fayllarni tahlil qilish; 16) botnet tarmoqlarini aniqlash; 17) kiberrazvedka; 18) yashirin kiberoperatsiyalar; 19) elektron dalillarni saqlash; 20) xalqaro kiberhamkorlik operatsiyalar; 21) muhim infratuzilmalarni monitoring qilish; 22) anomal faoliyatni avtomatik aniqlash; 23) mobil qurilmalar kriminalistikasi; 24) kompyuter yoki telefondagi fayllarni shifrlash hujumlariga qarshi tezkor choralar; 25) kiberhodalarga tezkor javob berish; 26) biometrik identifikatsiya tizimlari asosida yuzni tanish va biometrik ma'lumotlar orqali shubhali shaxslarni aniqlash; 27) IoT qurilmalar xavfsizligini monitoring qilish ("aqli qurilmalar" orqali amalga oshiriladigan kiberhujumlarni kuzatish); 28) kiber savodxonlik profilaktika dasturi asosida aholi va tashkilotlar uchun kiberxavfsizlik bo'yicha profilaktik o'quv tadbirlarini o'tkazish 29) moliyaviy kiberfribgarlikni aniqlash. Bu tadbir orqali onlayn bank va to'lov tizimlaridagi shubhali operatsiyalarni tahlil qilinadi; 30) kiberhodisa simulyatsiya mashqlarini amalga oshirish (*davlat organlari va kompaniyalar ishtirokida kiberhujumlarga qarshi maxsus mashqlar o'tkazish*) kabi zamonaviy tezkor-qidiruv tadbirlari qo'llaniladi.

Buyuk Britaniya kiberjinoyatlarga qarshi kurashish va ularning oldini olish sohasida huquqiy mexanizmlar, raqamli texnologiyalar va xalqaro hamkorlikni samarali uyg'unlashtirgan davlatlardan biri hisoblanadi. Mamlakatda raqamli iqtisodiyot, elektron tijorat, bank tizimi va davlat xizmatlarining keng raqamlashtirilganligi sababli kiberxavfsizlik milliy xavfsizlikning strategik yo'nalishlaridan biri sifatida qaraladi. Kiberjinoyatlarni barvaqt aniqlash, profilaktika qilish va fosh etish maqsadida zamonaviy tezkor-qidiruv tadbirlari keng qo'llaniladi.

Kiberjinoyatlarga qarshi kurashishda asosiy vakolatli subyektlar sifatida National Crime Agency, National Cyber Security Centre, maxsus kiberpolitsiya bo'linmalari, razvedka xizmatlari hamda raqamli kriminalistika markazlari faoliyat yuritadi [12]. Ushbu organlar davlat va xususiy sektor bilan hamkorlik asosida yagona kiberxavfsizlik tizimini shakllantirgan. Ushbu davlat organlarining maxsus bo'linmalari tomonidan kiberjinoyatlarni barvaqt aniqlash, profilaktika qilish va fosh etishda quyidagi: 1) real vaqt rejimida kiberkuzatuv; 2) tarmoq trafigini tahlil qilish; 3) prognozli profilaktik tahlil; 4) sun'iy intellekt asosida tahlil; 5) raqamli kriminalistika; 6) zararli dasturlarni tahlil qilish; 7) fishingni aniqlash tizimlari; 8) darknet monitoringi; 9) kriptovalyuta operatsiyalarini kuzatish; 10) elektron aloqalarni nazorat qilish; 11) ijtimoiy tarmoqlarni monitoring qilish; 12) IP-manzillarni aniqlash; 13) internet-provayderlar bilan hamkorlik; 14) bulutli ma'lumotlarni tekshirish; 15) log-fayllarni tahlil qilish; 16) botnet tarmoqlarini aniqlash; 17) kiberrazvedka; 18) yashirin kiberoperatsiyalar; 19) elektron dalillarni saqlash; 20) xalqaro kiberhamkorlik operatsiyalari; 21) muhim infratuzilmalarni monitoring qilish; 22) anomal faoliyatni avtomatik aniqlash; 23) mobil qurilmalar kriminalistikasi; 24) kompyuter va telefondagi fayllarni shifrlash hujumlariga qarshi tezkor choralar; 25) kiberhodalarga tezkor javob berish kabi zamonaviy tezkor-qidiruv tadbirlari amalga oshiriladi.

Singapur Respublikasi kiberxavfsizlik va raqamli texnologiyalar sohasida "Smart Nation" konsepsiyasiga binoan davlat boshqaruvi, bank tizimi, transport, elektron xizmatlar va telekommunikatsiya sohaslarini to'liq raqamlashtirgan. Shu sababli kiberxavfsizlikni ta'minlash milliy xavfsizlikning muhim yo'nalishlaridan biri sifatida qaraladi [3]. Singapurda kiberjinoyatlarni barvaqt aniqlash, oldini olish va fosh etish maqsadida zamonaviy tezkor-qidiruv tadbirlari o'tkaziladi.

Singapurda kiberjinoyatlarga qarshi kurashish sohasida asosiy vakolatli subyektlar sifatida Singapore Police Force, Cyber Security Agency of Singapore hamda Infocomm Media Development

Authority faoliyat yuritadi. Shuningdek, maxsus kibertergov bo'linmalari va raqamli kriminalistika markazlari ham mamlakat kiberxavfsizligini ta'minlashda muhim o'rin tutadi [11]. Ularning faoliyati yagona raqamli xavfsizlik tizimi asosida muvofiqlashtiriladi. Ushbu 3 ta davlat organlarining maxsus bo'linmalari kiberjinoyatlarni barvaqt aniqlash, profilaktika qilish va fosh etishda quyidagi: 1) real vaqt rejimida kiberkuzatuv; 2) tarmoq trafigini tahlil qilish; 3) prognozli profilaktik tahlil; 4) sun'iy intellekt asosida tahlil; 5) raqamli kriminalistika; 6) zararli dasturlarni tahlil qilish; 7) fishingni aniqlash tizimlari; 8) darknet monitoringi; 9) kriptovalyuta operatsiyalarini kuzatish; 10) elektron aloqalarni nazorat qilish; 11) ijtimoiy tarmoqlarni monitoring qilish; 12) IP-manzillarni aniqlash; 13) internet-provayderlar bilan hamkorlik; 14) bulutli ma'lumotlarni tekshirish; 15) log-fayllarni tahlil qilish; 16) botnet tarmoqlarini aniqlash; 17) kiberrazvedka; 18) yashirin kiberoperatsiyalar; 19) elektron dalillarni saqlash; 20) xalqaro kiberhamkorlik operatsiyalari; 21) muhim infratuzilmalarni monitoring qilish; 22) anomal faoliyatni avtomatik aniqlash; 23) mobil qurilmalar kriminalistikasi (smartfon va planshetlardagi raqamli izlarni tahlil qilish); 24) kompyuter yoki telefondagi fayllarni shifrlash hujumlariga qarshi tezkor choralar; 25) kiberhodisalariga tezkor javob berish; 26) biometrik identifikatsiya tizimlari asosida yuzni tanish va biometrik ma'lumotlar orqali shubhali shaxslarni aniqlash; 27) IoT qurilmalar xavfsizligini monitoring qilish ("aqlli qurilmalar" orqali amalga oshiriladigan kiberhujumlarni kuzatish); 28) kiber savodxonlik profilaktika dasturi asosida aholi va tashkilotlar uchun kiberxavfsizlik bo'yicha profilaktik o'quv tadbirlarini o'tkazish; 29) moliyaviy kiberfiribgarlikni aniqlash; 30) Singapurning raqamli shahar infratuzilmalarini avtomatlashtirilgan monitoring qilish; 31) deepfake aniqlash tizimi asosida sun'iy intellekt orqali soxta audio va videolarni aniqlash; 32) ma'lumotlar sizib chiqishini monitoring qilish ya'ni, maxfiy ma'lumotlarning internetga tarqalishini kuzatish; 33) davlat organlari va kompaniyalar ishtirokida kiberhujumlarga qarshi maxsus simulyatsiya mashqlari o'tkazish; 34) yangi va hali aniqlanmagan kiberxavflarni barvaqt kuzatish; 35) barcha kiberxavflar haqidagi ma'lumotlarni yagona markaz orqali muvofiqlashtirish kabi o'ttizdan ortiq zamonaviy tezkor-qidiruv tadbirlari doimiy ravishda o'tkaziladi.

Yuqorida tahlil qilingan 7 ta davlatda kiberjinoyatlar yuzasidan tezkor-qidiruv tadbirlarini o'tkazish tartibi va huquqiy asoslari o'zaro farq qiladi.

Mazkur davlatlarda kiberjinoyatlarni barvaqt aniqlash, profilaktika qilish va fosh etish maqsadida "real-time cyber monitoring", "digital forensics", "AI-based analytics", "predictive policing", "darknet monitoring" va "cryptocurrency tracking" kabi zamonaviy tezkor-qidiruv tadbirlari qo'llaniladi. Ushbu tadbirlar Internet trafigini kuzatish, shubhali IP-manzillarni aniqlash, elektron dalillarni yig'ish, fishing va "malware" hujumlarini tahlil qilish, kriptovalyuta operatsiyalarini monitoring qilish hamda raqamli platformalardagi xavfli faoliyatni aniqlash orqali amalga oshiriladi. AQSH, Yaponiya va Buyuk Britaniyada mazkur tadbirlar asosan sud sanksiyasi va inson huquqlarini himoya qilish prinsipi asosida o'tkazilsa, Rossiya va Xitoyda davlat xavfsizligi ustuvor hisoblanib, markazlashgan raqamli nazorat mexanizmi keng qo'llaniladi. Janubiy Koreya va Singapurda esa sun'iy intellekt va Big Data texnologiyalari asosida profilaktik kiberkuzatuv tizimi keng shakllangan.

Ushbu davlatlar qonunchiligi o'rtasidagi asosiy farq raqamli kuzatuv darajasi, davlat nazorati va shaxsiy hayot daxlsizligiga e'tibor berilishi bilan ahamiyatlidir. AQSH, Yaponiya va Buyuk Britaniyada inson huquqlari va sud nazorati kuchli bo'lib, elektron kuzatuv qonunchilik bilan cheklangan. Rossiya va Xitoyda esa davlat organlarining Internet va telekommunikatsiya tarmoqlari ustidan nazorati kengroq hisoblanadi. Janubiy Koreya va Singapurning ijobiy tomoni AI va avtomatlashtirilgan tahlil orqali kiberjinoyatlarni barvaqt prognoz qilish imkoniyati yuqori ekanligida namoyon bo'ladi. Biroq, salbiy tomoni sifatida, raqamli monitoringning yuqori darajasi shaxsiy ma'lumotlar maxfiyligi bilan bog'liq xavflarni keltirib chiqarishi mumkin. Shu jihatdan mazkur

davlatlar tajribasi kiberxavfsizlikni ta'minlashda texnologiya, davlat nazorati va inson huquqlari o'rtasida muvozanatni saqlash muhim ahamiyat kasb etadi.

Yuqorida sanab o'tilgan davlatlarning vakolatli organlari tomonidan kiberjinoyatlarning oldini olish bilan bog'liq tezkor-qidiruv tadbirlarini o'tkazishda amaliyotda qo'yidagi *huquqiy, tashkiliy va taktik* muammolar mavjudligi ma'lum bo'ldi:

birinchidan, ko'plab davlatlarda an'anaviy tezkor-qidiruv tadbirlari bo'yicha normalar mavjud bo'lsa-da, kibermakonda amalga oshiriladigan raqamli kuzatuv, onlayn monitoring, elektron ma'lumotlarni yashirin olish, "cloud-ma'lumotlar" bilan ishlash kabi harakatlarning huquqiy tartibi to'liq shakllanmagan. Natijada huquqni muhofaza qiluvchi organlar amaliyotida protsessual noaniqliklar kelib chiqmoqda. Masalan, AQSHda elektron kuzatuv bo'yicha keng vakolatlar mavjud bo'lsa, Yevropa davlatlarida shaxsiy hayot daxlsizligiga oid cheklovlar kuchli hisoblanadi. Bu esa transmilliy kiberjinoyatlarni tergov qilishda huquqiy ziddiyatlarni keltirib chiqaradi;

ikkinchidan, kiberjinoyatlar bo'yicha elektron dalillar juda tez o'zgaruvchan xususiyatga ega. Log-fayllar, IP-manzillar, server ma'lumotlari yoki bulutli platformalarda saqlangan ma'lumotlar qisqa vaqt ichida o'chirilishi yoki o'zgartirilishi mumkin. Bu tezkor-qidiruv tadbirlarining samaradorligiga salbiy ta'sir ko'rsatadi. Amaliyotda ayrim hollarda elektron dalilni olish jarayoni qonuniy tartibda rasmiylashtirilmagani sababli sud tomonidan ular nomaqbul dalil sifatida baholanmoqda. Ayniqsa kriptovalyuta operatsiyalari va "darknet" bilan bog'liq jinoyatlarda bu muammo yaqqol namoyon bo'ladi;

uchinchidan, kiberjinoyatlarni aniqlashda internet-provayderlar, ijtimoiy tarmoqlar, messenjerlar va xosting kompaniyalari muhim axborot manbai hisoblanadi. Biroq ayrim davlatlarda mazkur subyektlarning huquqni muhofaza qiluvchi organlar bilan hamkorlik qilish tartibi aniq belgilanmagan. Masalan, ayrim xalqaro platformalar foydalanuvchi ma'lumotlarini milliy huquqni muhofaza qiluvchi organlarga taqdim etishdan bosh tortadi yoki juda kech taqdim qiladi. Natijada tezkor-qidiruv tadbirlarini o'tkazish jarayonida ortiqcha vaqt sarflanadi;

to'rtinchidan, hozirgi kunda "predictive policing", "facial recognition", "AI-based surveillance" kabi sun'iy intellekt texnologiyalar kiberjinoyatlarni oldini olishda keng qo'llanilmoqda. Biroq bunday texnologiyalar fuqarolarning shaxsiy hayoti daxlsizligi, axborot erkinligi va shaxsiy ma'lumotlar muhofazasiga xavf tug'dirishi mumkin. Masalan, Xitoyda real-name registration, ommaviy raqamli monitoring tizimi kiberxavfsizlikni ta'minlashda samarali hisoblansa-da, inson huquqlari nuqtai nazaridan bahsli masala sifatida ko'rilmogda;

beshinchidan, kibermakondagi jinoyatlarning oldini olish uchun raqamli kriminalistika, "blockchain analysis", "malware analysis", "network forensics" va AI texnologiyalari bo'yicha yuqori malakali mutaxassislar talab etiladi. Biroq ko'plab davlatlarda huquqni muhofaza qiluvchi organlar xodimlarining texnik bilimlari yetarli emas. Hozirda rivojlanayotgan ayrim davlatlarda raqamli kriminalistika laboratoriyalari, zamonaviy server monitoringi tizimlari va "AI-based monitoring" texnologiyalari yetarli darajada rivojlanmagan.

Kibermakondagi jinoyatlarning oldini olish bo'yicha tezkor-qidiruv tadbirlarini o'tkazish amaliyotida kuzatilgan *huquqiy, tashkiliy, taktik* muammolarni hal etish borasida quyidagilar taklif etiladi:

Birinchidan, kibermakonda tezkor-qidiruv tadbirlarini o'tkazishning alohida huquqiy mexanizmlarini joriy etish. Kiberjinoyatlarga qarshi kurashish maqsadida raqamli kuzatuv, Internet monitoringi, elektron ma'lumotlarni olish, cloud-ma'lumotlar bilan ishlash, kriptovalyuta operatsiyalarini kuzatish kabi harakatlarning aniq protsessual tartibini belgilash maqsadga muvofiq. Buning uchun milliy qonunchilikka "*kiber tezkor-qidiruv tadbirlari*" tushunchasini kiritish va ularni amalga oshirish asoslari, muddatlari, sud sanksiyasi hamda nazorat tartibini belgilash zarur. Masalan, Janubiy

Koreyada elektron monitoring va “AI-based cyber investigation” bo'yicha maxsus raqamli mexanizmlar joriy etilgan.

Ikkinchidan, elektron dalillar bilan ishlashning yagona raqamli standartini ishlab chiqish. Elektron dalillarni yig'ish, saqlash, identifikatsiya qilish, ekspertiza qilish, sudga taqdim etish bo'yicha yagona raqamli standart joriy etish lozim. Xususan, «hash verification», «blockchain timestamp» va «chain of custody» tizimlarini qo'llash elektron dalillarning haqiqiyligini ta'minlashga xizmat qiladi. Masalan, Singapur va Yaponiyada raqamli kriminalistika laboratoriyalari elektron dalillarni avtomatik himoya qilish tizimlari bilan jihozlangan.

Uchinchidan, internet-provayderlar va raqamli platformalar bilan majburiy kiberxavfsizlik hamkorligini kuchaytirish. Kiberjinoyatlarni tezkor aniqlash maqsadida internet-provayderlar, bank platformalari, ijtimoiy tarmoqlar va xosting kompaniyalarining huquqni muhofaza qiluvchi organlar bilan hamkorlik qilish tartibini kuchaytirish zarur. Eng avvalo, elektron ma'lumotlarni saqlash muddatini belgilash, shubhali trafik haqida avtomatik xabar berish, fishing platformalarini tezkor bloklash, kiberjinoyatlar bo'yicha yagona axborot bazasini yaratish maqsadga muvofiq deb hisoblaymiz. Masalan, Singapur va Janubiy Koreyada «ISP cooperation» mexanizmi yuqori darajada shakllangan.

To'rtinchidan, “AI-based monitoring” va “predictive policing” kabi sun'iy intellekt texnologiyalarini inson huquqlari kafolatlari asosida joriy etish. Sun'iy intellekt asosida kiberkuzatuv tizimlarini joriy etishda sud sanksiyasini belgilash, mustaqil nazorat organlarining vakolatlarini, shaxsiy ma'lumotlar muhofazasi va algoritmlar shaffofligi kabi huquqiy kafolatlarni mustahkamlash zarur. Bu bir tomondan kiberjinoyatlarni barvaqt aniqlash imkonini bersa, ikkinchi tomondan inson huquqlari buzilishining oldini oladi. Masalan, bugun Yevropa davlatlarida sun'iy tizimlar ustidan qat'iy huquqiy nazorat amalga oshirilmoqda.

Beshinchidan, kibertergov va raqamli kriminalistika sohasida maxsus kadrlar tayyorlash tizimini rivojlantirish. Kiberjinoyatlarni fosh etish samaradorligini oshirish maqsadida: kibertergov, raqamli kriminalistika, blokcheyn kriminalistikasi, zararli dasturlarni tahlil qilish, tarmoq razvedkasi, sun'iy intellekt asosida kibertahlil yo'nalishlari bo'yicha maxsus ta'lim va amaliy trening tizimlarini joriy qilish lozim. Shuningdek, huquqni muhofaza qiluvchi organlar huzurida raqamli simulyatsion markazlar va kiberpoligonlar tashkil etish maqsadga muvofiq. Masalan, Janubiy Koreya va Singapurda kiberpolitsiya xodimlari uchun doimiy AI asosidagi o'quv-trening tizim (AI-based training) markazlari tashkil etilgan bo'lib, bu kiberjinoyatlarni tezkor fosh etish samaradorligini oshirmoqda.

Xulosa qilib aytganda, AQSH, Rossiya Fyederatsiyasi, Janubiy Koreya, Xitoy, Yaponiya, Buyuk Britaniya hamda Singapur kabi davlatlarda kiberjinoyatlarga qarshi kurashish sohasida zamonaviy tezkor-qidiruv mexanizmlari rivojlangan. Xususan, mazkur davlatlarda kiberjinoyatlarni tezkor aniqlashda 10–35 tagacha tezkor-qidiruv tadbirlari o'tkazilishi muhim ahamiyatga ega.

Qiyosiy-huquqiy tahlil natijalari ayrim davlatlarda raqamli kuzatuv va telekommunikatsiya ma'lumotlarini nazorat qilish bo'yicha keng vakolatlar mavjudligini, boshqa davlatlarda esa inson huquqlari va shaxsiy ma'lumotlar daxlsizligini ta'minlashga ustuvor ahamiyat berilishini ko'rsatdi. Bu esa kiberxavfsizlikni ta'minlash hamda fuqarolarning konstitutsiyaviy huquq va erkinliklari o'rtasida muvozanat saqlash zarurligini anglatadi.

Umuman olganda, kiberjinoyatlarning oldini olishda tezkor-qidiruv tadbirlarini huquqiy tartibga solishni takomillashtirish, zamonaviy axborot texnologiyalari va sun'iy intellekt imkoniyatlarini huquqni muhofaza qiluvchi organlar faoliyatiga joriy etish, shuningdek, xorijiy davlatlarning ilg'or tajribasidan samarali foydalanish O'zbekistonda kiberxavfsizlikni ta'minlash va kiberjinoyatchilikka qarshi kurashish samaradorligini yanada oshirishga xizmat qiladi.

Foydalanilgan manbalar / References

1. Brenner S.W. Cybercrime: Criminal Threats from Cyberspace. – Santa Barbara: Praeger Publishers, 2010. – 294 p.
2. Creemers R. China's Cybersecurity Law: An Analysis. – Beijing: New America Foundation, 2018. – 74 p.
3. Cyber Security Agency of Singapore. Singapore Cyber Landscape 2025. – Singapore, 2025. – 132 p. <https://www.csa.gov.sg> (Elektron manbaga murojaat qilingan vaqt: 06.05.2026).
4. Federal Bureau of Investigation (FBI). Internet Crime Report 2025. – Washington D.C., 2025. – 87 p. <https://www.ic3.gov> (Elektron manbaga murojaat qilingan vaqt: 07.05.2026).
5. Holt T.J., Bossler A.M., Seigfried-Spellar K.C. Cybercrime and Digital Forensics: An Introduction. – New York: Routledge, 2022. – 540 p.
6. Japan. Basic Act on Cybersecurity. – Tokyo, 2014. <https://www.japaneselawtranslation.go.jp> (Elektron manbaga murojaat qilingan vaqt: 05.05.2026).
7. Korea Internet & Security Agency (KISA). Cyber Security Report 2025. – Seoul, 2025. – 156 p. <https://www.kisa.or.kr> (Elektron manbaga murojaat qilingan vaqt: 08.05.2026).
8. National Police Agency of Japan. Cybercrime Situation Report 2025. – Tokyo, 2025. – 98 p. <https://www.npa.go.jp> (Elektron manbaga murojaat qilingan vaqt: 09.05.2026).
9. People's Republic of China. Cybersecurity Law of the People's Republic of China. – Beijing, 2017. <http://www.npc.gov.cn> (Elektron manbaga murojaat qilingan vaqt: 10.05.2026).
10. Republic of Korea. Act on Promotion of Information and Communications Network Utilization and Information Protection. – Seoul, 2001. <https://elaw.klri.re.kr> (Elektron manbaga murojaat qilingan vaqt: 11.05.2026).
11. Singapore. Cybersecurity Act 2018. – Singapore, 2018. <https://sso.agc.gov.sg> (Elektron manbaga murojaat qilingan vaqt: 12.05.2026).
12. United Kingdom. Investigatory Powers Act 2016. – London, 2016. <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2016/25/contents> (Elektron manbaga murojaat qilingan vaqt: 13.05.2026).
13. United States Congress. Computer Fraud and Abuse Act (CFAA), 18 U.S.C. §1030. – Washington D.C., 1986. <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1030> (Elektron manbaga murojaat qilingan vaqt: 14.05.2026).
14. USA Patriot Act. Public Law 107–56. – Washington D.C., 2001. <https://www.congress.gov/107/plaws/publ56/PLAW-107publ56.pdf> (Elektron manbaga murojaat qilingan vaqt: 15.05.2026).
15. Wall D.S. Cybercrime: The Transformation of Crime in the Information Age. – Cambridge: Polity Press, 2024. – 312 p.
16. World Economic Forum. Global Cybersecurity Outlook 2026. – Geneva, 2026. Электрон манзил: <https://www.weforum.org/reports/global-cybersecurity-outlook-2026/> (murojaat qilingan sana: 16.05.2026).
17. Батуринов Ю.М. Проблемы компьютерной преступности. – Москва: Юридическая литература, 1991. – 248 с.
18. Крылов В.В. Информационные компьютерные преступления. – Москва: Норма, 1997. – 286 с.
19. Матчанов А.А., Закиров Б.Э. Роль Интерпола в координации международного сотрудничества в борьбе с киберпреступностью // ЖМБМ. – 2022. – №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-interpola-v-koordinatsii-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva-v-borbe-s-kiberprestupnostyu> (дата обращения: 17.05.2026).
20. Tursunov A.S. Kiberjinoyatchilikka qarshi kurashishning huquqiy va tashkiliy asoslari. – Toshkent: TDYU nashriyoti, 2022. – 268 b.
21. O'zbekiston Respublikasining 2003-yil 11-dekabrda 560-II-son “Axborotlashtirish to'g'risida”gi qonuni // Elektron manba: URL: <http://www.lex.uz> (Elektron manbaga murojaat qilingan vaqt: 18.05.2026).
22. O'zbekiston Respublikasining 2012-yil 25-dekabrda O'RQ-344-son “Tezkor-qidiruv faoliyati to'g'risida”gi qonuni // Elektron manba: URL: <http://www.lex.uz> (Elektron manbaga murojaat qilingan vaqt: 19.05.2026).
23. O'zbekiston Respublikasining 2022-yil 15-aprelda O'RQ-764-son “Kiberxavfsizlik to'g'risida”gi qonuni // Elektron manba: URL: <http://www.lex.uz> (Elektron manbaga murojaat qilingan vaqt: 20.05.2026).
24. O'zbekiston Respublikasining 2023-yil 30-aprelda qabul qilingan yangi tahrirdagi Konstitutsiyasi // URL: <http://www.lex.uz> (Elektron manbaga murojaat qilingan vaqt: 21.05.2026).
25. O'zbekiston Respublikasining Jinoyat-protsessual kodeksi // URL: <http://www.lex.uz> (Elektron manbaga murojaat qilingan vaqt: 22.05.2026).
26. O'zbekiston Respublikasi Oliy sudi Plenumining 2018-yil 24-avgustdagi “Dalillar maqbulligiga oid jinoyat-protsessual qonuni normalarini qo'llashning ayrim masalalari to'g'risida”gi 24-son qarori // Elektron manba: URL: <http://www.lex.uz> (Elektron manbaga murojaat qilingan vaqt: 22.05.2026).
27. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2020-yil 5-oktyabrda PF-6079-son “Raqamli O'zbekiston – 2030 strategiyasini tasdiqlash va uni samarali amalga oshirish chora-tadbirlari to'g'risida”gi farmoni // URL: <http://www.lex.uz> (Elektron manbaga murojaat qilingan vaqt: 22.05.2026).
28. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2021-yil 17-fevralda PQ-4996-son “Sun'iy intellekt texnologiyalarini jadal joriy etish uchun shart-sharoitlar yaratish chora-tadbirlari to'g'risida”gi qarori // URL: <http://www.lex.uz> (Elektron manbaga murojaat qilingan vaqt: 22.05.2026).
29. Российская Федерация. Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”. – Москва, 2006. Электрон манзил: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798
30. Российская Федерация. Федеральный закон “Об оперативно-розыскной деятельности”. – Москва, 1995. Электрон манзил: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ПОРЯДКА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬ

Якубов Александр Санджарович

Заслуженный юрист
Республики Узбекистан,
профессор, доктор
юридических наук

O'zbekiston Respublikasida
xizmat ko'rsatgan yurist,
professor, yuridik fanlar doktori

Honored lawyer of the Republic
of Uzbekistan, Professor,
Doctor of Law

Азим Шухрат

Заместитель начальника
Исследовательского
института криминологии
Республики Узбекистан,
доктор философии по
юридическим наукам (PhD)

O'zbekiston Respublikasi
Kriminologiya tadqiqot instituti
boshlig'i o'rinbosari, yuridik
fanlar bo'yicha falsafa doktori
(PhD)

Deputy Head of the Research
Institute of Criminology of the
Republic of Uzbekistan, Doctor
of Philosophy in Law (PhD)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы реализации уголовной ответственности за нарушение порядка предоставления земель, предусмотренной статьёй 229⁴ Уголовного кодекса Республики Узбекистан. На основе сравнительно-правового анализа административной и уголовной ответственности выявляются противоречия в определении объекта правонарушения и преступления, а также оценивается обоснованность включения признака повторности в состав преступления с административной преюдицией. Предлагаются рекомендации по совершенствованию земельного законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: уголовная ответственность, административная преюдиция, предоставление земель, земельные отношения, земельное законодательство, правоприменительная практика.

CRIMINAL LIABILITY FOR VIOLATING THE PROCEDURE FOR THE GRANTING OF LAND PLOTS

Abstract. The article examines the issues related to the implementation of criminal liability for violations of the procedure for land allocation under Article 229⁴ of the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan. Based on a comparative legal analysis of administrative and criminal liability, the study identifies inconsistencies in the definition of the object of an administrative offense and a criminal offense, and evaluates the justification for including the element of repetition in an offense constructed on the basis of administrative prejudice. The article offers recommendations aimed at improving land legislation and law enforcement practice.

Keywords: criminal liability, administrative prejudice, land allocation, land relations, land legislation, law enforcement practice.

Уголовная ответственность за нарушение порядка предоставления земель установлена в соответствии с Законом (№ ЗРУ-526) Республики Узбекистан от 4 марта 2019 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с усилением мер ответственности за нарушение земельного законодательства»¹ в ст. 229⁴ УК, предусматривающей уголовную ответственность за нарушение порядка предоставления земель, совершенное после применения административного взыскания за такие же действия.

Административная ответственность за нарушение порядка предоставления земель предусмотрена ст. 66 Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности (далее – КоАО).

При сопоставлении норм административного и уголовного законодательства наблюдается несогласованность между ними в части определения общественных отношений, которые поставлены под охрану.

Классификация административных правонарушений и преступлений по объекту деликта не совпадает с их отраслевой классификацией на уровне уголовного и административного законодательства как внешних форм отражения состояния отраслевых систем права. Сопоставление уголовно-правовой классификации применительно к Особенной части УК с классификацией принятой в административном праве и реализованной в КоАО позволяет констатировать их существенную разницу на определение тождественных по сущности и смежных по юридической природе деяний, причём около четверти уголовно-правовых запретов имеют свои административно-правовые аналоги, и далеко не всегда их социально-правовая природа имеет адекватное отражение друг друга.

В этом аспекте не являются исключением и названные выше нормы. Уголовно-правовой запрет на нарушение порядка земель (ст. 229⁴ УК) определён как преступление против порядка управления (в широком понимании как видовой объект) с непосредственным посягательством на функционирующие земельные отношения. Тождественный административный аналог предусмотрен ст. 66 КоАО, расположенной в Главе VIII – Административная ответственность за правонарушение в области охраны природой и природопользования, т.е. расценивается как посягательство на экологическую безопасность, т.е. безопасность окружающей среды как необходимое условие и средства обитания человека, его выживание.

Рассмотрение соотношения этих общественных отношений с позиции приоритетности их охраны с аксиологических позиций, позволяет утверждать, что и преступное деяние, предусмотренное ст. 229⁴ УК и тождественное смежное административное правонарушение, предусмотренное ст. 66 КоАО следует рассматривать как посягательства, направленные на установленный порядок управления, а их основным непосредственным объектом выступают земельные отношения. Природоохранные отношения, равно как и отношения собственности, имеют факультативный характер.

С объективной стороны данное преступление характеризуется нарушением порядка предоставления земель, что свидетельствует о бланкетности данной нормы.

Порядок предоставления земель определяется в соответствии с Земельным кодексом Республики Узбекистан, в котором в ст. 23 содержатся общие положения о предоставлении (реализации) земельных участков в собственность, постоянное пользование и аренду, которые осуществляются в порядке отвода и содержат поручительное предписание о том, что порядок

¹ См.: Собрание законодательства Республики Узбекистан, 2019 г., № 10, ст.171.

предоставления (реализации) земельных участков устанавливается Кабинетом Министров Республики Узбекистан. Вместе с тем, этой же статьёй закрепляется, что предоставление земельных участков производится в следующем порядке:

1) в собственность – в соответствии с законодательством о приватизации земельных участков несельскохозяйственного назначения, в том числе для индивидуального жилищного строительства и обслуживания жилого дома, осуществления предпринимательской, градостроительной деятельности и других видов деятельности, не запрещенных законодательством, посредством электронного онлайн-аукциона;

2) в постоянное пользование – хокимами областей и города Ташкента земельные участки предоставляются государственным органам, учреждениям и предприятиям, органам самоуправления граждан для общественных нужд и подлежат государственной регистрации в установленном порядке;

3) аренда – посредством электронного онлайн-аукциона, а также Кабинетом Министров Республики Узбекистан: а) по предложению Министерства сельского хозяйства Республики Узбекистан для проведения научно-исследовательских и опытно-испытательных работ в сфере сельского хозяйства – государственным научно-исследовательским и образовательным учреждениям; б) реализующим крупный инвестиционный проект, определяемый путем отбора наилучшего предложения, стоимостью в эквиваленте не менее 10 миллионов долларов США – физическим и юридическим лицам. При этом размер предоставляемого земельного участка определяется Кабинетом Министров Республики Узбекистан в зависимости от объема инвестиции; в) земельные участки предприятиям с иностранными инвестициями, международным объединениям и организациям, иностранным физическим и юридическим лицам. Предоставление в аренду земельного участка, находящегося в частной собственности, осуществляется его собственником.

В ч. 3 ст. 23 Земельного кодекса определено, что предоставление (реализация) земельного участка, находящегося во владении, постоянном пользовании, аренде и собственности, производится в порядке, установленном Земельным Кодексом, только после изъятия (выкупа) и государственной регистрации данного земельного участка в качестве государственной собственности.

Установлено, что запрещается приступать к владению и пользованию предоставленным (реализованным) земельным участком до установления границ этого участка в натуре (на местности) Палатой государственных кадастров Агентства по кадастру при Государственном налоговом комитете Республики Узбекистан и выдачи документов, удостоверяющих право на земельный участок.

Таким образом, для установления факта нарушения порядка предоставления земель необходимо обращаться к нормативным и подзаконным актам, регламентирующим такой порядок.

Обязательным условием наступления уголовной ответственности по части первой ст. 229⁴ УК является применение за первоначальное нарушение порядка предоставления земель административного взыскания по ст. 66 КоАО.

В части второй предусмотрены два квалифицирующих обстоятельства: а) повторное совершение нарушения порядка предоставления земель; и б) нарушение порядка предоставления земель, повлекшее выход орошаемых земель из сельскохозяйственного оборота.

Если второй признак, отягчающий ответственность за нарушение порядка предоставления земель, не вызывает сомнения, то предусмотрение в качестве квалифицирующего

обстоятельства повторности как разновидности множественных преступлений для этого преступления, сконструированного с административной преюдицией, вряд ли обоснованно.

Сомнения вызывает возможность установления повторности в реальной ситуации, поскольку определить, а какое собственно деяние будет образовывать эту разновидность множественности невозможно. Логика обоснования такого вывода достаточно проста. Нарушение порядка предоставления земель, совершённые впервые, образует административное правонарушение, предусмотренное ст. 66 КоАП. Но, если за это правонарушение лицо не было привлечено к административной ответственности к нему не была применена мера административного взыскания, то для установления основания уголовной ответственности, этот факт является ничтожным

Если лицо фактически совершает второе правонарушение, за которое оно привлекается к ответственности, и к нему применяются меры административного взыскания, то для уголовного законодательства оно будет оцениваться как юридически значимое первое правонарушение. Таким образом, деяние «попадает» в сферу уголовно-правовых отношений только при установленном факте применения административного взыскания за тождественные правонарушения, причём не важно, совершено ли оно в первый раз или ответственность наступила за фактическое правонарушение, совершенное во второй, третий и т.д. раз.

Вторичное нарушение порядка предоставления одним и тем же лицом, к которому ранее была применена мера административного взыскания, является основанием привлечения лица к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 229⁴ УК. Но может ли это первое преступление являться основанием для признания совершенного последующего тождественного преступления как повторное? Ответ на этот вопрос однозначен: нет. В соответствии с ч. 1 ст. 32 УК повторностью признаётся одновременное совершение двух или более преступлений, предусмотренных одной и той же частью, статьей Особенной части УК, ни за одно из которых лицо не было осуждено. Но, если лицо было осуждено по ч. 1 ст. 229⁴ УК и вновь совершает тождественное преступление, за которое оно ранее осуждалось, образуется не повторность, а опасный рецидив – другая разновидность множественности преступлений (ч. 2 ст. 32 УК).

Но может быть повторность будет иметь место тогда, когда к лицу были применены меры административного взыскания за нарушение порядка предоставления земель и после этого оно вновь допускает такие правонарушения, за которые не привлекается к уголовной ответственности и не осуждается в силу различных причин и после этого опять совершает такие же деяния. Теоретически такую конструкцию можно построить, что мы и сделали. Но в реальной действительности маловероятно, что право применительные органы столкнутся с такой ситуацией. Но, даже, если в идеале это будет иметь место и самое главное доказана такая последовательность событий, то наряду с этим потребуются установить что совершённые деликты (административные и уголовно наказуемые) имеют юридическую силу. Так, в соответствии со ст. 37 КоАО, лицо считается не подвергавшимся административному взысканию, если оно в течении года со дня окончания исполнения взыскания не совершило нового административного правонарушения. Если в этот период не будет допущено ещё два нарушения порядка предоставления земель одним и тем же лицом, за первое из которых оно не было осуждено, в силу необнаружения такого факта, а за второе привлекается к уголовной ответственности, то вся «конструкция» этой последовательности рушится, ибо первоначальный факт перестает быть юридически значимым.

Изложенное применительно к анализируемому составу преступления, неминуемо обуславливает целесообразность формулирования общей рекомендации о том, что **признак**

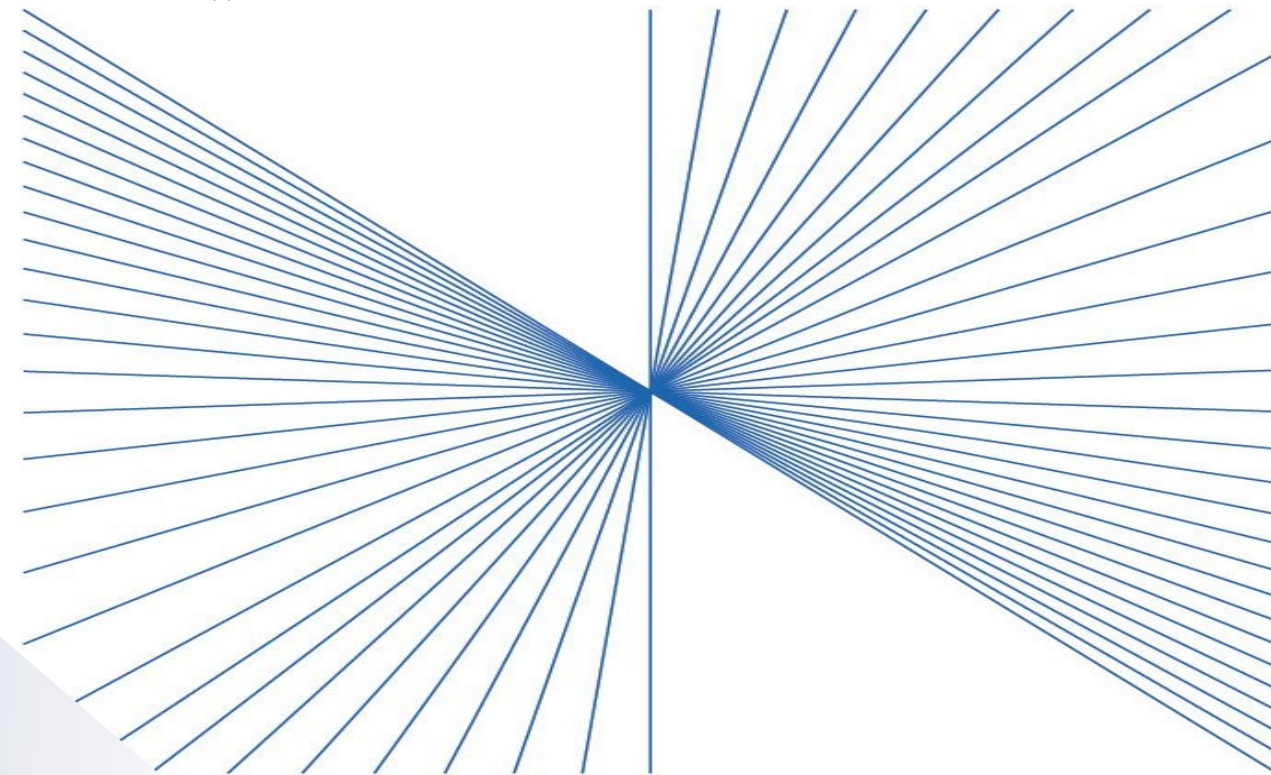
повторности не может предусматриваться как квалифицирующий для норм, сконструированных с административной преюдицией, и такие ошибки следует исключить из законотворческого процесса.

По части первой преступление следует считать оконченным с момента любого отступления от установленного порядка предоставления земель независимо от причиненного ущерба. Вместе с тем, исходя из фактических обстоятельств дела при наступлении определенных последствий, предусмотренных в качестве конститутивного признака состава преступления, содеянное следует квалифицировать по совокупности преступления. Так, если в результате нарушения порядка предоставления земель им был причинен значительный и выше ущерб, содеянное следует квалифицировать по ч. 1 ст. 229⁴ УК и соответствующей части 173 УК.

В п. «б» ч. 2 ст. 229⁴ УК, по нашему мнению, преступление сконструировано с материальным составом, поскольку предусмотренное в этом пункте квалифицирующее обстоятельство, а именно выход орошаемых земель из сельскохозяйственного оборота, составляет преступное последствие нарушения порядка предоставления земель. Сам факт выхода из сельскохозяйственного оборота орошаемых земель и составляет преступный результат, который также можно оценить в стоимостном выражении в виде прямого и (или) косвенного (упущенная выгода) ущерба.

Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины и проявляется в виде прямого умысла по части первой этой статьи и в виде прямого или косвенного умысла в отношении нарушения порядка предоставления земель, повлекшее выход из сельскохозяйственного оборота орошаемых земель.

Субъектом может выступать любое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Вопрос об ответственности должностных лиц, как правило, должен решаться по правилам квалификации при совокупности преступлений, исходя из фактических обстоятельств дела.

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ, ТЕНДЕНЦИИ И МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Нигматов Руфтулло Олимжонович

Заместитель начальника
Исследовательского
института криминологии
Республики Узбекистан,
доктор философии (PhD),
профессор

*O'zbekiston Respublikasi
Kriminologiya tadqiqot instituti
boshlig'i o'rinbosari, falsafa
doktori (PhD), professor*

*Deputy Head of the Research
Institute of Criminology of the
Republic of Uzbekistan, Doctor
of Philosophy (PhD), Professor*

Исаев Сардор Алишерович

Главный научный сотрудник
Исследовательского
института криминологии
Республики Узбекистан,
доктор философии по
юридическим наукам (PhD)

*O'zbekiston Respublikasi
Kriminologiya tadqiqot instituti
bosh ilmiy xodimi, yuridik fanlar
bo'yicha falsafa doktori (PhD)*

*Chief Research Fellow of the
Research Institute of
Criminology of the Republic of
Uzbekistan, Doctor of
Philosophy (PhD) in Law*

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем незаконного оборота огнестрельного оружия, его влияния на мир, безопасность и социально-экономическое развитие государств. Рассмотрены теоретические подходы к понятию незаконного оборота оружия, этапы его жизненного цикла и общественная опасность. Исследование подчеркивает необходимость комплексного подхода к предотвращению преступности, связанной с огнестрельным оружием, с учетом социальных, экономических, политических и психологических аспектов.

Ключевые слова: незаконный оборот оружия, огнестрельное оружие, преступность, общественная безопасность, терроризм, легальный и нелегальный оборот, модели противодействия, социальная опасность.

ILLICIT TRAFFICKING IN FIREARMS: CRIMINOLOGICAL ANALYSIS, TRENDS, AND COUNTERMEASURES

Abstract. This article examines the problems of illicit trafficking in firearms and its impact on peace, security, and the socio-economic development of states. The paper explores theoretical approaches to defining illicit arms trafficking, the stages of its life cycle, and its social danger. The study highlights the need for a comprehensive approach to preventing firearm-related crime, taking into account social, economic, political, and psychological factors.

Keywords: illicit arms trafficking, firearms, crime, public security, terrorism, legal and illegal circulation, counteraction models, social danger.

На сегодняшний день незаконный оборот огнестрельного оружия представляет собой комплексную и многоаспектную проблему, актуальную для большинства государств мира и находящуюся в центре внимания многих средств массовой информации. Вопросы, связанные с его незаконным распространением, торговлей, приобретением и использованием, а также их последствиями для мира, безопасности и устойчивого развития, характеризуются высокой степенью взаимосвязанности и многофакторности.

Согласно источникам ООН, каждые три минуты в мире один человек погибает от огнестрельного оружия. Значительная часть этих смертей связана с незаконным оборотом оружия, переправляемого через границы организованными преступными сетями, осуществляющими широкий спектр противоправной деятельности. При этом объём глобального незаконного рынка огнестрельного оружия оценивается более чем в 1 млрд. долларов [1].

В этой связи особую тревогу вызывает тот факт, что огнестрельное оружие продолжает активно использоваться и в террористической деятельности: так в 2022 году оно стало вторым по распространённости средством совершения терактов после взрывных устройств.

Дополнительное усложнение ситуации обусловлено влиянием новых и развивающихся технологий на процессы незаконного производства и распространения оружия. По оценкам ООН, начиная с 2011 года фиксируются проблемы, связанные с использованием нетрадиционных материалов при изготовлении оружия, в частности полимеров, что снижает надёжность маркировки и затрудняет идентификацию. Более того, современные технологические решения – как аддитивное производство (3D-печать), станки с числовым программным управлением, технологии обратной разработки и сборка из готовых комплектов – существенно расширяют возможности нелегального изготовления оружия. Их широкая доступность позволяет производить отдельные компоненты даже в домашних условиях. Такие материалы могут свободно циркулировать в сети, обходя традиционные механизмы контроля за оборотом оружия. В результате даже лица без доступа к легальным каналам приобретения могут самостоятельно изготовить опасные устройства. Это требует усиления международного сотрудничества, совершенствования законодательства и развития технологий мониторинга интернет-пространства для предотвращения подобных угроз.

Кроме того, через теневые сегменты сети Интернет, включая так называемый “Даркнет”, злоумышленники могут анонимно продавать, приобретать и рекламировать огнестрельное оружие, комплектующие и инструкции по его изготовлению. А использование криптовалют и технологий шифрования, значительно усложняет деятельность правоохранительных органов по отслеживанию оружия и расследованию связанных с ним преступлений. Таким образом, незаконный оборот огнестрельного оружия и боеприпасов остаётся значимым фактором угрозы международному миру и безопасности.

В этой связи всестороннее понимание данного явления является необходимым условием для объективной оценки существующих мер противодействия, выявления их ограничений и пробелов, а также выработки обоснованных решений в рассматриваемой сфере.

В криминологической науке сформировались различные подходы к определению понятия незаконного оборота огнестрельного оружия. Одни исследователи трактуют его как совокупность преступлений и иных правонарушений, связанных с незаконным владением и использованием оружия [2, с. 20]. Другие рассматривают данный феномен как процесс поступления, распространения и применения оружия, осуществляемый с нарушением установленных законодательством норм [3, с. 26]. Существует также подход, в рамках которого незаконный оборот понимается как криминальное движение оружия в сочетании с

отклонениями в сфере его легального оборота [4, с. 37]. Ещё ряд авторов определяет его как производство и последующее движение оружия к конечному потребителю, включая его использование и уничтожение, осуществляемые с нарушением правовых требований [5, с. 92]. Наконец, отдельные исследователи сводят данное понятие к нарушению правил обращения с оружием, установленных уголовным законодательством, вне зависимости от того, относится ли оно к запрещённым или разрешённым видам [6, с. 15, 19, 45, 154].

Отличительной особенностью незаконного оборота огнестрельного оружия, выделяющей его среди других нелегальных потоков, является его широкая распространённость и длительный характер существования.

Несмотря на то, что незаконно перемещаемое и используемое оружие составляет лишь незначительную долю по сравнению с легальным оборотом, его последствия носят несопоставимо высокий и универсальный характер, затрагивая практически все страны. При этом наибольшая тяжесть негативных последствий приходится на развивающиеся государства, обладающие ограниченными ресурсами и институциональными возможностями для эффективного противодействия данным угрозам. В таких условиях даже незначительные объёмы незаконного оружия способны оказывать серьёзное дестабилизирующее воздействие на общественную безопасность.

Международные и национальные меры противодействия включают широкий спектр регуляторных и организационных инструментов, направленных на усиление контроля за оборотом оружия и предотвращение его попадания в преступную среду. Однако их практическая реализация, а также уровень международного сотрудничества остаются недостаточно эффективными, что затрудняет противодействие данной глобальной угрозе.

В то же время сохраняется дефицит достоверной информации о масштабах незаконного оборота оружия, что обусловлено ограниченной доступностью данных и латентным характером таких потоков. В связи с этим особую значимость приобретает проведение комплексных эмпирических исследований, направленных на формирование объективного представления о данном явлении на национальном, региональном и глобальном уровнях.

Обобщение существующих научных подходов к определению незаконного оборота оружия позволяет выделить ряд его ключевых характеристик.

Во-первых, данный феномен неразрывно связан с нарушением норм действующего уголовного и административного законодательства, включая Закон Республики Узбекистан «Об оружии» [7], что позволяет рассматривать его как результат противоправной человеческой деятельности, прежде всего преступного характера.

Во-вторых, незаконный оборот оружия представляет собой процесс, включающий совокупность последовательно совершаемых действий, нарушающих установленный правовой порядок обращения с оружием. Это – производство, реализация, приобретение, передача, учет, хранение, ношение, перевозка, использование, изъятие, уничтожение, а также ввоз и вывоз оружия. Эти действия направлены на достижение различных противоправных целей, включая использование оружия при совершении преступлений, противодействие органам власти, а также иные мотивы политического, корыстного, психологического и экономического характера. Формируется повышенная угроза общественной безопасности, стимулируется рост организованной преступности и увеличивается уровень насильственных преступлений.

В-третьих, незаконный оборот оружия может рассматриваться как результат противоправной деятельности, выражающийся в незаконном владении, использовании либо уничтожении оружия.

Комплексное исследование данного явления невозможно без анализа его общественной опасности, которая характеризуется как масштабом причиняемого вреда, так и устойчивой воспроизводимостью соответствующих преступных практик [8, с. 36–37].

Незаконный оборот оружия оказывает многогранное воздействие на общественные процессы:

- а) в социальном аспекте он способствует росту напряжённости и конфликтности;
- б) в экономическом – формирует теневой рынок и высокодоходные криминальные практики;
- в) в политическом – подрывает национальную безопасность и создает условия для транснациональной преступности;
- г) в психологическом – формирует у населения чувство страха и снижает доверие к государственным институтам.

Дополнительной характеристикой общественной опасности является использование оружия в преступных целях, а также высокая вероятность причинения тяжких последствий по неосторожности, поскольку сам факт существования незаконного оборота создаёт благоприятные условия для совершения подобных деяний.

О прецедентном характере преступности в сфере незаконного оборота оружия свидетельствуют результаты анализа статистических данных, позволяющие выявить ключевые показатели и тенденции данного явления, его территориальное распространение по регионам, уровень криминальной активности населения, а также особенности механизма воспроизводства и устойчивости незаконного оборота оружия, наряду с оценкой эффективности мер противодействия.

Так, с начала 2026 года правоохранными органами выявлено 227 фактов незаконного оборота оружия, при этом гражданами добровольно сдано 260 единиц оружия и боеприпасов. В ходе проведённых проверок оформлено 255 единиц различного огнестрельного оружия, изъято 2 841 патрон, 57 основных частей оружия и 485,7 грамма взрывчатых веществ [9].

О наличии негативных тенденций в рассматриваемой сфере свидетельствуют и ученые криминологи. С.М. Мальков отмечает устойчивый рост числа фактов хищения и вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (в 2022 г. – на 8,3 %) [8]. Особую обеспокоенность вызывает увеличение количества преступлений, совершаемых с использованием оружия, боеприпасов либо имитирующих устройств [10, с. 30–31].

Общественная опасность незаконного оборота оружия проявляется в выраженном негативном влиянии на экономические, политические и социальные процессы. Данное явление способствует росту социальной напряжённости, ухудшению психологического состояния населения, ослаблению механизмов контроля за легальным оборотом оружия и воспроизводству преступной деятельности в данной сфере.

При разработке авторского определения незаконного оборота оружия необходимо уточнить, что оно должно рассматриваться в рамках более широкого понятия – преступности. В этом контексте представленные в научной литературе определения незаконного оборота оружия подвергаются критике за то, что в них не учитывается личность лица, совершившего соответствующее преступление. Вместе с тем традиционные подходы к пониманию преступности [11, с. 24–31] выделяют в качестве ее обязательного элемента не только совокупность совершенных преступлений, но и лиц, их совершивших [12, с. 60].

Учет личности правонарушителя в сфере незаконного оборота оружия имеет несколько значений: во-первых, он позволяет проанализировать механизмы индивидуального

преступного поведения; во-вторых, выявить среднестатистический портрет преступника, необходимый для криминологической характеристики преступности; в-третьих, учитывать особенности личности при проведении индивидуальной профилактики данных правонарушений [13, с. 18–19, 151–157, 164].

Для определения действий, относящихся к незаконному обороту оружия, следует опираться на ст. 3 Закона Республики Узбекистан «Об оружии», согласно которой оборот оружия включает производство, ремонт, реализацию, приобретение, учет, хранение, ношение, перевозку, коллекционирование, экспонирование, использование, изъятие, уничтожение, ввоз оружия и боеприпасов к нему, основных частей огнестрельного оружия на территорию Республики Узбекистан, вывоз их за пределы страны, а также их транзит через территорию Республики Узбекистан.

Под преступностью в сфере незаконного оборота оружия, следует понимать как социально-правовое, относительно массовое явление, включающее совокупность указанных преступлений и лиц, их совершивших, которое наносит вред или создает угрозу причинения вреда и обладает прецедентным характером.

Признавая незаконный оборот оружия как совокупность определённых действий и процесс достижения конкретных целей, целесообразно выделить несколько *этапов преступности в данной сфере*.

Первый этап – вход в незаконный оборот оружия. Он включает формирование источников поступления оружия и его фактическое попадание в незаконный оборот, охватывая как отдельные преступления, так и административные правонарушения, создающие предпосылки для дальнейших противоправных действий. Ключевым результатом является вывод оружия из легального оборота и утрата контроля над ним со стороны уполномоченных органов.

Общественная опасность этого этапа проявляется в возможности совершения других преступлений с использованием оружия, вероятности случайного причинения вреда при небрежном обращении с ним, применения оружия при защите законных прав (например, в условиях необходимой обороны, задержания правонарушителя, крайней необходимости), а также формировании преступной мотивации лиц на участие в незаконном обороте оружия.

Наиболее распространённым источником поступления оружия в незаконный оборот является его приобретение. Согласно п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Узбекистан от 27 февраля 1996 г. № 3 «О судебной практике по делам о незаконном владении оружием» [14], приобретением огнестрельного оружия, боеприпасов и основных частей оружия следует считать покупку, получение в дар, в обмен, взаймы, в уплату долга и иные подобные способы. Среди часто встречающихся случаев приобретения – обнаружение оружия и боеприпасов в регионах с напряжённой оперативной обстановкой, а также в местах проведения антитеррористических и специальных военных операций [15, с. 40–48].

Другими источниками поступления оружия в незаконный оборот являются контрабанда (ст. 246 УК РУз), кража или мошенничество с оружием, боеприпасами, их основными частями, взрывчатыми веществами и устройствами (ст. 247 УК РУз), нарушение правил хранения, ношения и перевозки, изготовления, приобретения, сбыта огнестрельного оружия (ст. ст. 248, 249 УК РУз), а также производство оружия [16]. Кроме того, отдельным источником является нарушение правил оборота оружия и боеприпасов к нему (ст. 220 КоАО РУз) [17].

Второй этап – жизненный цикл незаконного оборота оружия. Он начинается после введения оружия в незаконный оборот и охватывает стадию, в которой оружие используется как предмет, средство и орудие совершения преступления. Жизненный цикл включает

максимальное количество незаконных действий с оружием, предусмотренных законодательством и отражённых в правоприменительной практике. Общественная опасность таких действий варьируется от минимальной до максимальной, при этом незаконный сбыт оружия считается наиболее опасным. В целом, «жизненный цикл» формирует основное содержание вооружённой преступности [18, с. 8].

Третий этап – выход из незаконного оборота оружия. Он предполагает снижение или полное устранение общественной опасности как преступления, так и лица, его совершившего, а также уменьшение риска повторного правонарушения. Это достигается через исключение оружия из системы преступности и возвращение его в легальный оборот. Наиболее распространённые способы выхода из незаконного оборота оружия включают: изъятие оружия правоохранительными органами в соответствии с законом, добровольную сдачу оружия, его утрату, уничтожение или повреждение, а также конфискацию по приговору суда.

С этих позиций, придавая большое значение обеспечению государственной и общественной безопасности, п. 3 Концепции общественной безопасности Республики Узбекистан, утвержденной Указом Президента Республики Узбекистан от 29 ноября 2021 года № УП-27 «О мерах по утверждению и реализации Концепции общественной безопасности Республики Узбекистан» [19], формулирует задачу по выявлению и пресечению любых проявлений террористической и экстремисткой деятельности, борьбы с коррупцией, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ.

Обобщая вышеизложенное, представляется возможным сформулировать следующие основные выводы.

Во-первых, незаконный оборот оружия представляет собой самостоятельный вид преступности, обладающий высокой общественной опасностью. Анализ его стадий и характеристик помогает формулировать новые эффективные модели противодействия. При этом данный сегмент характеризуется высокой коммерческой привлекательностью и служит источником дохода для криминальных структур.

Во-вторых, незаконная торговля оружием оказывает дестабилизирующее воздействие на систему международной и национальной безопасности, способствуя эскалации вооружённых конфликтов, росту преступности и развитию терроризма. Она также усиливает позиции организованных преступных групп, использующих оружие как инструмент принуждения, контроля и совершения противоправных деяний; при этом значительная доля убийств в мире совершается с применением огнестрельного оружия.

В-третьих, масштабы незаконного оборота огнестрельного оружия остаются трудно поддающимися точной оценке вследствие латентного характера значительной части правонарушений. Имеющиеся данные позволяют предположить, что фактический уровень данного явления существенно превышает официально зафиксированные показатели.

В-четвёртых, источником незаконного оружия нередко выступает легальное производство, однако на различных этапах – реализации, транспортировки или хранения – оно может быть вовлечено в нелегальный оборот. Наряду с этим сохраняется тенденция к его незаконному изготовлению, в том числе с использованием современных технологий, таких как 3D-печать.

В-пятых, транспортировка незаконного оружия осуществляется с использованием наземных, морских и воздушных маршрутов, преимущественно малыми партиями, при этом ключевые логистические направления связаны с регионами Северной Америки, Европы и Западной Азии.

Таким образом, незаконный оборот огнестрельного оружия представляет собой сложное, многоуровневое и устойчиво воспроизводимое социально-правовое явление, оказывающее значительное дестабилизирующее воздействие на международную и национальную безопасность. Его высокая латентность, транснациональный характер и тесная связь с организованной преступностью и терроризмом существенно затрудняют эффективное противодействие.

Проведённый анализ показывает, что незаконный оборот оружия формируется как в результате утраты контроля над легальным сегментом, так и вследствие развития нелегального производства, в том числе с использованием современных технологий. Это обуславливает необходимость комплексного подхода к его изучению, включающего не только правовые и институциональные аспекты, но и анализ личности правонарушителя, механизмов преступного поведения и стадий вовлечения оружия в нелегальный оборот.

В современных условиях особую значимость приобретает совершенствование международного сотрудничества, развитие механизмов контроля, учёта и отслеживания оружия, а также внедрение технологических решений, способных противостоять новым формам его незаконного производства и распространения. Только системное и научно обоснованное противодействие позволит снизить уровень угроз, связанных с незаконным оборотом огнестрельного оружия, и повысить эффективность обеспечения общественной безопасности.

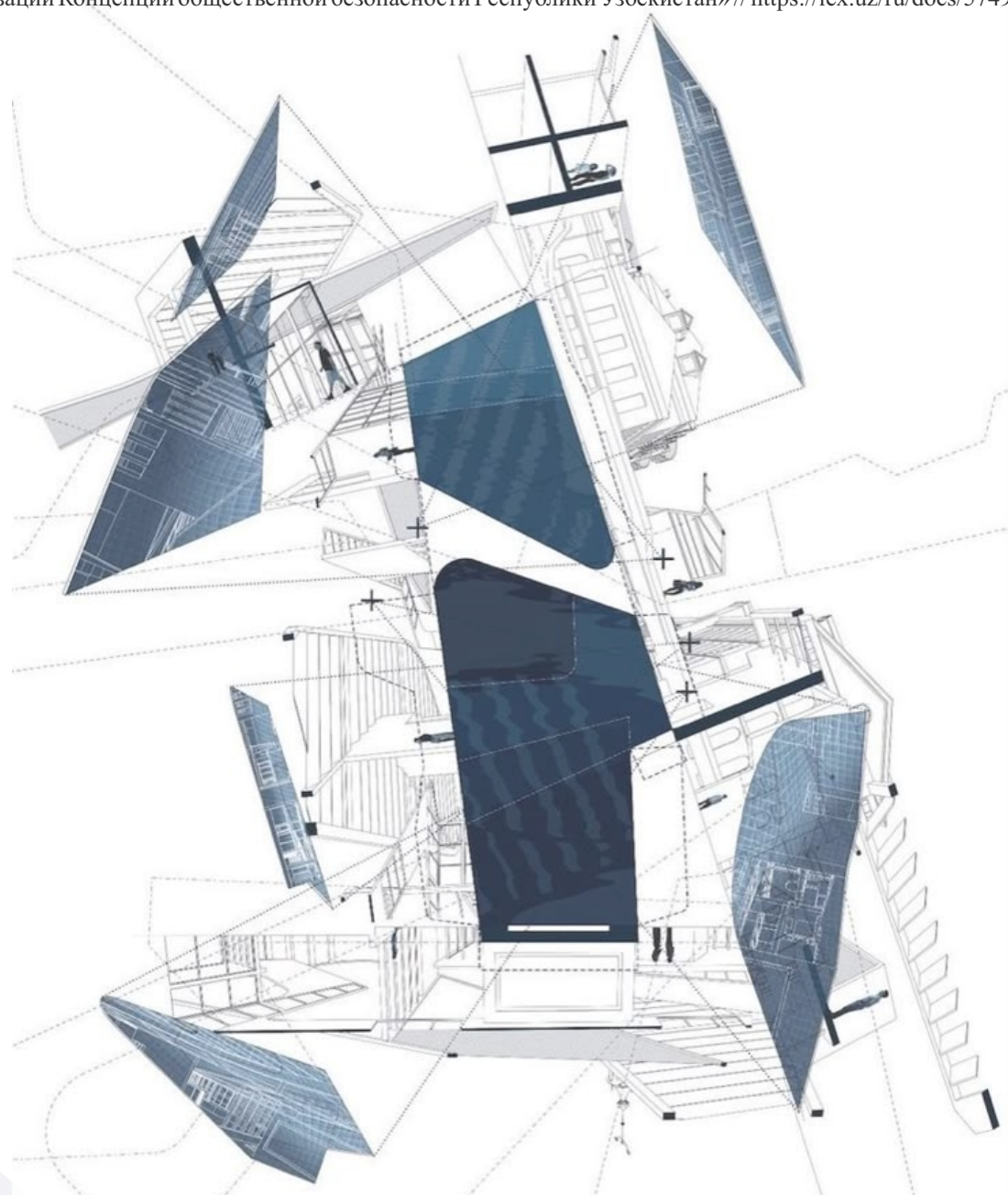
В целях повышения эффективности контроля за оборотом огнестрельного оружия и боеприпасов предлагается:

- 1) совершенствовать национальное законодательство и гармонизировать его с международными стандартами;
- 2) внедрить современные информационно-коммуникационные технологии для мониторинга оборота оружия в режиме реального времени с системой автоматического оповещения;
- 3) аккредитовать имеющуюся испытательную лабораторию Главного экспертно-криминалистического центра МВД для сертификации ввозимого оружия;
- 4) развивать и совершенствовать единую электронную базу данных по пулям, гильзам и лицам, причастным к преступлениям.

Использованные источники / References

1. ООН. Незаконный оборот стрелкового оружия приводит к росту насилия в мире // <https://news.un.org/ru>.
2. Абызов Р.М., Власов В.П., Лебедев С.Я. Предупреждение незаконного оборота оружия. Барнаул: БЮИ МВД России, 2010. 166 с.
3. Невский С. А. Борьба с незаконным оборотом оружия. М.: ЦОКР МВД России, 2007. 132 с.
4. Григорянц С.А. Незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств как объект криминологического исследования: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД России, 2011. 203 с.
5. Корецкий Д.А., Солоницкая Э.В. Оружие и его незаконный оборот: криминологическая характеристика и предупреждение: учебное пособие. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2006. 258 с.
6. Загайнова Ю.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика незаконного оборота оружия: по материалам Восточно-Сибирского региона: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2007. 189 с.
7. Закон Республики Узбекистан от 29.07.2019 г. № ЗРУ-550 «Об оружии» // <https://lex.uz/ru/docs/4445290>.
8. Малков С.М., Шеслер А.В., Тепляшин П.В. Уголовно-правовая и уголовно-исполнительная политика Российской Федерации: монография. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2018. 128 с.
9. В Узбекистане усиливают контроль за оборотом огнестрельного оружия // <https://www.uzdaily.uz/ru/v-uzbekistane-usilivaiut-kontrol-za-oborotom-ognestrelnogo-oruzhiia/>

10. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 года. М.: ГИАС МВД России, 2023. 72 с.
11. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М.: Российское право, 1992. 432 с.
12. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология (Общая часть): учебное пособие. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. 284 с.
13. Корецкий Д.А., Землянухина Л.М. Личность вооруженного преступника и предупреждение вооруженных преступлений. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2003. 284 с.
14. Постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан, от 27.02.1996 г. № 3 «О судебной практике по делам о незаконном владении оружием» // <https://lex.uz/uz/docs/1441583>.
15. Невский С.А. Противодействие незаконному обороту оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (исторические, криминологические и уголовно-правовые аспекты). М.: Юрлитинформ, 2008. 312 с.
16. Уголовный кодекс Республики Узбекистан // <https://lex.uz/docs/111457>.
17. Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности // <https://www.lex.uz/acts/97661>.
18. Корецкий Д.А., Пособина Т.А. Современный бандитизм в системе вооруженной преступности: учебное пособие. Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД России, 2001. 260 с.
19. Указ Президента Республики Узбекистан, от 29.11.2021 г. № УП-27 «О мерах по утверждению и реализации Концепции общественной безопасности Республики Узбекистан» // <https://lex.uz/ru/docs/5749295>.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ УЗБЕКИСТАНА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

*Что такое преступление? Вот в чем вопрос.
Если этот вопрос не разрешен, то добро и зло,
виновность и невиновность зависят вполне
от каприза людей и произвола законодателей.*
Ад. Франк

Холикулов Умид Шодиевич

Университет общественной
безопасности Республики
Узбекистан, профессор
кафедры Уголовного права,
доктор юридических наук (DSc),
доцент

O'zbekiston Respublikasi Jamoat
xavfsizligi universiteti, Jinoiy
huquq fanlar kafedrası professori,
yuridik fanlar doktori (DSc),
dotsent

Professor, Doctor of Law (DSc),
Associate Professor, Department
of Criminal Law, University of
Public Security of the Republic of
Uzbekistan

Аннотация. В статье рассматриваются теоретико-правовые и философско-методологические основания понятия преступления в уголовном праве Республики Узбекистан. Проведён комплексный анализ лингвистической природы термина «преступление», а также его правовой конструкции в историческом и сравнительно-правовом аспектах. Автор уделяет особое внимание метафизическим аспектам понимания преступления как социально-нравственного и юридического явления. Обосновывается необходимость уточнения определения преступления в законодательстве с учётом современных процессов криминализации и декриминализации деяний, происходящих в рамках правовой реформы.

Ключевые слова: понятие преступления, уголовное право, криминализация, декриминализация, лингвистический анализ, историко-правовой подход, метафизическое содержание, правовые реформы.

THE PROBLEM OF DEFINING CRIME IN CONTEMPORARY CRIMINAL LAW OF UZBEKISTAN: LINGUISTIC AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Abstract. The article examines the theoretical-legal and philosophical-methodological foundations of the concept of crime in the criminal law of the Republic of Uzbekistan. It provides a comprehensive analysis of the linguistic nature of the term "crime" and its legal construction from historical and comparative-law perspectives. Particular attention is paid to the metaphysical dimensions of understanding crime as a socio-moral and legal phenomenon. The article substantiates the need to clarify the statutory definition of crime in light of contemporary processes of criminalization and decriminalization of acts taking place within the framework of legal reform.

Keywords: concept of crime, criminal law, criminalization, decriminalization, linguistic analysis, historical and legal approach, metaphysical content, legal reforms.

Современное уголовное право Республики Узбекистан находится на этапе масштабной трансформации, обусловленной общей векторной направленностью на построение правового, демократического и социального государства в рамках стратегической концепции «Новый Узбекистан». В центре этой трансформации стоит пересмотр фундаментальных категорий уголовного права, в числе которых особую значимость сохраняет понятие преступления как основополагающего института и ключевого критерия для определения границ допустимого и запрещённого поведения [2].

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью переосмысления теоретико-правовых, лингвистических и философско-метафизических оснований понятия преступления в условиях реформирования уголовного законодательства. Современное определение преступления в ст. 14 Уголовного кодекса Республики Узбекистан, по сути, воспроизводит классическую позитивистскую модель, унаследованную от советской доктрины, что не всегда соответствует актуальным требованиям правовой определённости, справедливости и гуманизма.

Лингвистический анализ понятия «преступление»

Лингвистический подход позволяет рассмотреть понятие преступления не только как юридическую конструкцию, но и как **языковое отражение правосознания**, закреплённое в нормативных текстах и общественном дискурсе. Этимология, семантика и употребление термина в различных правовых системах дают основание утверждать, что само слово «преступление» несёт в себе **ценностную и идеологическую нагрузку**, отражающую культурные коды общества.

Этимология и значение термина

Узбекский термин **«жिनоят»** (араб. *джиноят* / جنایة) происходит от глагола *جنى* (джанā) – собирать, причинять, приносить плоды (в широком смысле – последствие) [3]. Слово «جنایة» происходит от корня «ج-ن-ي» (j-n-y), который в арабском языке ассоциируется с идеей совершения запрещённого действия, такого как грех, преступление или нанесение вреда [3; 4, с. 23–24]. Этот корень также может иметь значение «скрывать» или «утаивать», что подчёркивает скрытый характер некоторых правонарушений.

Исследования показывают, что корень «ج-ن-ي» имеет два основных значения:

1. Собирать, жать, собирать урожай:

Это отражено в словах, как «جنى» (janā), означающих «собрать урожай» или «получить плоды», где приводятся примеры, такие как «собирать, жать; приобретать, получать» [3].

2. Совершать преступление, делать что-то неправильное:

В контексте слова «جنایة», корень указывает на идею совершения запрещённого действия, нарушения моральных или юридических норм, где «جَنَى» переводится как «совершить преступление» или «нанести вред» [3; 4, с. 23–24]. Эти два значения связаны с базовой семантикой корня, которая может быть интерпретирована как «покрывать» или «скрывать», что может привести к идее «сбора» (покрытие земли плодами) или «совершения преступления» (скрытие своих действий).

Слово имеет когнаты в других семитских языках, например, в персидском *جنایت* (jenāyat, «преступление»), которое заимствовано напрямую из арабского. Это подчёркивает межъязыковую связь и распространение термина в исламском мире.

- Глагол «جَنَى» (jana) означает «совершить преступление» или «сделать что-то неправильное» [3].

- Существительное «جنایة» следует шаблону *فِعَالَة* (fi'alah), что указывает на результат действия, в данном случае – сам акт преступления.

- Родственные слова включают «جانی» (jānī, преступник) и «جنى» (janā, совершать преступление), что подтверждает связь с юридическим и моральным контекстом [3; 4, с. 23–24].

В классических арабских юридических и литературных текстах «ج-ن-ي» используется для обозначения как физических, так и моральных действий [4, с. 23–24]. Корень «ج-ن-ي» отражает ценности арабского общества в отношении справедливости и морали, особенно в контексте исламского права. Он используется для различения тяжких преступлений, таких как

убийство, от менее серьёзных, как мелкие правонарушения (جنحة, junḥah). Это подчёркивает важность правовой системы в классической арабской культуре, где наказания должны быть пропорциональны тяжести преступления. В эпоху формирования классического фикха, особенно в раннеаббасидский период, происходила систематизация исламско-правовой доктрины, однако речь шла не о государственных уголовных кодексах в современном смысле, а о фикховых трактатах, школах права и судебно-административной практике. В этой доктрине термин *jināyah* в техническом значении преимущественно связывался с посягательствами на жизнь и телесную неприкосновенность, прежде всего убийством и телесными повреждениями, которые рассматривались через институты *qīṣāṣ* и *diya* [4, с. 23–24; 7, с. 38–40].

Таким образом, **джиная** в классическом исламском праве имеет не только юридическое, но и **нравственно-религиозное значение**, что перекликается с метафизической трактовкой преступления как проявления зла [4, с. 23–24; 7, с. 38–40, 53–54, 65–66].

Русское слово **«преступление»** происходит от глагола *преступить* – в значении «перейти предел, нарушить установленную границу». Оно семантически связано с нарушением норм, переходом черты дозволенного. Уже в древнерусском языке *«преступникъ»* обозначал человека, осознанно нарушившего запрет, установленные правила или клятву. Это отражает **онтологическую идею преступления как выхода за рамки порядка**, противопоставления себя норме, праву, коллективу [8].

Латинское слово *crimen* первоначально означало «обвинение, упрёк, осуждение», от глагола *cernere* – решать, отделять, различать [2]. В классическом римском праве *crimen* обозначало **общественно значимое нарушение**, подлежащее рассмотрению в судебном порядке, особенно если оно нарушает общественный порядок (*res publica*). *Crimen* в большей степени связано с **социальной реакцией и осуждением**, чем с фактом причинения вреда как таковым. В английском языке слово *crime*, воспринятое через французское *crimne*, сохраняет латинскую основу и также акцентирует внимание на **общественной реprobации и государственном преследовании**, в отличие от «tort» (деликта) – гражданского нарушения [2].

Таким образом, **в разных правовых культурах терминологическое ядро преступления выражает сочетание идей вреда, запрета, осуждения и перехода границы**, что указывает на универсальность концепции, несмотря на различия в формулировках.

Языковая структура и нормативные дефиниции

Современное определение преступления в статье 14 УК Республики Узбекистан представляет собой формализованную дефиницию: *«Преступлением признаётся виновно совершённое общественно опасное деяние, запрещённое настоящим Кодексом под угрозой наказания»* [1]. Эта конструкция унаследована от советской уголовно-правовой школы, восходящей к взглядам Н.Д. Сергеевского, Н.С. Таганцева и С.В. Познышева [10; 11; 12]. Она отражает **юридический позитивизм**, согласно которому преступление – это то, что прямо обозначено законом как запрещённое и наказуемое.

Данное определение формализовано, построено на логико-юридическом языке и содержит четыре элемента: **виновность, общественная опасность, запрет законом и угроза наказания**. Однако в нём отсутствуют такие семантически значимые слова, как «ущерб», «зло», «ценности», «нравственность», «справедливость» – что делает норму юридически точной, но **лингвистически и философски неполной**.

В европейских юрисдикциях (н-р, в УК Франции или Германии) определения преступления либо отсутствуют вовсе, либо носят более гибкий характер [35; 36]. Это обусловлено

тем, что в традиции континентального права **понятие преступления выводится из совокупности признаков**, а не закрепляется в виде законченной формулировки. Для сравнения, в **англо-саксонском праве** (например, в Великобритании и США) законодательство **не даёт общего определения преступления**. Вместо этого определение основывается на судебной доктрине (case law). В английской уголовной доктрине преступление (crime) традиционно трактуется как: «*An act or omission, punishable by law, which is against the public interest*» (*Деятельность или бездействие, наказуемое по закону и противоречащее общественному интересу*).

Американский юрист Дж. Холл (Jerome Hall) определяет преступление как: «*Social harm defined and made punishable by law*», то есть как **социальный вред, определённый и подлежащий наказанию по закону** [26]. Это определение подчеркивает **вред, причинённый интересам общества**, и отделяет преступление от других правонарушений по степени социальной значимости. В отличие от континентального подхода, англо-саксонский фокусируется на **общественном вреде и общественной опасности посредством обеспечения прав и безопасности отдельной личности**, а не на формализованной структуре. В XIII веке преступления были разделены на три группы: касающиеся короля; касающиеся частных лиц; касающиеся и короля, и частных лиц. Несколько позже сложилась трехчленная классификация преступлений: тризен (измена), фелония (тяжкое уголовное преступление) и мисдиминор (проступки) [20, с. 150; 25, р. 56–60].

Таким образом, при всей разнице в подходах, как в романо-германской, так и в англо-саксонской традиции преступление мыслится как деяние, нарушающее определённые **основополагающие интересы общества**, требующее **публичной правовой реакции** – наказания или санкции.

Языковая репрезентация и правосознание

Специфика правового языка Узбекистана состоит в **двуязычии правовой системы**: тексты законов существуют как на узбекском, так и на русском языках. Это вызывает проблему **неполной эквивалентности терминов**. Так, слово «жиноят» и «преступление» часто используются как синонимы, но имеют **разную лексико-культурную нагрузку**. Кроме того, в общественном и медийном обороте слово «жиноят» употребляется нередко и в контексте **аморального, но не обязательно уголовного поступка**, что затрудняет чёткое разграничение юридических и социальных смыслов.

Анализ показывает, что необходимо проводить **лексикографическую и нормативно-терминологическую гармонизацию** понятия преступления, особенно в условиях реформирования УК и развития национальной юридической терминологии на узбекском языке.

Понятие преступления: теоретико-правовые и философские основания

Понятие преступления занимает центральное место в системе уголовного права, поскольку именно оно определяет границы допустимого и недопустимого поведения, служит критерием для дифференциации мер уголовной ответственности и составляет основу правовой политики государства в борьбе с общественно опасными деяниями.

Преступление как правовая категория

В национальном уголовном праве, как и в большинстве континентальных правовых систем, преступление традиционно определяется как виновно совершённое общественно опасное деяние, запрещённое уголовным законом под угрозой наказания (ст. 14 УК РУз). Данная дефиниция отражает юридическую модель, в которой преступление мыслится как формально-материальная категория – то есть совокупность общественной опасности, вины, противоправности и наказуемости.

Однако в научной литературе нередко подчёркивается неполнота такого подхода. Так, ряд авторов указывают на необходимость включения в структуру преступления не только нормативных, но и аксиологических элементов – в том числе нарушенных ценностей, культурных ориентиров, социокультурной восприимчивости общества к определённым формам зла.

В этом смысле, по справедливому замечанию С.Г. Келиной, «преступление – это не только юридический факт, но и правовая оценка, воплощающая в себе нравственные, культурные и политические установки общества» [38, с. 11].

Вместе с тем, по словам Теренса Морриса, «преступление – это то, что общество называет преступлением, поскольку устанавливает, что действие является нарушением уголовного закона. Без закона вообще не может быть никакого преступления, хотя может быть моральное негодование, которое приводит к принятию закона» [42, р. 17].

В арабской юридической литературе и законодательстве некоторых арабских стран также имеются попытки дать формализованное определение понятия преступления. Так, в статье 4 Уголовного кодекса Марокко закреплено, что «Положения настоящего кодекса применяются даже к вопросам, регулируемым отдельными законами и нормативными актами, в той мере, в какой в этих законах не предусмотрены конкретные положения».

Арабский правовед Джунди Абдель Малек выделяет следующие элементы преступления: выражение правонарушения в определённой объективной форме (объективность), противоправность, запрет под угрозой уголовного наказания (штрафа), совершение правонарушения без законных оснований [6, с. 6]. Иорданский юрист Мухаммад Субхи Наджм отмечает, что «преступление – это действие (бездействие), совершенное психически здоровым человеком, наносящее ущерб общественным отношениям и наказуемое уголовным законом или мерами безопасности» [7, с. 9].

Метафизическая природа преступления

Метафизический подход к пониманию преступления уходит своими корнями в античную и религиозно-философскую мысль, где преступление воспринималось не как нарушение закона, а как **нарушение порядка бытия**, как проявление зла. «В западно-христианской канонической традиции раннего Средневековья грех и преступление первоначально находились в тесной взаимосвязи, однако в XI–XII в.в. каноническая доктрина постепенно различила грех как предмет духовно-нравственной оценки и преступление как внешнее, тяжкое и юрисдикционно значимое нарушение церковного или общественного порядка» [43, р. 185–188; 44, р. 662–664].

В исламско-правовой традиции *jināyah* употребляется в широком и узком значениях. В широком смысле этот термин может обозначать всякое запрещённое деяние, однако в техническом языке факихов *jināyāt* преимущественно относится к посягательствам на жизнь и телесную неприкосновенность, прежде всего убийству и телесным повреждениям. Эти деяния рассматриваются через институты *qisās* и *diyya*. Наряду с этим общая система исламского уголовно-правового регулирования включает *hudūd*, *qisās/diya* и *ta'zīr*, а у Peters также выделяется *siyāsa* [9, с. 23–24; 11, р. 38–40, 53–54, 65–66].

В классической немецкой идеалистической и русской религиозно-нравственной философии XIX века преступление рассматривалось не только как внешний вред, но и как выражение свободной воли, вступающей в противоречие с правом и нравственным порядком. У Гегеля преступление выступает как отрицание права как права: преступник своим деянием не просто причиняет ущерб, а утверждает частную волю против всеобщей воли права.

У В.С. Соловьёва уголовно-правовой аспект преступления связывается прежде всего с объективным фактом нарушения чужого права, однако внутренние психологические моменты, включая преступное намерение, имеют значение для характеристики личности виновного. При этом право у Соловьёва понимается как принудительный минимум нравственности, необходимый для защиты личности, общества и условий нравственного совершенствования [19, с. 113–118; 20, с. 107–108, 401–402, 447–449].

В современной философии уголовного права преступление всё чаще раскрывается через категории публичного зла, вреда, виновного нарушения прав и общественного ответа на неправомерное поведение. Р.А. Дафф рассматривает уголовное право как институт, который определяет и публично осуждает такие wrongs, которые затрагивают ценности гражданского порядка и требуют ответа от имени политического сообщества [27, р. 310–311; 28, р. 27–48]. Д. Хусак связывает пределы криминализации с проблемой чрезмерного расширения уголовного запрета и необходимостью самостоятельного обоснования каждого уголовно-правового запрета [29, р. 55–177]. В. Тадрос подчёркивает связь между неправомерностью и преступлением: для понимания уголовного права необходимо анализировать не только причинённый вред, но и природу неправомерности, основания криминализации, ответственность виновного и пропорциональность наказания [30, р. 4–5].

В условиях секулярного права Республики Узбекистан метафизический подход не является нормативным, однако он позволяет глубже осмыслить природу преступления как деяния, противостоящего не только правопорядку, но и системе ценностей, на которых он зиждется. Преступление в этом контексте – это **антитеза общественного идеала**, акт деструкции, влекущий за собой не только юридические, но и нравственно-социальные последствия.

Конструктивные признаки преступления: традиция и модернизация

Современное определение преступления в законодательстве Республики Узбекистан сохраняет **классическую четырёхчленную конструкцию**: деяние должно быть общественно опасным, противоправным, виновным и наказуемым. Однако такая формулировка, по мнению ряда исследователей, **страдает формализмом** и не отражает всей сложности правовых реалий.

Так, в условиях цифровизации, транснационализации преступности и изменяющейся социальной чувствительности общественная опасность деяния может быть по-разному воспринята в зависимости от культурного контекста, медиафона и правосознания.

Кроме того, возникает вопрос о **границах уголовно-правового запрета**: где проходит черта между преступлением и административным правонарушением, моральным проступком или девиантным, но не опасным поведением?

С этих позиций концептуально важно **расширить критерии оценки преступности деяния**, включая в анализ:

- аксиологическую значимость нарушенного интереса;
- степень вреда, не только материального, но и культурного, морального и символического;
- реакцию общества и правоприменителей;
- правовую целесообразность криминализации или декриминализации.

Историко-правовой аспект развития понятия преступления

Историко-правовой анализ позволяет проследить эволюцию понятия преступления в правовых системах, оказывавших влияние на современное уголовное право Республики Узбекистан, и выявить устойчивые элементы, а также культурно-правовые особенности в

определении преступного поведения. Это необходимо для глубокого осмысления категории преступления не только как формального правового института, но и как отражения социокультурной динамики.

Период исламско-правовой традиции

До колонизации территории современного Узбекистана российской империей уголовно-правовое регулирование опиралось преимущественно на нормы **шариата**.

В шариатской доктрине, в зависимости от целей наказания или уголовно-правовых мер, преступления классифицировались на:

хадд – преступления против Аллаха (например, прелюбодеяние, клевета, употребление алкоголя),

кисас/дийя – преступления против личности (убийство, телесные повреждения),

таъзир – прочие проступки, на усмотрение судьи [9, р. 65–66].

Понятие «джиная» (جنایة) охватывало, прежде всего, физическое или имущественное посягательство, причинившее вред, и трактовалось в контексте **религиозной и моральной ответственности**, а не просто юридического запрета. **Наказание имело восстановительный, а не карательный характер**, особенно в вопросах компенсации ущерба.

Местное обычное право, регулировало преступное поведение на основе норм чести, кровной мести и примирения. Преступление понималось как **нарушение устоявшегося общественного порядка**, зачастую связанного с родовыми и территориальными сообществами [39].

Российский и советский периоды

После установления российского колониального управления в Туркестане уголовно-правовое регулирование основывалось на сочетании общеимперского законодательства, специальных нормативных актов об управлении краем и сохранявшихся для местного населения институтов народного суда, применявших нормы обычного права, а в оседлой мусульманской среде – также отдельные положения мусульманского права. В качестве основного общеимперского уголовно-правового акта применялось Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в котором преступление определялось как нарушение закона, посягающее на права верховной власти, общества или частных лиц. Уголовное уложение 1903 г. было утверждено как новый кодификационный акт уголовного законодательства Российской империи, однако в полном объёме в действие не вступило: применению подлежали лишь отдельные его главы и статьи, вследствие чего Уложение о наказаниях 1845 г. продолжало сохранять своё значение в системе уголовно-правового регулирования. Существенную роль играли также акты об управлении Туркестаном, включая проект Положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областями 1867 г., Положение об управлении Туркестанским краем 1886 г., а также приказы, инструкции, предписания и иные распоряжения туркестанского генерал-губернатора, определявшие административно-судебный порядок, вопросы подсудности и пределы компетенции народных судов [13, с. 174; 14, с. 174; 15, с. 1; 16, с. 96; 17, с. 282–316; 18, с. 649–703; 19, с. 1–2].

В советский период понятие преступления формировалось на основе **марксистско-ленинской теории**, в которой преступление рассматривалось как **общественно опасное поведение, подрывающее социалистический строй**. Уголовный кодекс Узбекской ССР 1924 года – это первый уголовный кодекс, введенный в действие в Узбекской ССР после ее образования в 1924 году. Он был сформирован в период становления советской власти и отражал политические и экономические реалии того времени.

Так, в УК УзССР 1922 г. закреплялось: «Преступлением признаётся всякое общественно опасное деяние или бездействие, угрожающее основам советского строя».

Ключевыми были **идеологические признаки**, такие как классовая направленность, вред социалистическим отношениям, политическая мотивация. С 1960-х годов определение стабилизировалось и приняло форму: «*Общественно опасное виновное деяние, запрещённое уголовным законом под угрозой наказания*», – что впоследствии перешло в законодательство независимых постсоветских государств, включая Узбекистан. Именно общественные отношения в качестве объекта преступления сохранили признаки имперского Уложения как «**причиняющее вред интересам государства**».

Этап независимости и национальной кодификации

После обретения независимости в 1991 году Республика Узбекистан провозгласила курс на построение правового государства, но уголовное законодательство на начальном этапе сохранило **советскую правовую матрицу**. Уголовный кодекс 1994 года, вступивший в силу в 1995 г., сохранил советскую модель определения преступления (ст. 14), без существенных теоретико-методологических обновлений.

Вместе с тем, происходившие с начала 2000-х годов реформы, особенно после 2017 года, обусловленные концепцией «Новый Узбекистан», привели к:

- **декриминализации ряда деяний** (например, в сфере хозяйственной деятельности);
- **пересмотру санкций**;
- **переоценке роли уголовного наказания**, в том числе введению альтернативных мер.

В связи с подготовкой **новой редакции Уголовного кодекса**, идёт переосмысление и понятийного аппарата. Тем не менее, **определение преступления не претерпело существенного изменения**, оставаясь привязанным к формальной конструкции. Это указывает на необходимость глубокой доктринальной переработки, учитывающей национальные особенности, международный опыт и современные вызовы.

Сравнительно-правовой анализ подходов к понятию преступления позволяет выявить как общие черты, так и уникальные особенности понятия преступления в различных правовых системах. Это важно для обоснования возможных направлений реформирования национального законодательства, в т.ч. в контексте гармонизации с международными стандартами.

Подходы романо-германской правовой семьи

В странах континентального (романо-германского) права, к числу которых относится и Узбекистан, понятие преступления чаще всего закрепляется в уголовных кодексах. Однако в ряде государств оно формулируется иначе, чем в традиционной советской модели.

Например, **Германия (УК ФРГ, § 12)**: Преступления делятся на Verbrechen (тяжкие преступления) и Vergehen (проступки). **Verbrechen** – это деяния, за которые предусмотрено наказание **не менее одного года лишения свободы**. Определение преступления как такового отсутствует, но система дифференциации по тяжести закреплена прямо в законе [35].

Франция (Французский УК, статья 111-1): «Преступления классифицируются на преступления (crimes), проступки (délits) и нарушения (contraventions)». Французское право исходит не из единого понятия преступления, а из **триады правонарушений**, каждое из которых регулируется разными нормами [36]. Однако, по определению Ад. Франка, «...легко будет заметить неверность и недостаток этих вещей. Назвать преступлением всякое нарушение уголовного закона, это значит утверждать, что всякое деяние, которое закон облагает наказанием, действительно наказуемо или достойно наказания, это все равно, что сказать: опиум усыпляет, потому что он обладает усыпляющим свойством» [23, с. 144].

Российская Федерация (ст. 14 УК РФ): «Преступлением признаётся виновно совершённое общественно опасное деяние, запрещённое настоящим Кодексом под угрозой наказания» [45]. Конструкция практически идентична ст. 14 УК Узбекистана и воспроизводит советскую традицию. Однако в научной литературе (А.В. Наумов, В.Н. Кудрявцев) поднимается вопрос о необходимости уточнения категорий «вред», «общественная опасность», «наказуемость» – особенно в условиях цифровой эпохи и роста трансграничных преступлений [46].

Англо-саксонская модель: case law и общественная опасность

В странах англо-саксонской правовой семьи (Великобритания, США, Канада, Австралия) отсутствует легальное определение преступления, а правовая доктрина основывается на прецедентах и юридических конструкциях, сложившихся в судебной практике.

Англия: Преступлением считается **деяние, противоречащее общественному интересу и наказуемое по общему или статутному праву**. Судебная практика различает категории *felony* и *misdemeanor*, однако современное право акцентирует внимание не на формальных элементах, а на **вреде и общественном интересе** [24, р. 5–6; 25, р. 1, 56–60; 34, s. 1(1)].

США (модельный УК): Преступление – это деяние, которое представляет собой **осознанное и виновное поведение, причиняющее значительный вред обществу и подлежащее наказанию**. При этом выделяются:

mala in se – деяния, изначально считающиеся злом (убийство, кража);

mala prohibita – деяния, запрещённые исключительно законом (например, нарушения регистрации) [34, § 1.02(1)(a), § 1.04, § 1.05; 32, р. 37–38].

Англо-саксонская традиция отличается **прагматичностью**, акцент делается на доказуемый вред и общественную реакцию, а не на догматическое перечисление признаков. Это способствует гибкости правоприменения, но создаёт неопределённость при формализации норм.

Международно-правовые стандарты

Современное международное право не содержит единого определения преступления, однако отдельные акты устанавливают **признаки международных преступлений**:

Римский статут Международного уголовного суда (1998): определяет преступления как наиболее тяжкие деяния, вызывающие беспокойство международного сообщества: **геноцид, преступления против человечности, военные преступления и агрессия**. Эти деяния рассматриваются как нарушение **фундаментальных норм jus cogens**.

Документы ООН и Совета Европы (в частности, Руководящие принципы по предотвращению преступности и справедливости в отношении правонарушителей): подчёркивают, что уголовная репрессия допустима только в случае **существенного общественного вреда и необходимости государственной реакции**.

Таким образом, международная тенденция заключается в **минимизации уголовно-правового вмешательства, развитии принципов последнего средства (ultima ratio) и декриминализации малозначительных деяний**.

Проведенный анализ показывает, что:

В большинстве правовых систем понятие преступления **не закрепляется как строгое определение**, а выводится из контекста норм и практики.

Советская модель, унаследованная Узбекистаном, является одной из немногих, где понятие преступления закреплено формально, но при этом **остается доктринально статичным**.

Международные и англо-саксонские подходы подчёркивают значимость **общественного вреда и правовой необходимости наказания**, а не абстрактной конструкции.

В условиях реформ Узбекистану целесообразно **переосмыслить подход к понятию преступления**, переходя от формального перечня признаков к **функциональной и аксиологической модели**, ориентированной на защиту прав и свобод.

Проведённое исследование подтверждает исходную гипотезу о том, что понятие преступления в уголовном праве Республики Узбекистан нуждается в глубокой теоретико-методологической реконструкции. Анализ показал, что формально-юридическая конструкция, закреплённая в действующем законодательстве, не в полной мере отражает современные реалии, вызовы и ценностные ориентиры общества.

Сопоставление лингвистических и философских трактовок термина «преступление» выявило, что во всех правовых культурах – от исламской до англо-саксонской – преступление мыслится как **нарушение морально-правового порядка**, выход за пределы дозволенного, акт, несущий в себе не только юридический, но и **онтологический смысл**. Этимологический анализ показал, что язык отражает не просто форму правового запрета, но и глубинную оценку деяния обществом как опасного, вредоносного, постыдного.

Историко-правовой обзор позволил проследить эволюцию понятия преступления от шариатской системы к советской модели, и далее – к национальной кодификации постсоветского периода. При этом выявлена **инерционность позитивистского подхода**, который продолжает доминировать в уголовном праве Узбекистана, несмотря на активные реформы.

Сравнительно-правовой анализ продемонстрировал, что в большинстве правовых систем акцент смещается на **функциональное и аксиологическое понимание преступления**: важна не формальная структура, а оценка общественной опасности, вреда и необходимости уголовной репрессии. Международные стандарты подчёркивают значение принципа *ultima ratio*, который пока не получил достаточного закрепления в национальной доктрине.

Исходя из вышеизложенного, представляется целесообразным:

1. Включить в новую редакцию Уголовного кодекса РУз **уточнённое и более содержательное определение преступления**, учитывающее не только формальные признаки, но и аксиологическую составляющую.

2. Разработать доктрину **дифференцированной криминализации**, основанную на критериях существенного общественного вреда, невозможности эффективной защиты интересов санкциями иных отраслей права, а также социокультурной значимости деяния.

3. Усилить **научную и терминологическую проработку** правовых понятий в узбекском языке, обеспечив лексическую точность и эквивалентность при двуязычном регулировании.

4. Продолжить **гуманизацию уголовного законодательства**, исходя из принципа необходимости, справедливости и охраны фундаментальных прав личности.

Таким образом, формирование современного понятия преступления требует не только юридических, но и междисциплинарных усилий – в области философии права, лингвистики, истории и социологии, что соответствует духу реформ в условиях построения «Нового Узбекистана».

Использованные источники / References

1. Уголовный кодекс Республики Узбекистан, ст. 14 Электронный ресурс: <https://lex.uz/ru/docs/111457>
2. О мерах по кардинальному совершенствованию системы уголовного и уголовно-процессуального законодательства: постановление Президента Республики Узбекистан от 14 мая 2018 г. № ПП-3723. Электронный ресурс: официальный сайт Президента Республики Узбекистан. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/1827>.
3. Wiktionary. Crime // Wiktionary, The Free Dictionary. Электронный ресурс. URL: <https://en.wiktionary.org/wiki/crime>.
4. Almaany. معجم المعاني الجامع / جناية Электронный ресурс. URL: <https://www.almaany.com/ar/dict/ar-ar/جناية/>.
5. Аш-Шазили Хасан Али. Джинаят в исламском фикхе: сравнительное исследование исламского фикха и права. 2-е изд. – [б.м.]: Дар аль-Китаб аль-Джами'и, [б.г.]. – 472 с. Электронный ресурс: Shamela. URL: <https://shamela.ws/book/9980> (дата обращения: 21.04.2026). (на арабском языке)
6. Джунди Абдель Малек. Уголовно-правовая энциклопедия: В.3. - Бейрут. - С. 6 (на арабском языке).
7. Мухаммад Субхи Наджм. Уголовное право Иордании. Общая часть. – Оман. – 1996. – С. 9 (на арабском языке)
8. С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=23566>
9. Peters R. Crime and Punishment in Islamic Law: Theory and Practice from the Sixteenth to the Twenty-first Century. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – P. 38–40, 53–54, 65–66.
10. Таганцев Н.С. О повторении преступлений: исследование. – Санкт-Петербург: Издание Журнала Министерства юстиции, 1867. – 296 с.
11. Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII века: исследование. – Санкт-Петербург: А.Ф. Цинзерлинг, 1887. – XII, [2], 300 с.
12. Познышев С.В. Учебник уголовного права: очерк основных начал общей и особенной части науки уголовного права. Ч. 1. – Москва: Юридическое издательство Наркомюста, 1923. – 300 с.
13. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века / отв. ред. О.И. Чистяков. – Москва: Юридическая литература, 1988. – 432 с.
14. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века / отв. ред. О.И. Чистяков. – Москва: Юридическая литература, 1988. – С. 174.
15. Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. – Санкт-Петербург: Книжный магазин В.П. Анисимова, 1903. – 253 с.
16. Скобликов П.А. Новация Уголовного уложения 1903 г.: посягательство на несуществующий или очевидно негодный предмет // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2025. – Т. 29. – № 1. – С. 96.
17. Проект Положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областей 1867 г. // Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. – Алма-Ата, 1960. – С. 282–316.
18. Положение об управлении Туркестанского края: утв. 12 июня 1886 г. – Санкт-Петербург, 1886. – С. 649–703.
19. Эргашев Б. Источниковедение истории канцелярии Туркестанского генерал-губернатора по материалам ревизии сенатора К.К. Палена // Материалы ревизии К.К. Палена. – С. 1–2.
20. История государства и права зарубежных стран: курс лекций. – Минск: Тетра-Системс, 2006. – 340 с.
21. Гегель Г.В.Ф. Философия права // Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. VII / пер. Б.Г. Стоппнера. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. – С. 113–118. Электронный ресурс: Викитека. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Философия_права_\(Гегель,_Стоппнер\)/Часть_1/Отдел_3](https://ru.wikisource.org/wiki/Философия_права_(Гегель,_Стоппнер)/Часть_1/Отдел_3).
22. Соловьёв В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьёв В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / сост. и общ. ред. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева; примеч. С.Л. Кравца и др. – Москва: Мысль, 1988. – С. 107–108, 401–402, 447–449. Электронный ресурс: Электронная библиотека Института философии РАН. URL: https://iphras.ru/elib/Soloviev_Opr_dobra.html.
23. Франк А. Философия уголовного права в популярном изложении // Философия уголовного права / сост. и ред. С.В. Голик. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. – С. 144.
24. Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. Book IV: Of Public Wrongs. – Oxford: Clarendon Press, 1769. – P. 5–6. Электронный ресурс: The Avalon Project, Yale Law School. URL: https://avalon.law.yale.edu/18th_century/blackstone_bk4ch1.asp.
25. Stephen J.F. A General View of the Criminal Law of England. 2nd ed. – London; New York: Macmillan and Co., 1890. – P. 1, 56–60. Электронный ресурс. URL: <https://www.lareau-legal.ca/StephenGeneral2.pdf>.
26. Hall J. General Principles of Criminal Law. 2nd ed. – Indianapolis: The Bobbs-Merrill Company, 1960. – 642 p.
27. Duff R.A. Avoiding Cruelty: Offenders as Fellow Citizens // Ordines. – 2024. – № 2. – P. 310–311. Электронный ресурс. URL: <https://www.ordines.it/wp-content/uploads/2025/04/12-Duff.pdf>.

28. Duff R.A., Marshall S.E. Crimes, Public Wrongs, and Civil Order // Criminal Law and Philosophy. – 2019. – Vol. 13. – No. 1. – P. 27–48. DOI: 10.1007/s11572-018-9457-x. Электронный ресурс. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11572-018-9457-x>.
29. Husak D.N. Overcriminalization: The Limits of the Criminal Law. – New York: Oxford University Press, 2008. – P. 55–119, 120–177. Электронный ресурс: Oxford Academic. URL: <https://academic.oup.com/book/5876>.
30. Tadros V. Wrongs and Crimes. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – P. 4–5. Электронный ресурс: Google Books / Oxford University Press preview. URL: https://books.google.com/books/about/Wrongs_and_Crimes.html?id=IC2hDQAAQBAJ.
31. Simester A.P., von Hirsch A. Crimes, Harms, and Wrongs: On the Principles of Criminalisation. – Oxford: Hart Publishing, 2011. – P. 23–29, 35–88. Электронный ресурс: King's College London Research Portal. URL: <https://kclpure.kcl.ac.uk/portal/en/publications/crimes-harms-and-wrongs-on-the-principles-of-criminalisation/>.
32. Dubber M.D. An Introduction to the Model Penal Code. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – P. 37–38.
33. American Law Institute. Model Penal Code and Commentaries. – Philadelphia: American Law Institute, 1985.
34. Criminal Law Act 1967, c. 58, s. 1(1). Электронный ресурс: legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1967/58/section/1>.
35. Criminal Code of the Federal Republic of Germany (Strafgesetzbuch, StGB), in the version published on 13 November 1998, Federal Law Gazette I, p. 3322, as last amended by Article 2(2) of the Act of 7 November 2024, Federal Law Gazette 2024 I No. 351. Электронный ресурс: Federal Ministry of Justice. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/englisch_stgb.html.
36. Code pénal de la République française. Электронный ресурс: Légifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070719/.
37. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ; в ред. Федерального закона от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 1998. – № 26. – Ст. 3012.
38. О реформе Уголовного кодекса Российской Федерации: публикации 2009–2019 гг. // Избранные труды / сост. Е.Н. Карабанова, И.А. Стаценко; вступ. ст. О.С. Капинус. – Москва: Университет прокуратуры Российской Федерации, 2019. – 384 с.
39. Якубов А.С. Теоретические проблемы формирования правовой основы учения о преступлении: предпосылки, реальность, перспективы. – Ташкент: Академия МВД Республики Узбекистан, 1996. – 269 с.
40. Келина С.Г. Проблемы уголовной ответственности. – Москва: Норма, 2004. – 384 с.
41. Келина С.Г. Общее понятие и виды освобождения от уголовной ответственности // Труды. Т. 26: Проблемы уголовной ответственности. – 1972. – С. 3–48.
42. Morris T. Crime and Criminal Justice Since 1945. – Oxford, UK; New York, NY, USA: Basil Blackwell, 1989. – 198 p.
43. Berman H.J. Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983. – P. 185–188. https://politicayderechoenlaedadmedia.wordpress.com/wp-content/uploads/2016/07/berman_law_and_revolution_the_formatibookzz-org-1.pdf.
44. Beznosova J.V., Kondratyeva A.N., Romanovskaya V.B., Kurzenin E.B. Crime and Punishment, Sin and Retribution: From the History of Religious and Legal Traditions of East and West // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Vol. 6. – No. 6 S2. – P. 662–668. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n6s2p662. <https://www.richtmann.org/journal/index.php/mjss/article/view/8142>.
45. Уголовный кодекс Российской Федерации. В ред. Федерального закона от 25.06.1998 N 92-ФЗ.
46. Избранные труды. О реформе Уголовного кодекса Российской Федерации (публикации 2009–2019 гг.) / [сост. Е.Н. Карабанова, И.А. Стаценко; вступит. ст. О.С. Капинус]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2019. – 384 с. – (Научные труды ученых Университета прокуратуры Российской Федерации).

TOVLAMACHILIK JINOYATLARINING OLDINI OLISHNI TASHKILIY-HUQUQIY TA'MINLASHNI TAKOMILLASHTIRISH MASALALARI

Irisbekov Ulug'bek Askarbekovich

O'zbekiston Respublikasi
Kriminologiya tadqiqot
instituti yetakchi ilmiy xodimi

Исследовательский институт
криминологии Республики
Узбекистан, ведущий научный
сотрудник

Research Institute of
Criminology of the Republic of
Uzbekistan, leading researcher

Annotatsiya. Mazkur maqolada tovlamachilik jinoyatlarini oldini olishni tashkiliy-huquqiy ta'minlashning dolzarb masalalari tahlil qilingan. Unda zamonaviy globallashuv va raqamli transformatsiya sharoitida tovlamachilik jinoyatlarining shakl va usullari o'zgarib borayotgani, xususan, kibermuhitda sodir etilayotgan tovlamachilik holatlari ortib borayotgani asoslantirgan. Tovlamachilik profilaktikasining tashkiliy-huquqiy mexanizmi normativ-huquqiy, institutsional, axborot-tahliliy, viktimologik hamda raqamli xavfsizlik elementlari nuqtai nazaridan kompleks tahlil qilingan hamda takliflar ishlab chiqilgan. Tadqiqot natijalari tovlamachilik jinoyatlarining latentsligini kamaytirish, ularni barvaqt aniqlash va profilaktika samaradorligini oshirishga xizmat qiladi.

Kalit so'zlar: tovlamachilik, tovlamachilik profilaktikasi, tashkiliy-huquqiy ta'minlash, kibertovlamachilik, viktimologik profilaktika, raqamli xavfsizlik, huquqbuzarliklar profilaktikasi, sun'iy intellekt, profilaktika subyektlari, latent jinoyatchilik.

ISSUES OF IMPROVING THE ORGANIZATIONAL AND LEGAL FRAMEWORK FOR THE PREVENTION OF EXTORTION CRIMES

Abstract. This article analyzes current issues related to improving the organizational and legal framework for the prevention of extortion crimes. The study substantiates that under conditions of modern globalization and digital transformation, the forms and methods of extortion are changing, particularly due to the increasing number of extortion cases committed in cyberspace. The organizational and legal mechanism for extortion prevention is comprehensively examined from the perspectives of regulatory, institutional, information-analytical, victimological, and digital security elements, and a number of practical proposals are developed. The findings of the study are aimed at reducing the latency of extortion crimes, ensuring their early detection, and increasing the effectiveness of preventive activities.

Keywords: extortion, prevention of extortion, organizational and legal support, cyber extortion, victimological prevention, digital security, crime prevention, artificial intelligence, prevention subjects, latent crime.

Globallashuv va raqamli transformatsiya jarayonlari sharoitida jinoyatchilikning yangi shakllari paydo bo'lib, an'anaviy jinoyatlarning mazmun-mohiyati va ko'rinishlari o'zgarib bormoqda. Ana shunday ijtimoiy xavfli qilmishlardan biri tovlamachilik jinoyati bo'lib, uning ijtimoiy xavfi mulkiy manfaat orttirish maqsadida shaxsga nisbatan ruhiy bosim o'tkazish, tahdid qilish, ma'lumotlarni oshkor etish yoki mulkka zarar yetkazishda namoyon bo'lmoqda. Ayniqsa, raqamli texnologiyalarning jadal rivojlanishi natijasida tovlamachilikning an'anaviy ko'rinishlari bilan bir qatorda uning kibermakonda sodir etiladigan yangi shakllari ham keng tarqalmoqda.

Xalqaro tahlillar mazkur muammoning dolzarbligi yil sayin ortib borayotganini ko'rsatmoqda. Jumladan, 2025-yil yakunlariga ko'ra, butun dunyo bo'yicha tovlamachi-dastur (Ransomware-as-a-Service, RaaS) guruhlar tomonidan 7 307 ta tashkilot rasman jabrlanuvchi sifatida qayd etilgan bo'lib, mazkur ko'rsatkich 2024-yilga nisbatan 45 foizga oshgan. Shu bilan birga, faol tovlamachi-dastur guruhlar soni 98 tadan 138 taga yetgan va bir yil ichida 41 foizlik o'sish qayd etilgan. O'rtacha hisobda har oyda 609 ta tashkilot raqamli tovlamachilik qurboniga aylangan [1].

Tadqiqotlar shuni ko'rsatmoqdaki, zamonaviy tovlamachilik endilikda faqatgina ma'lumotlarni shifrlash bilan cheklanib qolmay, balki ma'lumotlarni o'g'irlash, ularni ommaviy oshkor qilish bilan tahdid qilish, xizmat ko'rsatish tizimlarini izdan chiqarish hamda ko'p bosqichli bosim mexanizmlarini qo'llash orqali amalga oshirilmoqda.

So'nggi yillarda tovlamachilikning sodir etilish usullari murakkablashib, axborot-kommunikatsiya texnologiyalaridan foydalanish orqali amalga oshirilayotgan holatlar ko'paymoqda. Bu esa jinoyatlarning latentlik darajasini oshirib, ularni barvaqt aniqlash va oldini olish jarayonini qiyinlashtirmoqda. Kriminologik tadqiqotlarga ko'ra, huquqni muhofaza qiluvchi organlar xodimlari o'rtasida o'tkazilgan so'rovlarda ishtirok etganlarning 48,5 foizi tovlamachilik jinoyatlarining atigi 20 foizgacha bo'lgan qismi rasman aniqlanishini, qolgan qismi esa latent holatda saqlanib qolayotganini ta'kidlagan [2; 75-b.].

Tovlamachilikning oldini olish samaradorligi nafaqat jinoyat qonunchiligining mukammalligiga, balki profilaktika subyektlari faoliyatining muvofiqlashtirilganligi, axborot almashinuvi tizimining samaradorligi, aholi bilan hamkorlik mexanizmlarining rivojlanganligi hamda jabrlanuvchilarni himoya qilish tizimining ishonchliligiga ham bevosita bog'liqdir. Shu jihatdan qaraganda, mazkur sohada samarali natijalarga erishish kompleks va tizimli yondashuvni talab etadi.

Mazkur yondashuv doirasida tovlamachilik jinoyatlarini oldini olishning tashkiliy-huquqiy ta'minlanganligi masalasi muhim o'rin tutadi. Tovlamachilik jinoyatlarining oldini olishni *tashkiliy-huquqiy ta'minlash* deganda davlat organlari, huquqni muhofaza qiluvchi subyektlar hamda fuqarolik jamiyati institutlarining mazkur turdagi jinoyatlarni barvaqt aniqlash, ularning sodir etilishiga imkon berayotgan sabab va shart-sharoitlarni bartaraf etish, shuningdek, qayta sodir etilishining oldini olishga qaratilgan huquqiy, tashkiliy va amaliy chora-tadbirlar tizimi tushuniladi.

Zamonaviy sharoitda tovlamachilikning sodir etilish mexanizmlari o'zgarib borayotgani mazkur sohada profilaktika faoliyatini faqat jinoiy javobgarlik choralari bilan cheklab qo'yish samarali emasligini hayotning o'zi ko'rsatmoqda. Ayniqsa, raqamli texnologiyalar va ijtimoiy tarmoqlar imkoniyatlaridan foydalangan holda amalga oshirilayotgan tovlamachilik holatlari profilaktikaning tashkiliy-huquqiy mexanizmlarini muntazam ravishda takomillashtirib borishni talab etmoqda.

Tovlamachilik jinoyatlarining oldini olishni tashkiliy-huquqiy ta'minlash tizimi o'zaro uzviy bog'langan normativ-huquqiy, institutsional va amaliy-profilaktik komponentlar integratsiyasidan tashkil topgan kompleks tizim hisoblanadi.

Birinchidan, *normativ-huquqiy baza* mazkur sohaning huquqiy poydevorini tashkil etadi. O'zbekiston Respublikasida ushbu yo'nalish Konstitutsiya, Jinoyat kodeksi, "Huquqbuzarliklar profilaktikasi to'g'risida"gi qonun, kiberxavfsizlik to'g'risidagi qonunchilik hujjatlari hamda sohaviy normativ-huquqiy hujjatlar bilan tartibga solinadi. Xususan, tovlamachilik uchun javobgarlik Jinoyat kodeksining 165-moddasida nazarda tutilgan bo'lib, so'nggi yillarda amalga oshirilgan qonunchilik islohotlari mazkur jinoyat tarkibini zamonaviy tahdidlar, jumladan raqamli muhitda sodir etiladigan huquqbuzarliklar bilan bog'liq holatlar hisobga olingan holda takomillashtirish tendensiyasini namoyon etmoqda [3]. Jumladan, 2024 yilda kiritilgan o'zgartirishlar orqali axborot resurslariga qonunga xilof ravishda ta'sir ko'rsatish, ularni to'sib qo'yish, o'zgartirish yoki yo'q

qilish kabi harakatlar bilan bog'liq holatlar jinoyat tarkibiga kiritilishi zamonaviy jinoyatchilik dinamikasini inobatga olgan muhim huquqiy qadam hisoblanadi.

Shu bilan birga, 165-moddaning amaldagi tahriri raqamli muhitda sodir etilayotgan tovlamachilikning barcha ko'rinishlarini to'liq qamrab olmasligi mumkin. Shu bois, kelgusida ushbu normani takomillashtirish jarayonida "kibertovlamachilik", "raqamli mulk" hamda zamonaviy shantaj usullarini alohida huquqiy kategoriya sifatida aniqlashtirish maqsadga muvofiq hisoblanadi. Bu esa huquqni qo'llash amaliyotida yagona yondashuvni ta'minlashga va jinoyatchilikning yangi shakllariga qarshi kurash samaradorligini oshirishga xizmat qiladi.

Ikkinchidan, *profilaktika subyektlarining jinoyatlarni oldini olishdagi ishtirokini ta'minlash* muhim ahamiyatga ega. Jinoyatlarning oldini olish subyektlari orasida yuqori samaradorlik bo'yicha ichki ishlar organlari – 67,6 foiz, prokuratura organlari – 25,4 foiz, ta'lim muassasalari – 23,4 foiz, diniy tashkilotlar – 20,3 foiz, jamoat tuzilmalari – 19,7 foiz, sud organlari esa 17 foiz baholangan [4]. Ichki ishlar organlari, prokuratura, davlat xavfsizlik xizmati, kiberxavfsizlik bo'linmalari hamda mahalla instituti o'rtasidagi hamkorlikni yanada samarali tashkil etish maqsadida profilaktika subyektlarining vakolatlarini institutsional jihatdan aniqlashtirish zarur.

Shu munosabat bilan, raqamli tovlamachilik va boshqa kiberjinoyatlarga qarshi kurashish sohasida yagona muvofiqlashtiruvchi mexanizm sifatida "Kiberjinoyatchilikka qarshi kurashish va tovlamachilik profilaktikasi bo'yicha idoralararo koordinatsiya markazi"ni tashkil etish maqsadga muvofiq hisoblanadi. Mazkur markazning asosiy vazifalari:

- kibermuhitda tovlamachilik holatlarini monitoring qilishni markazlashtirish;
- profilaktika subyektlari o'rtasida axborot almashinuvini tezkor ta'minlash;
- raqamli tahdidlar bo'yicha yagona tahliliy bazani shakllantirish;
- tezkor-qidiruv va profilaktika choralarini muvofiqlashtirish;
- aholi bilan kiberxavfsizlik bo'yicha profilaktik ishlar samaradorligini oshirish.

Bunday institutsional yondashuv profilaktika subyektlari faoliyatida takrorlanish va vakolatlar kesishuvini kamaytiradi, jinoyatlarni barvaqt aniqlash va oldini olish samaradorligini sezilarli darajada oshiradi.

Taklif etilayotgan "Idoralararo koordinatsiya markazi" modeli mazmunan AQSHning IC3 modeli [5], Buyuk Britaniyaning NCSC tizimi [6], Estoniyaning CERT tizimi tajribalariga yaqin hisoblanadi [7].

Bu modellarning umumiy jihati shundaki, kibertovlamachilik va raqamli tahdidlar bir organ doirasida emas, balki idoralararo markazlashgan koordinatsiya asosida samarali bartaraf etiladi.

Uchinchidan, *axborot-tahlil tizimi* profilaktika samaradorligini oshirishning muhim vositasi hisoblanadi. Jinoyatlarni tahlil qilish, xavf guruhlarini aniqlash va elektron ma'lumotlar bazalaridan foydalanish huquqbuzarliklarning barvaqt oldini olish imkonini beradi. Masalan, qator davlatlarda sun'iy intellekt texnologiyalari orqali internet tarmoqlarida tovlamachilikka xos bo'lgan tahdidli xatti-harakatlar avtomatik tahlil qilinib, huquqni muhofaza qiluvchi organlarga signal yuborish amaliyoti joriy etilgan. Axborot-tahlil tizimlarini yanada rivojlantirish va profilaktika samaradorligini oshirish maqsadida huquqbuzarliklar, xususan, tovlamachilik jinoyatlariga qarshi kurashishda sun'iy intellekt (AI) asosidagi avtomatlashtirilgan monitoring platformasini joriy etish maqsadga muvofiq hisoblanadi.

Mazkur platforma:

internet va ijtimoiy tarmoqlardagi shubhali xatti-harakatlarni tahlil qilish;

tovlamachilikka xos tahdidli kontentni (shantaj, ma'lumot bilan qo'rqtirish, raqamli bosim) aniqlash;

xavf darajasi yuqori holatlar bo'yicha huquqni muhofaza qiluvchi organlarga avtomatik signal yuborish imkoniyatini beradi.

Bu esa jinoyatlarning faqat sodir etilgandan keyin emas, balki sodir etilish ehtimoli yuqori bo'lgan bosqichdayoq barvaqt oldini olish va profilaktika subyektlari faoliyatini tezkor hamda maqsadli tashkil etishga xizmat qiladi.

To'rtinchidan, *viktimologik himoya mexanizmlari* tovlamachilik profilaktikasining muhim yo'nalishlaridan biri hisoblanadi. Amaliyot shuni ko'rsatmoqdaki, tovlamachilik qurbonlarining muayyan qismi jinoyat haqida huquqni muhofaza qiluvchi organlarga murojaat qilmasligi natijasida jinoyat latent holatda qolib ketmoqda. Shu sababli jabrlanuvchilarga huquqiy maslahat berish, psixologik ko'mak ko'rsatish va ularning xavfsizligini ta'minlash muhim ahamiyat kasb etadi. Viktimologik himoya mexanizmlarini tovlamachilik profilaktikasining muhim yo'nalishlaridan biri sifatida yanada takomillashtirish maqsadida, jabrlanuvchilarga qaratilgan *kompleks qo'llab-quvvatlash tizimini joriy etish* maqsadga muvofiq hisoblanadi.

Bu tizim doirasida tovlamachilik qurbonlariga:

- ✓ huquqiy maslahat berish xizmatlarini kengaytirish;
- ✓ psixologik rehabilitatsiya va ishonch telefonlari orqali tezkor yordam ko'rsatish;
- ✓ shaxsiy xavfsizlikni ta'minlash (vaqtinchalik himoya, raqamli xavfdan himoya choralari)

mexanizmlarini kuchaytirish nazarda tutilishi lozim.

Mazkur yondashuv jabrlanuvchilarning huquqni muhofaza qiluvchi organlarga murojaat qilishga bo'lgan ishonchini oshiradi, jinoyatlarning latent darajasini kamaytiradi hamda tovlamachilikning barvaqt aniqlanishi va oldi olinishiga xizmat qiladi.

Beshinchidan, *jamoatchilik ishtirokini ta'minlash* profilaktika samaradorligining muhim sharti hisoblanadi. Xorijiy davlatlar tajribasida aholini huquqbuzarliklarning oldini olish jarayonlariga jalb qilish, mahalliy hamjamiyatlar bilan hamkorlik qilish hamda profilaktik axborot kampaniyalarini tashkil etish keng tarqalgan. Ayniqsa, AQSH va Germaniya tajribasida fuqarolarning o'zini o'zi himoya qilish ko'nikmalarini shakllantirish, jinoiy xavf haqida aholini o'z vaqtida xabardor qilish va profilaktika choralarida jamoatchilik ishtirokini kuchaytirishga qaratilgan dasturlar amalga oshiriladi. Shu bilan birga, AQSH amaliyotida "Predictive Policing" (prognozlashtirilgan profilaktika) modeli qo'llanilib, unda jinoyatchilikka oid statistik ma'lumotlar, geografik joylashuv va ijtimoiy omillar tahlil qilinishi orqali xavf yuqori bo'lgan hududlar oldindan aniqlanadi hamda profilaktika choralariga aholi va mahalliy hamjamiyatlarni maqsadli jalb qilish imkoniyati yaratiladi [5]. Bu esa profilaktika resurslarini samarali taqsimlash va huquqbuzarliklarning barvaqt oldini olishga xizmat qiladi.

Oltinchidan, *raqamli xavfsizlik choralari* zamonaviy tovlamachilik profilaktikasining ajralmas qismi hisoblanadi. Amaliyotda ikki bosqichli autentifikatsiya, shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilish, raqamli savodxonlikni oshirish hamda ijtimoiy tarmoqlarda xavfsiz harakatlanish qoidalarini targ'ib qilish profilaktikaning muhim vositalari sifatida qaralmoqda. Raqamli xavfsizlik choralari tovlamachilik profilaktikasining samarali vositasi sifatida yanada rivojlantirish maqsadida aholi o'rtasida *kompleks raqamli himoya standartlarini joriy etish* maqsadga muvofiq hisoblanadi.

Bu doirada:

- ikki bosqichli autentifikatsiya (2FA)dan majburiy foydalanishni keng targ'ib qilish;
- shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilish bo'yicha minimal xavfsizlik talablarini belgilash;
- fuqarolarning raqamli savodxonligini oshirishga qaratilgan o'quv dasturlarini joriy etish;
- ijtimoiy tarmoqlarda xavfsiz muloqot va harakatlanish qoidalarini tizimli ravishda targ'ib qilish nazarda tutilishi lozim.

Belarus tajribasida huquqbuzarliklardan jabrlanish sabablari va shart-sharoitlarini doimiy monitoring qilish hamda profilaktika subyektlari o'rtasida ma'lumot almashishning integratsiyalashgan modeli joriy qilingan[2; 124-b]. Bu orqali muayyan toifadagi fuqarolarning viktimlashuv xavfi oldindan baholanadi va profilaktik choralari belgilanadi.

Ushbu choralari tovlamachilikning internet muhitida sodir etilish xavfini kamaytiradi, shaxsiy ma'lumotlardan qonunga xilof foydalanish imkoniyatlarini cheklaydi hamda profilaktika tizimining umumiy samaradorligini oshiradi.

Yuqoridagi tahlillarga asoslanib ta'kidlash joizki, tovlamachilik jinoyatlarining oldini olishni tashkiliy-huquqiy ta'minlash faqat jinoiy javobgarlik choralari bilan cheklanib qolmasdan, balki huquqiy tartibga solish, muassasalararo hamkorlik, raqamli xavfsizlik, jamoatchilik ishtirokini kengaytirish va viktimologik yondashuvlarni kompleks qo'llash orqali amalga oshiriladi. Bunday kompleks yondashuv, o'z navbatida, tovlamachilik jinoyatlarining latentligini kamaytirish, ularni barvaqt aniqlash hamda fuqarolarning huquq va qonuniy manfaatlarini samarali himoya qilish imkonini beradi.

Tovlamachilik jinoyatlarining oldini olishni tashkiliy-huquqiy ta'minlash bugungi kunda jinoyatchilikka qarshi kurash siyosatining muhim yo'nalishlaridan biri hisoblanadi. Zamonaviy tahdidlar, ayniqsa, raqamli muhitdagi jinoyatchilik profilaktika tizimini qayta ko'rib chiqishni talab qilmoqda. Mazkur sohada tashkiliy mexanizmlarni takomillashtirish, huquqiy asoslarni kuchaytirish, profilaktika subyektlari o'rtasida muvofiqlashtirishni ta'minlash va viktimologik yondashuvlarni keng joriy etish tovlamachilikning latentligini kamaytirish hamda uning oldini olish samaradorligini oshirishga xizmat qiladi.

Foydalanilgan manbalar / References

1. State of Ransomware 2025: Annual Report. https://www.breachsense.com/ransomware-reports/annual-report-2025/?utm_source=chatgpt.com.
2. Irisbekov U.A. Tovlamachilik jinoyatlarining oldini olishni takomillashtirish: Yurid. fan. bo'yicha fal. d-ri ... dis. – T., 2025. – 75-b.
3. O'zbekiston Respublikasining Jinoyat kodeksi (1994-y.) <https://www.lex.uz/acts/111453>.
4. Saitqulov Q.A. Ichki ishlar organlarining huquqbuzarliklar profilaktikasi bo'yicha faoliyatini takomillashtirish: Yurid. fan. bo'yicha fal. d-ri. ... dis. – T., 2020. – 31-b.
5. Квашиш Е.В., Морозов Н.А. Полиция Японии: организация, функции, эффективность // Научный портал России. – 2015. – №1.
6. Ксеник А.А. Зарубежный опыт виктимологической профилактики преступлений // Молодой ученный. – 2017. – №12. – С.412. <https://moluch.ru>.
7. CISA Issues Binding Operational Directive 26-04: Prioritizing Security Updates Based on Risk. <https://www.cisa.gov/>.

JINOIY JAZONING SAMARADORLIGINI OSHIRISH STRATEGIYASINI ISHLAB CHIQISHNING ZARURATI VA ISTIQBOLLARI

Mirzayev Jahongir Umirzoqovich

O'zbekiston Respublikasi
Kriminologiya tadqiqot instituti
yetakchi ilmiy xodimi,
yuridik fanlar bo'yicha falsafa
doktori (PhD)

Исследовательский институт
криминологии Республики
Узбекистан, ведущий научный
сотрудник, доктор философии
по юридическим наукам (PhD)

Research Institute of
Criminology of the Republic of
Uzbekistan, Leading Researcher,
Doctor of Philosophy (PhD) in
Legal Sciences

Annotatsiya. Maqolada jinoiy jazoning samaradorligini oshirish strategiyasini ishlab chiqishning dolzarbligi, uning nazariy-huquqiy asoslari hamda amaliyotdagi ahamiyati tahlil qilingan. Shuningdek, jazo tayinlash va ijro etish tizimida insonparvarlik, adolat va profilaktika tamoyillarini ta'minlash masalalari yoritilgan. Maqolada jinoiy jazo samaradorligini oshirishga qaratilgan zamonaviy yondashuvlar, xorijiy tajriba va istiqbolli yo'nalishlar ilmiy jihatdan tahlil qilingan.

Kalit so'zlar: jinoiy jazo, jazo samaradorligi, jinoyatchilik profilaktikasi, resotsializatsiya, insonparvarlik, jazo siyosati, huquqiy islohotlar.

THE NECESSITY AND PROSPECTS OF DEVELOPING A STRATEGY FOR INCREASING THE EFFECTIVENESS OF CRIMINAL PUNISHMENT

Abstract. The article analyzes the relevance of developing a strategy for increasing the effectiveness of criminal punishment, its theoretical and legal foundations, as well as its practical significance. In addition, the issues of ensuring the principles of humanism, justice, and prevention in the system of sentencing and execution of punishments are highlighted. The article also scientifically examines modern approaches, foreign experience, and nepcnekumbe directions aimed at improving the effectiveness of criminal punishment.

Keywords: criminal punishment, effectiveness of punishment, crime prevention, resocialization, humanism, criminal policy, legal reforms.

Huquqiy demokratik davlat qurish jarayonida jinoyatchilikka qarshi kurashish va jamoat xavfsizligini ta'minlash davlat siyosatining ustuvor yo'nalishlaridan biri hisoblanadi. Bu borada jinoiy jazo instituti muhim ahamiyat kasb etib, u nafaqat sodir etilgan jinoyat uchun javobgarlik chorasi, balki shaxsni tuzatish, qayta tarbiyalash va jamiyatga moslashtirish vositasi sifatida ham namoyon bo'ladi.

Jinoiy jazoning samaradorligi – bu faqatgina jinoyatchilik sonining kamayishi emas, balki jazolangan shaxsning qayta jinoyat yo'liga kirmasligi va jamiyatga ijtimoiy moslashuvidir. Bugungi kunda ushbu jarayonni tizimli va strategik asosda tashkil etish zarurati yuzaga kelmoqda.

Chunki ayrim holatlarda jazoning og'irligi jinoyatchilikning kamayishiga yetarli darajada ta'sir ko'rsatmayapti. Shu sababli jazo tizimini takomillashtirish, insonparvar va profilaktik yondashuvlarni kuchaytirish kun tartibiga chiqmoqda.

Prezidentimiz Shavkat Miromonovich Mirziyoyev ta'kidlaganlaridek: “biz zamonaviy bilim va texnologiyalarni egallagan avlodni tayyorlashimiz kerak” [1]. Jinoyat uchun qo'llanilgan jazoning natijasi ham ushbu maqsadni ro'yobga chiqishida ma'lum darajada ko'makchi vazifasini o'tashi lozim.

Jinoiy jazo – davlat tomonidan jinoyat sodir etgan shaxsга nisbatan qonun asosida qo'llaniladigan majburlov chorasi. Jazo va boshqa huquqiy ta'sir choralari jismoniy azob berish yoki inson qadr-qimmatini kamsitish maqsadini ko'zlamaydi [2]. Uning asosiy maqsadlari quyidagilardan iborat:

- ijtimoiy adolatni tiklash;
- mahkumni tuzatish;
- yangi jinoyatlar sodir etilishining oldini olish;
- jamiyatda huquqiy tartibotni ta'minlash.

Jazoning samaradorligi ushbu maqsadlarga qay darajada erishilganligi bilan belgilanadi. Agar jazo shaxsni tuzatish va uning qayta jinoyat sodir etishining oldini olishga xizmat qilsa, bunday jazo samarali hisoblanadi.

Jinoiy jazoning samaradorligini oshirish strategiyasi – bu jinoiy jazoga tortishning va uni o'tattirishni, jazoga tortilgan shaxslarning axloqan tuzalishiga erishishni, reabilitatsiyasini ta'minlash va ular bilan olib borilayotgan chora-tadbirlarning samaradorligini oshirish qaratilgan istiqboldagi vazifalar yig'indisi.

Jinoiy jazo samaradorligini oshirish strategiyasini ishlab chiqishning zarurati quyidagilarda ko'rinadi:

1. *Retsidiv jinoyatchilikning mavjudligi.* Amaliyotda ayrim mahkumlarning jazoni o'tab bo'lganidan keyin qayta jinoyat sodir etishi kuzatilmoqda. Bu holat jazo tizimida tarbiyaviy va profilaktik mexanizmlarni takomillashtirish zarurligini ko'rsatadi.

2. *Insonparvarlik tamoyilini kuchaytirish.* Zamonaviy huquqiy siyosat inson qadrini ulug'lashga asoslanmoqda. Shu nuqtai nazardan, jazo nafaqat jazolash, balki shaxsni jamiyatga qayta moslashtirishga qaratilgan bo'lishi lozim.

3. *Jazo choralari individuallashtirish.* Har bir jinoyat va jinoyatchining xususiyatlari turlicha bo'lgani sababli jazo tayinlashda individual yondashuv muhim ahamiyat kasb etadi. Bu esa samarali strategiya ishlab chiqishni talab qiladi.

4. *Jamiyat xavfsizligini ta'minlash.* Samarali jazo siyosati jamiyatda qonuniylik va huquqiy tartibotni mustahkamlaydi, aholida adolatga ishonchni oshiradi.

5. *Xalqaro standartlarga moslashish.* Bugungi kunda inson huquqlarini himoya qilish bo'yicha xalqaro standartlar jazo tizimini liberallashtirish va mahkumlarning huquqlarini ta'minlashni talab etmoqda.

Globallashuv davrida inson huquqlarini himoya qilishning xalqaro standartlarini jazoni ijro etish tizimiga to'liq singdirish talab etiladi.

6. *Jazoning ijtimoiy qiymati.* Ozodlikdan mahrum qilish bilan bog'liq bo'lmagan jazo turlarini kengaytirish va ularning ijrosini ta'minlash mexanizmini ishlab chiqish iqtisodiy va ijtimoiy jihatdan samaraliroqdir.

Strategiya quyidagi ustuvor yo'nalishlarni qamrab olishi lozim:

Jazolarni individuallashtirish va differentsiatsiya qilish. Aybdorning shaxsi, jinoyatning sabablari va ijtimoiy xavflilik darajasidan kelib chiqib, jazoni yanada aniqroq tayinlash.

Probatsiya xizmatini rivojlantirish. Jazoning ijtimoiy nazorat funksiyasini kuchaytirish orqali mahkumni jamiyatdan ajratmagan holda tuzatish.

Raqamlashtirish. Jazoni ijro etish jarayonida inson omilini kamaytirish va jarayonning shaffofligini ta'minlash uchun IT-texnologiyalarni joriy etish.

Jinoiy jazo samaradorligini oshirish strategiyasi doirasida quyidagi natijalarga erishish mumkin:

Resotsializatsiya mexanizmi, ya'ni mahkumlarni kasb-hunarga o'rgatish va ularni ish bilan ta'minlash orqali ijtimoiy hayotga qaytarish tizimi tubdan yaxshilanadi.

Qonunchilikni liberallashtirish – jamiyat uchun katta xavf tug'dirmaydigan qilmishlar uchun iqtisodiy va tarbiyaviy ta'sir choralari kuchaytirish.

Jamoatchilik nazorati – jazoni ijro etish muassasalari ustidan jamoatchilik nazoratini kuchaytirish orqali tizimning ochiqqligini ta'minlash.

Jinoiy jazo samaradorligini oshirishning asosiy yo'nalishlari:

1. Alternativ jazo choralari kengaytirish. Ozodlikdan mahrum qilish bilan bog'liq bo'lmagan jazo turlarini qo'llash:

- majburiy jamoat ishlari;
- axloq tuzatish ishlari;
- jarima;
- probatsiya nazorati.

Bu choralar mahkumning ijtimoiy muhitdan uzilib qolmasligiga xizmat qiladi.

2. Probatsiya tizimini takomillashtirish. Probatsiya mahkumlarni ijtimoiy moslashtirish va nazorat qilishning samarali usuli hisoblanadi. U qayta jinoyat sodir etish ehtimolini kamaytiradi.

3. Psixologik va ijtimoiy rehabilitatsiya. Mahkumlar bilan psixologik ishlash, kasb-hunar o'rgatish va ijtimoiy qo'llab-quvvatlash choralari jazoning tarbiyaviy ahamiyatini oshiradi.

4. Raqamli texnologiyalarni joriy etish. Jazoni ijro etish muassasalarida raqamli nazorat va tahlil tizimlarini qo'llash boshqaruv samaradorligini oshiradi.

5. Jamoatchilik ishtirokini kuchaytirish. Nodavlat tashkilotlar, mahalla va fuqarolik jamiyati institutlarining ishtirokini ta'minlash mahkumlarning jamiyatga qayta integratsiyalashuviga yordam beradi.

So'nggi yillarda O'zbekistonda jinoyat va jazo siyosati insonparvarlik tamoyili asosida takomillashtirilmoqda. Jumladan:

- ayrim jinoyatlar dekriminalizatsiya qilinmoqda;
- ozodlikdan mahrum qilish bilan bog'liq bo'lmagan jazolar kengaytirilmoqda;
- probatsiya xizmati rivojlantirilmoqda;
- mahkumlarning huquqlarini himoya qilish kuchaytirilmoqda [3].

Bu islohotlar jazo tizimining samaradorligini oshirish va shaxsni qayta tarbiyalash maqsadlariga xizmat qilmoqda.

Kelgusida jinoiy jazo samaradorligini oshirish uchun quyidagi yo'nalishlarga e'tibor qaratish maqsadga muvofiq:

- sun'iy intellekt asosida kriminologik tahlillarni joriy etish;
- mahkumlarni ish bilan ta'minlash dasturlarini kengaytirish;
- yoshlar jinoyatchiligining oldini olishga qaratilgan maxsus dasturlarni ishlab chiqish;
- jazo ijrosida xalqaro tajribalarni keng qo'llash;
- raqamli probatsiya tizimini rivojlantirish.

Xalqaro tajribadan ma'lum bo'lishicha, zamonaviy dunyoda jazo samaradorligini oshirish quyidagi yo'nalishlarda amalga oshirilmoqda:

Muqobil jazo turlarini kengaytirish: rivojlangan davlatlar (Yevropa Ittifoqi, Kanada)

ozodlikdan mahrum qilish bilan bog'liq bo'lmagan jazolarni (probatsiya, jamoat ishlari va boshqalarni) keng qo'llamoqda. Bu davlat xarajatlarini kamaytirish va mahkumning jamiyatdan uzilib qolmasligini ta'minlaydi.

“Risk-ehtiyoj-javob” (RNR) modeli: Kanada va AQSH tajribasida qo'llaniladigan bu model jinoyatchining qayta jinoyat sodir etish xavfini (risk) baholash va uning aynan qaysi ehtiyojlari (need) jinoyatga undaganini aniqlab, shunga mos rehabilitatsiya dasturini (responsivity) ishlab chiqishni nazarda tutadi.

Tiklanuvchi odil sudlov (Restorative Justice): bunda asosiy e'tibor jabrlanuvchiga yetkazilgan zararni qoplash va aybdorni o'z qilmishini anglab yetishiga qaratiladi. Skandinaviya davlatlarida bu usul retsidiv (qayta jinoyat sodir etish) darajasini sezilarli darajada kamaytirgan.

Raqamlashtirish: xalqaro amaliyotda (Germaniya, Xitoy) jazo tayinlashda sun'iy intellekt va katta ma'lumotlar (Big Data) tahlilidan foydalanilmoqda. Bu sud qarorlarining bir xilligini va adolatligini ta'minlashga xizmat qiladi.

Jazo samaradorligi bo'yicha tadqiqot olib borgan ko'pchilik olimlar o'rtasida ikkita asosiy yondashuv mavjud:

Birinchisi, jazoning muqarrarligi nazariyasi. Jazoning og'irligi emas, balki uning muqarrarligi (hech bir jinoyat jazosiz qolmasligi) eng katta tiyib turuvchi omildir [4].

Ikkinchisi, rehabilitatsiya va resotsializatsiya. Zamonaviy kriminologlarning ta'kidlashicha, qat-tiq jazolar doim ham xavfsizlikni ta'minlay olmaydi. Aksincha, mahkumning ijtimoiy moslashuvi (ish bilan ta'minlash, ta'lim berish va boshqalar) retsidivni kamaytirishi mumkin.

Shuningdek, jazoni ijro etishga jalb etilgan barcha toifadagi xodimlar sinchkovlik bilan tanlanishi kerak, chunki shaxsning to'g'ri yo'lni topib ketishi xodimning vijdonliligi, insonparvarligi, bilimliligi va shaxsiy fazilatlariga ko'p jihatdan bog'liq [5].

Jazoning samaradorligi strategiyasi quyidagilarni o'z ichiga olsa yaxshi samara beradi:

individuallashtirish – har bir shaxsning psixologik portretidan kelib chiqib jazo va tuzatish choralari belgilash.

jamoatchilik nazorati – jazoni ijro etish jarayonida fuqarolik jamiyati institutlari rolini oshirish.

prognozli tahlil – jinoyat sodir etilishi mumkin bo'lgan vaziyatlarni oldindan prognoz qilish va jazoni profilaktik vosita sifatida ishlatish.

Qayd etish joizki, O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2026-yil 16-fevraldagi “Mamlakat taraqqiyotining 2030-yilgacha mo'ljallangan ustuvor yo'nalishlari doirasida islohotlarni izchil davom ettirish va yangi bosqichga olib chiqishning qo'shimcha chora-tadbirlari to'g'risida”gi farmoniga ko'ra, O'zbekiston Respublikasining jinoyat va jinoyat-protsessual qonunchiligini takomillashtirish konsepsiyasi qayta ko'rib chiqilishi lozim [6].

Aynan ushbu konsepsiyaning qayta ko'rib chiqilishi jinoiy jazoning samaradorligini oshirish strategiyasini mustahkamlashga hamda yuqori natijalarga erishishga bevosita asos bo'ladi.

Shuningdek, fikrimizcha, quyidagilar jazoning samaraligiga xizmat qiladi:

1. Turli dasturlarni belgilash va ularni amalga oshirishda tashabbuskor guruhlar va fuqarolarni qo'llab-quvvatlash.

2. Jamoatdan kechirim so'rash bilan o'taladigan jazolar va huquqbuzarliklar ro'yxatini ishlab chiqish.

3. Ozodlikdan mahrum etish bilan bog'liq bo'lmagan jazo turlarini ko'paytirish.

4. Jinoiy jazoning samaradorligini oshirish bo'yicha strategiya ishlab chiqish.

5. Jinoiy jazoning samaradorligini oshirish bo'yicha konsepsiya ishlab chiqish.

6. Mahkumlarni ozodlikka tayyorlash bo'yicha ilmiy tahlil, pedagogik va psixologik

yondashuv asosida Prezident yoki Vazirlar Mahkamasining qarori bilan tasdiqlanadigan alohida dastur qabul qilish. Dasturda:

mahkumlarni ozodlikda to'g'ri hayot yo'lini topib ketishlari hamda ularga ijtimoiy-huquqiy yordam ko'rsatish borasidagi ishlarga daxldor davlat idoralarining ozodlikdan mahrum etish joylariga kelishini ta'minlash hamda ular tomonidan mahkumlar muammolarini o'rganib hal etish choralari ko'ra boshlashlari bo'yicha aniq hamkorlik mexanizmini ko'rsatish;

mahkumlarni ozod bo'lishidan oldin axloqan tuzatish va qayta jinoyat sodir etmasligiga erishish borasida o'tkaziladigan kompleks tarbiyaviy chora-tadbirlarni belgilash;

yosh mahkumlarni tarbiyalash va axloqan tuzatish, ularning Vatanparvarligini oshirish ishlarini kuchaytirish maqsadida har bir muassasada pedagog-tarbiyachi lavozimlarini joriy etish;

mahkumlar tarbiyasi bilan shug'ullanadigan xodimlarning faoliyatini samarali tashkil etish va ularning ijtimoiy himoyasini oshirish, xizmat yilini pedagogik stajga kiritish;

manzil-koloniylarida mahkumlar tarbiyasi bilan bevosita shug'ullanuvchi katta inspektor-ijtimoiy xodim lavozimini ofitserlik lavozimiga o'zgartirish.

7. Mahkumlarni tuzalish yo'liga o'tgan yoki o'tmaganligini aniqlash bo'yicha Jinoyat-ijroiya kodeksida mezonlar belgilangan bo'lsa-da, biroq uni aniqlashning metodikasi mavjud emas. Ushbu muammoni samarali yechimiga erishishda yetakchi olimlar, amaliyot xodimlari, pedagog va psixologlarni jalb etish, shu jumladan chet el tajribasini o'rganish muhimligini inobatga olib, fundamental ilmiy tadqiqot o'tkazish.

Xulosa qilib aytganda, jinoiy jazoning samaradorligini oshirish strategiyasini ishlab chiqish jinoyatchilikka qarshi kurashishning muhim omillaridan biri hisoblanadi. Samarali jazo siyosati nafaqat jinoyat uchun javobgarlikni ta'minlaydi, balki shaxsni tuzatish, uni jamiyatga qayta moslashtirish va yangi jinoyatlarning oldini olishga xizmat qiladi.

Shu bois, jazo tizimini insonparvarlik, adolat va profilaktika tamoyillari asosida takomillash-tirish bugungi kunning dolzarb vazifalaridan biri hisoblanadi.

Insonparvarlik va adolat tamoyillariga asoslangan strategiya tarbiyalash va jamiyatni sog'lomlashtirish vositasiga aylanishiga xizmat qiladi.

Foydalanilgan manbalar / References

1. Mirziyoyev Sh.M. Yangi O'zbekiston strategiyasi. – Toshkent: "O'zbekiston", 2021. – 232-b.
2. O'zbekiston Respublikasining Jinoyat kodeksi, 7-moddasi. <https://www.lex.uz/acts/111453>
3. Huquqbuzarliklar profilaktikasi tizimidagi dolzarb muammolar va ularning yechimlari. https://ipkmvd.uz/media/pdf/kitoblar/11-_toplam_xuquqbuzarlik_lar_profilaktikasi.pdf
4. Rustambayev M.X. O'zbekiston Respublikasining jinoyat huquqi. – Toshkent, 2020. <https://library.tsul.uz/uz/books/24661>
5. BMTning mahkumlar bilan munosabat bo'yicha minimal standart qoidalar (Nelson Mandela qoidalar), 74-qoida. <https://lex.uz/docs/7352133>
6. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2026-yil 16-fevraldagi PF-21-son "Mamlakat taraqqiyotining 2030-yilgacha mo'ljallangan ustuvor yo'nalishlari doirasida islohotlarni izchil davom ettirish va yangi bosqichga olib chiqishning qo'shimcha chora-tadbirlari to'g'risida"gi farmoni. <https://lex.uz/docs/8050769>

HUQUQBUZARLIKLARNING OLDINI OLISH VA JAMOAT XAVFSIZLIGINI TA'MINLASHDA MILLIY SUN'IY INTELLEKT PLATFORMALARIDAN FOYDALANISH ZARURATI

Mirzatillayev Umid Izzatillayevich

O'zbekiston Respublikasi
Kriminologiya tadqiqot instituti,
bosh ilmiy xodimi, yuridik fanlar
bo'yicha falsafa doktori

Исследовательский институт
криминологии Республики
Узбекистан, главный научный
сотрудник, доктор философии
по юридическим наукам

Research Institute of
Criminology of the Republic of
Uzbekistan, Chief Researcher,
Doctor of Philosophy in Law

Annotatsiya. Mazkur maqolada huquqbuzarliklarning oldini olish va jamoat xavfsizligini ta'minlashda milliy sun'iy intellekt platformalaridan foydalanish zarurati ilmiy-amaliy jihatdan tahlil qilinib, O'zbekiston Respublikasi Kriminologiya tadqiqot instituti tomonidan ilmiy-amaliy tadqiqot loyihasi doirasida ishlab chiqilayotgan "Criminology AI" milliy sun'iy intellekt platformasi jamoat xavfsizligini ta'minlashning innovatsion vositasi sifatida asoslangan. Maqolada ushbu platformaning jamoat xavfsizligini mustahkamlashdagi ahamiyati yoritilib, ilmiy-amaliy xulosalar shakllantirilgan.

Kalit so'zlar: huquqbuzarliklar profilaktikasi, jamoat xavfsizligi, sun'iy intellekt, "Criminology AI", milliy sun'iy intellekt platformasi, kriminologik tahlil, jinoyatchilikni prognoz qilish, raqamli kriminologiya, manzilli profilaktika, jamoat tartibi.

THE NECESSITY OF USING NATIONAL ARTIFICIAL INTELLIGENCE PLATFORMS IN CRIME PREVENTION AND ENSURING PUBLIC SAFETY

Abstract. This article provides a scientific and practical analysis of the necessity of using national artificial intelligence platforms in crime prevention and ensuring public safety. It substantiates the "Criminology AI" national artificial intelligence platform – being developed by the Criminology Research Institute of the Republic of Uzbekistan as part of a scientific and practical research project – as an innovative tool for ensuring public safety. The article highlights the significance of this platform in strengthening public safety and formulates scientific and practical conclusions.

Keywords: crime prevention, public safety, artificial intelligence, "Criminology AI," national artificial intelligence platform, criminological analysis, crime forecasting, digital criminology, targeted prevention, public order.

Bugungi globallashuv va raqamli transformatsiya sharoitida huquqbuzarliklarning oldini olish hamda jamoat xavfsizligini ta'minlash masalasi davlat boshqaruvi, huquqni muhofaza qiluvchi organlar faoliyati va kriminologiya fanining eng dolzarb yo'nalishlaridan biriga aylanmoqda. Jinoyatchilik va huquqbuzarliklarning zamonaviy ko'rinishlari tobora murakkablashib, ular an'anaviy ijtimoiy-huquqiy omillar bilan bir qatorda raqamli muhit, axborot texnologiyalari, urbanizatsiya, migratsiya, ishsizlik, oilaviy-maishiy nizolar, yoshlar bandligi, mahalla infratuzilmasi va hududiy kriminogen vaziyat bilan bevosita bog'liq holda namoyon bo'lmoqda [1].

O'zbekiston sharoitida huquqbuzarliklarning oldini olish tizimi izchil rivojlanib borayotgan bo'lsa-da, amaliyotda mavjud tahliliy mexanizmlar ko'p hollarda sodir etilgan jinoyat yoki huquqbuzarliklar bo'yicha statistik ko'rsatkichlarni umumlashtirish, hududlar kesimida solishtirish

va o'tgan davr bilan taqqoslashga asoslanadi. Albatta, bunday yondashuv jinoyatchilikning umumiy holatini baholashda muhim ahamiyatga ega, biroq u huquqbuzarlikka olib keluvchi sabab va sharoitlarni real vaqtga yaqin rejimda aniqlash, jinoyat o'choqlarini oldindan belgilash, kuch va vositalarini barvaqt taqsimlash, shuningdek, jamoat xavfsizligiga tahdid soluvchi holatlarni barvaqt prognoz qilish imkoniyatini to'liq ta'minlab bera olmayapti.

Shu nuqtai nazardan, huquqbuzarliklarning oldini olish va jamoat xavfsizligini ta'minlashda milliy sun'iy intellekt platformalaridan foydalanish zamonaviy profilaktika faoliyatining muhim yo'nalishi sifatida namoyon bo'lmoqda. Sun'iy intellekt (artificial intelligence – AI) texnologiyalari katta hajmdagi ma'lumotlarni qayta ishlash, ulardagi yashirin bog'liqliklarni aniqlash, xavf omillarini guruhlash, hududiy kriminogen vaziyatni baholash va ehtimoliy xavflar bo'yicha tavsiyalar ishlab chiqish imkonini beradi. Bu esa huquqbuzarliklar profilaktikasida ma'lumotlarga asoslangan boshqaruv (data-driven governance – dalillarga tayangan boshqaruv) madaniyatini shakllantirishga xizmat qiladi [2].

Hozirgi vaqtda O'zbekiston Respublikasi Kriminologiya tadqiqot instituti tomonidan ilmiy-amaliy tadqiqot loyihasi doirasida "Criminology AI" milliy sun'iy intellekt platformasi ishlab chiqilmoqda. Mazkur platformani 2026-yil noyabr oyida yakunlash rejalashtirilgan bo'lib, u sodir etilgan jinoyatlar va huquqbuzarliklarning sabab hamda sharoitlarini raqamli ma'lumotlar asosida tahlil qilish, jinoyatchilik va huquqbuzarliklar tendensiyasini prognoz qilish hamda profilaktik choratadbirlarni manzilli belgilashga xizmat qiluvchi milliy intellektual tizim sifatida shakllantirilmoqda.

Mazkur maqolani tayyorlashda huquqbuzarliklarning oldini olish va jamoat xavfsizligini ta'minlashda milliy sun'iy intellekt platformalaridan foydalanish zaruratini ilmiy-amaliy jihatdan asoslashga xizmat qiluvchi kompleks metodologik yondashuvlardan foydalanildi. Maqolada *tizimli tahlil, kriminologik tahlil, qiyosiy-tahliliy, statistik tahlil*, shuningdek *ekspert baholash metodlaridan* keng foydalanildi.

Umuman olganda, mazkur maqolada qo'llanilgan metodlar huquqbuzarliklarning oldini olish va jamoat xavfsizligini ta'minlashda milliy sun'iy intellekt platformalaridan foydalanish zaruratini har tomonlama asoslashga yo'naltirilgan [3]. Tizimli, kriminologik, statistik, qiyosiy, texnologik, ekspert va etik-huquqiy yondashuvlarning uyg'unligi "Criminology AI" platformasini O'zbekiston sharoitida jamoat xavfsizligini ta'minlash, kriminogen xavflarni barvaqt aniqlash va profilaktik qarorlar qabul qilishga ko'maklashuvchi istiqbolli ilmiy-amaliy model sifatida baholash imkonini beradi.

Tadqiqot natijalari shuni ko'rsatadiki, huquqbuzarliklarning oldini olish va jamoat xavfsizligini ta'minlashda milliy sun'iy intellekt platformalaridan foydalanish zarurati bir nechta muhim omillar bilan belgilanadi. Avvalo, zamonaviy huquqbuzarliklar va jinoyatlar tarkibi, sodir etilish usullari, hududiy o'ziga xosliklari hamda ijtimoiy xavflilik darajasi tez o'zgarib bormoqda. Bunday sharoitda an'anaviy statistik tahlil, davriy hisobotlar va umumiy profilaktik tadbirlar jamoat xavfsizligiga tahdid soluvchi omillarni oldindan aniqlash uchun yetarli bo'lmay qolmoqda. Shu sababli huquqbuzarliklar profilaktikasi faoliyatini raqamli ma'lumotlar, prognozli tahlil va sun'iy intellekt imkoniyatlari bilan boyitish zarurati yuzaga kelmoqda.

Milliy sun'iy intellekt platformalariga ehtiyojni belgilovchi omillar. *Birinchidan*, huquqbuzarliklar va jinoyatlarning ayrim turlari qisqa muddat ichida keskin o'zgarishi mumkin. Ayniqsa, kiberjinoyatlar, internet firibgarligi, jamoat joylarida sodir etiladigan bezorilik, yoshlar o'rtasidagi huquqbuzarliklar, oilaviy-maishiy nizolar, transport infratuzilmasi bilan bog'liq xavflar va aholining zich joylashgan hududlaridagi kriminogen holatlar tezkor monitoringni talab qiladi [8].

Ikkinchidan, jamoat xavfsizligini ta'minlashda resurslarni to'g'ri taqsimlash masalasi dolzarbdir. Profilaktika inspektorlari, patrul-post xizmati, "mahalla yettiligi", tahliliy bo'linmalar va

boshqa subyektlarning imkoniyatlari cheklangan sharoitda ularni eng xavfli hududlarga, eng dolzarb huquqbuzarlik turlariga va eng muhim ijtimoiy guruhlariga yo'naltirish zarur. Sun'iy intellekt platformasi aynan qaysi hududda, qaysi vaqtda, qaysi turdagi huquqbuzarlik xavfi ortayotganini aniqlash orqali profilaktika kuchlarini oqilona boshqarish imkonini beradi.

"Criminology AI" platformasining konseptual natijasi. Mazkur platformaning birinchi muhim natijasi – *kriminogen ma'lumotlar bazasini shakllantirish*. Ushbu baza jinoyat va huquqbuzarliklar statistikasi, hududiy kriminogen vaziyat, demografik va ijtimoiy-iqtisodiy ko'rsatkichlar, mahalla darajasidagi jinoyat omillari hamda boshqa ma'lumotlarni yagona tizimga birlashtirish imkonini beradi. Natijada jamoat xavfsizligiga oid qarorlar alohida-alohida axborotlarga emas, balki kompleks ma'lumotlar majmuasiga tayangan holda qabul qilinadi [4].

Ikkinchi natija – *xavf omillarini avtomatik aniqlash* imkoniyati. "Criminology AI" huquqbuzarliklar sodir bo'lishiga ta'sir qiluvchi ijtimoiy, hududiy, shaxsiy, iqtisodiy, infratuzilmaviy va vaqtga bog'liq omillarni aniqlaydi. Masalan, muayyan hududda yoshlar bandligining pastligi, tungi yoritishning yetarli emasligi, avvalgi huquqbuzarliklar ko'pligi, spirtli ichimlik savdosi obyektlari zichligi, jamoat joylarida nazorat sustligi yoki oilaviy-maishiy nizolar ortishi xavfni kuchaytiruvchi omillar sifatida ko'rsatilishi mumkin [9].

Uchinchi natija – *hududiy xavf xaritalarini shakllantirish*. Platforma geografik axborot tizimi asosida mahalla, tuman, shahar yoki aniq obyektlar kesimida kriminogen xavf darajasini aks ettirishi mumkin. Bunday xaritalar profilaktika inspektorlari, hududiy ichki ishlar organlari va mahalla tizimi uchun qaysi joylarda nazoratni kuchaytirish, qaysi hududlarda ijtimoiy profilaktika tadbirlarini faollashtirish, qaysi obyektlar atrofida xavfsizlik choralari ko'rish zarurligini aniqlashda yordam beradi [7].

Jamoat xavfsizligini ta'minlashdagi amaliy imkoniyatlar. "Criminology AI" platformasidan jamoat xavfsizligini ta'minlashda bir nechta amaliy yo'nalishda foydalanilishi mumkin.

Birinchi yo'nalish – *mahallalar kesimida xavfsizlik monitoringi*. Mahalla O'zbekiston huquqbuzarliklar profilaktikasi tizimining eng muhim bo'g'ini hisoblanadi. Platforma mahalladagi huquqbuzarliklar dinamikasi, ijtimoiy muammolar, notinch oilalar, ishsiz yoshlar, jamoat joylari, nizoli vaziyatlar va infratuzilmaviy kamchiliklarni umumlashtirib, profilaktika inspektori va mahalla mas'ullariga xavf darajasini ko'rsatishi mumkin [10].

Ikkinchi yo'nalish – *jamoat joylarida xavf omillarini baholash*. Bozorlar, savdo markazlari, transport bekatlari, ko'ngilochar maskanlar, istirohat bog'lari, ta'lim muassasalari atrofidagi hududlar ko'p sonli aholining harakatlanishi bilan bog'liq bo'lgani sababli, u yerda huquqbuzarlik xavfi yuqori bo'lishi mumkin. Platforma bunday hududlarda takroriy holatlar, vaqtga bog'liq xavflar va mavsumiy o'zgarishlarni tahlil qilib, xavfsizlik choralari oldindan belgilashga yordam beradi [11].

Uchinchi yo'nalish – *profilaktika inspektorlari faoliyatini tahliliy qo'llab-quvvatlash*. Har bir profilaktika inspektori o'z hududidagi real xavf omillarini aniq bilishi, qaysi oilalar, qaysi yosh guruhlari, qaysi obyektlar yoki qaysi ko'chalar profilaktik e'tiborni talab qilishini ko'ra olishi kerak. "Criminology AI" profilaktika inspektoriga katta hajmdagi ma'lumotlar orasidan eng muhim xavf signallarini ajratib beradi [12].

To'rtinchi yo'nalish – *tezkor ogohlantirish tizimi*. Agar muayyan hududda ma'lum turdagi huquqbuzarlik yoki jinoyatning keskin ortish xavfi aniqlansa, platforma mas'ul subyektlarga avtomatik ogohlantirish yuborishi mumkin. Bu ogohlantirishlar profilaktika tadbirlarini kechiktirmasdan boshlash, kuch va vositalarni tezkor safarbar qilish va xavfli holatlarning oldini olish imkonini beradi [6].

Tadqiqot natijalari shuni ko'rsatadiki, huquqbuzarliklarning oldini olish va jamoat xavfsizligini ta'minlashda milliy sun'iy intellekt platformalaridan foydalanish masalasi faqat texnologik yangilik sifatida emas, balki huquqbuzarliklar profilaktikasi faoliyatini sifat jihatidan yangi bosqichga olib chiqishga qaratilgan strategik yondashuv sifatida baholanishi lozim. Chunki zamonaviy huquqbuzarlik ko'p omilli, tez o'zgaruvchan va hududiy xususiyatlarga ega bo'lib, ularni faqat statistik hisobot yoki an'anaviy kuzatuvlar orqali to'liq baholash qiyin. Shu bois "Criminology AI" platformasi huquqbuzarliklar profilaktikasini reaktiv boshqaruvdan proaktiv, ya'ni xavfni oldindan aniqlashga asoslangan boshqaruv tizimiga o'tkazishda muhim ahamiyatga ega bo'lishi mumkin [13].

Mazkur platformaning eng muhim jihati —u huquqbuzarlik va jinoyatni alohida sodir bo'lgan fakt sifatida emas, balki shaxs, makon, vaqt, ijtimoiy muhit, infratuzilma va profilaktika faoliyati bilan uzviy bog'liq tizimli hodisa sifatida tahlil qilishga imkon beradi. An'anaviy profilaktikada ayrim hollarda huquqbuzarlik sodir etilganidan keyin uning sabablari o'rganiladi va tegishli tavsiyalar ishlab chiqiladi. Sun'iy intellekt asosidagi yondashuv esa bunday sabab va sharoitlarni oldindan aniqlashga intiladi. Bu esa profilaktika ishlarini kechikkan ta'sir choralaridan barvaqt ogohlantirish va oldini olish mexanizmiga aylantiradi.

Shu bilan birga, "Criminology AI" platformasining samaradorligi, birinchi navbatda, ma'lumotlar sifati bilan belgilanadi. Agar tizimga kiritilayotgan ma'lumotlar to'liq, ishonchli, yangilangan va yagona formatga keltirilgan bo'lmasa, eng ilg'or algoritm ham noto'g'ri yoki noaniq xulosa berishi mumkin. Shu sababli platformani yaratishda jinoyat va huquqbuzarliklar statistikasi, jinoyatchilikka oid hisobotlar, hududiy kriminogen vaziyat, demografik va ijtimoiy-iqtisodiy ko'rsatkichlar, mahalla ma'lumotlari, infratuzilmaviy omillar hamda sud-tergov hujjatlari bo'yicha yagona ma'lumotlar bazasini shakllantirish zarur [14].

Platformani amaliyotga joriy etishda yana bir muhim masala – algoritmik noxolislik xavfi. Sun'iy intellekt tizimi noto'g'ri yoki bir tomonlama ma'lumotlar asosida o'qitilsa, ayrim hududlar, ijtimoiy guruhlar yoki shaxslar toifasiga nisbatan noxolis xulosa chiqarishi mumkin. Shu sababli "Criminology AI"da xavfni baholash mexanizmi adolat, qonuniylik va inson huquqlariga hurmat tamoyillariga qat'iy asoslanishi kerak. Platforma hech qanday holatda shaxsni avtomatik tarzda "huquqbuzarlikka moyil" yoki "jinoyat sodir etuvchi" sifatida belgilamasligi lozim.

"Criminology AI" platformasining milliy xususiyati ham alohida e'tiborga loyiq. Xorijiy sun'iy intellekt tizimlari ma'lum davlatlarning huquqni muhofaza qilish modeli, ijtimoiy tuzilmasi va ma'lumotlar bazasiga mos ishlab chiqilgan. Ularni O'zbekiston sharoitiga to'g'ridan-to'g'ri ko'chirish kutilgan natijani bermasligi mumkin. Chunki O'zbekistonda mahalla instituti, profilaktika inspektorlari faoliyati, oilaviy-maishiy munosabatlar, yoshlar bilan ishlash tizimi, hududiy demografik farqlar va jamoatchilik nazorati o'ziga xos ahamiyatga ega. Shuning uchun milliy platforma aynan O'zbekistonning huquqiy, ijtimoiy va kriminologik real ehtiyojlariga tayangan holda ishlab chiqilishi zarur.

Amaliy jihatdan platformaning muvaffaqiyati uning foydalanuvchilar uchun qanchalik qulay va tushunarli bo'lishiga ham bog'liq. Profilaktika inspektori yoki hududiy rahbar murakkab algoritmik jarayonlarni emas, balki aniq xavf signallari, hududiy xarita, tavsiya etilgan choralar va kutilayotgan natijalarni ko'ra olishi kerak [15]. Demak, "Criminology AI" texnologik jihatdan murakkab bo'lsa-da, foydalanuvchi interfeysi sodda, amaliy va qaror qabul qilishga yo'naltirilgan bo'lishi lozim.

Umuman olganda, muhokama natijalari "Criminology AI" platformasining huquqbuzarliklarni oldini olish va jamoat xavfsizligini ta'minlashda katta salohiyatga ega ekanini

ko'rsatadi. Biroq ushbu salohiyat faqat texnologik imkoniyatlar bilan emas, balki ma'lumotlar sifati, huquqiy kafolatlar, etik mezonlar, milliy sharoitga moslashuv, foydalanuvchi tayyorgarligi va institutsional hamkorlik bilan belgilanadi. Shu bois platformani ishlab chiqish va joriy etish jarayoni kompleks, bosqichma-bosqich va ilmiy asoslangan tarzda olib borilishi lozim.

Shunday qilib, "Criminology AI" milliy sun'iy intellekt platformasi O'zbekiston sharoitida huquqbuzarliklar profilaktikasini modernizatsiya qilish, jamoat xavfsizligini ta'minlashda ma'lumotlarga asoslangan qarorlar qabul qilishni rivojlantirish va kriminogen xavflarni barvaqt aniqlashga xizmat qiluvchi muhim innovatsion vosita sifatida baholanishi mumkin. Uning to'g'ri, qonuniy va etik talablarga mos joriy etilishi mamlakatda xavfsiz ijtimoiy muhitni mustahkamlash, profilaktika subyektlari faoliyatini samarali tashkil etish va kriminologik tadqiqotlarning amaliy natijadorligini oshirishga xizmat qiladi.

Yuqoridagi tahlillar shuni ko'rsatadiki, huquqbuzarliklarning oldini olish va jamoat xavfsizligini ta'minlashda milliy sun'iy intellekt platformalaridan foydalanish O'zbekiston sharoitida nafaqat texnologik yangilik, balki profilaktika tizimini sifat jihatidan yangi bosqichga olib chiqishga xizmat qiluvchi muhim ilmiy-amaliy zarurat hisoblanadi. Bugungi kunda huquqbuzarliklarning shakli, sodir etilish usullari, hududiy tarqalishi va ijtimoiy xavfilik darajasi tez o'zgarib borayotgani profilaktika faoliyatida an'anaviy yondashuvlar bilan bir qatorda, raqamli tahlil, prognozlash va sun'iy intellekt imkoniyatlaridan foydalanishni talab etmoqda.

Tadqiqot natijalariga ko'ra, "Criminology AI" milliy sun'iy intellekt platformasi huquqbuzarliklarning oldini olish, jinoyatlarning sabab va sharoitlarini aniqlash, kriminogen xavf omillarini baholash, hududiy xavf xaritalarini shakllantirish, huquqbuzarliklar tendensiyasini prognoz qilish va profilaktik chora-tadbirlarni manzilli belgilashga xizmat qiluvchi istiqbolli intellektual tizim sifatida namoyon bo'ladi.

Maqola doirasida quyidagi ilmiy-amaliy xulosalarni ilgari surish mumkin:

birinchidan, huquqbuzarliklarni oldini olish va jamoat xavfsizligini ta'minlashda ma'lumotlarga asoslangan boshqaruv tizimini shakllantirish zarur. Bunda jinoyat va huquqbuzarliklar statistikasi, mahalla darajasidagi kriminogen vaziyat, ijtimoiy-demografik ko'rsatkichlar, infratuzilmaviy omillar, profilaktika tadbirlari natijalari va boshqa axborotlar yagona tahliliy tizimda jamlanishi lozim;

ikkinchidan, "Criminology AI" platformasi huquqbuzarliklar profilaktikasida xavf omillarini barvaqt aniqlash, kriminogen hududlarni belgilash, jamoat joylaridagi xavfsizlik holatini baholash va profilaktika kuchlarini oqilona taqsimlash imkonini beruvchi milliy raqamli-intellektual vosita sifatida qaralishi kerak;

uchinchidan, "Criminology AI" platformasini amaliyotga joriy etishda shaxsga doir ma'lumotlarni himoya qilish, axborot xavfsizligini ta'minlash, algoritmik noxolislikning oldini olish, inson huquqlari va qonuniylik prinsiplariga qat'iy rioya etish muhim shart hisoblanadi;

to'rtinchidan, platformaning samaradorligini oshirish uchun uni pilot hududlarda sinovdan o'tkazish, sun'iy intellekt tavsiyalari asosida amalga oshirilgan profilaktika tadbirlarining natijalarini baholash, ekspertlar xulosasi asosida algoritmlarni takomillashtirish va foydalanuvchilar uchun metodik qo'llanmalar ishlab chiqish zarur;

beshinchidan, "Criminology AI" O'zbekistonda raqamli kriminologiya, kriminologik prognoz, hududiy xavf xaritalari, profilaktika samaradorligini baholash va jamoat xavfsizligini ta'minlashda ilmiy asoslangan qarorlar qabul qilish madaniyatini rivojlantirishga xizmat qiluvchi strategik loyiha sifatida baholanishi mumkin.

Umumiy xulosa sifatida aytish mumkinki, milliy sun'iy intellekt platformalaridan foydalanish O'zbekistonning huquqbuzarliklar profilaktikasi tizimini zamonaviy, tezkor, manzilli va natijaga yo'naltirilgan boshqaruv modeliga aylantirish imkonini beradi. "Criminology AI" platformasi esa ushbu jarayonda muhim ilmiy-amaliy yechim bo'lib, jamoat xavfsizligini ta'minlash, xavfli hududlarni barvaqt aniqlash, profilaktika subyektlari faoliyatini tahliliy qo'llab-quvvatlash va xavfsiz ijtimoiy muhitni mustahkamlashga xizmat qiladi. Shu bois mazkur platformani ishlab chiqish va amaliyotga tatbiq etish mamlakatda jinoyatchilik va huquqbuzarliklarning oldini olish tizimini raqamli transformatsiya qilishning dolzarb yo'nalishlaridan biri hisoblanadi.

Foydalanilgan manbalar / References

1. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining "Jamoat xavfsizligini ta'minlash va jinoyatchilikka qarshi kurashish sohasini ilmiy tadqiq qilish faoliyatini sifat jihatidan yangi bosqichga ko'tarish chora-tadbirlari to'g'risida" 2024-yil 15-yanvardagi PF-10-son farmoni // Qonunchilik ma'lumotlari milliy bazasi. – URL: <https://lex.uz/docs/-6755597>.
2. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining "Kriminologiya sohasida ilmiy-amaliy tadqiqot ishlarini tashkil etish chora-tadbirlari to'g'risida" 2024-yil 15-yanvardagi PQ-22-son qarori // Qonunchilik ma'lumotlari milliy bazasi. – URL: <https://lex.uz/docs/-6755253>.
3. O'zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasining "Kriminologik faoliyatni ilmiy ta'minlash chora-tadbirlari to'g'risida"gi 2024-yil 24-iyuldagi 445-son qarori // Qonunchilik ma'lumotlari milliy bazasi. – URL: <https://lex.uz/docs/-7034904>.
4. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining "Sun'iy intellekt texnologiyalarini 2030-yilga qadar rivojlantirish strategiyasini tasdiqlash to'g'risida" 2024-yil 14-oktyabrdagi PQ-358-son qarori // Qonunchilik ma'lumotlari milliy bazasi. – URL: <https://lex.uz/docs/-7158604>.
5. O'zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasining "2025–2026-yillarda sun'iy intellekt texnologiyalarini rivojlantirish bo'yicha chora-tadbirlar to'g'risida" 2025-yil 10-iyuldagi 425-son qarori // Qonunchilik ma'lumotlari milliy bazasi. – URL: <https://lex.uz/docs/-7621993>.
6. National Institute of Justice. Artificial Intelligence [Elektron resurs]. – Washington, D.C.: National Institute of Justice. – URL: <https://nij.ojp.gov/topics/artificial-intelligence>.
7. National Institute of Justice. Overview of Predictive Policing [Elektron resurs]. – Washington, D.C.: National Institute of Justice. – URL: <https://nij.ojp.gov/topics/articles/overview-predictive-policing>.
8. Perry W.L., McInnis B., Price C.C., Smith S.C., Hollywood J.S. Predictive Policing: The Role of Crime Forecasting in Law Enforcement Operations. – Santa Monica: RAND Corporation, 2013. –186 p.
9. Mohler G.O., Short M.B., Brantingham P.J., Schoenberg F.P., Tita G.E. Randomized Controlled Field Trials of Predictive Policing // Journal of the American Statistical Association. –2015. –Vol. 110, № 512. –P. 1399–1411.
10. Ratcliffe J.H. Intelligence-Led Policing. –2nd ed. –London; New York: Routledge, 2016. –234 p.
11. Ferguson A.G. The Rise of Big Data Policing: Surveillance, Race, and the Future of Law Enforcement. –New York: New York University Press, 2017. –272 p.
12. Barocas S., Hardt M., Narayanan A. Fairness and Machine Learning: Limitations and Opportunities. –Cambridge: MIT Press, 2023. –368 p.
13. Mehrabi N., Morstatter F., Saxena N., Lerman K., Galstyan A. A Survey on Bias and Fairness in Machine Learning // ACM Computing Surveys. –2021. –Vol. 54, № 6. –Article 115. –P. 1–35.
14. European Union Agency for Fundamental Rights. Facial Recognition Technology: Fundamental Rights Considerations in the Context of Law Enforcement. –Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2019. –32 p.
15. United Nations Office on Drugs and Crime. Handbook on the Crime Prevention Guidelines: Making Them Work. –New York: United Nations, 2010. –128 p.

KORRUPSIYAGA QARSHI KURASHISH VA UNING OLDINI OLISHDA “MAHALLA YETTILIGI” TIZIMINING KRIMINOLOGIK AHAMIYATI

Kaxarova Munira Maxamadjanovna

O'zbekiston Respublikasi
Kriminologiya tadqiqot instituti,
siyosiy fanlar doktori

Исследовательский институт
криминологии Республики
Узбекистан, доктор
политических наук

Research Institute of
Criminology of the Republic of
Uzbekistan, Doctor of Political
Sciences

Annotatsiya. Maqolada fuqarolik jamiyatining eng quyi bo'g'ini hisoblangan mahalla instituti tizimida, xususan, "mahalla yettiligi" faoliyatida korruptsiyaga qarshi kurashish, aholining huquqiy madaniyatini yuksaltirish va raqamli transformatsiya jarayonlari tizimli tahlil qilingan. Tadqiqotda R. Klitgardning korruptsiya modeliga tayangan holda, "Onlayn mahalla" va "Elektron profilaktika" platformalarining inson omilini va byurokratik to'siqlarni kamaytirishdagi roli baholangan. Mahalla darajasida ichki korruptsiyaviy barqarorlikni ta'minlash maqsadida antikorrupsion komplayens-nazorat, blokcheyn texnologiyasi va samaradorlikning raqamli KPI indikatorlarini joriy etish bo'yicha ilmiy-amaliy taklif va tavsiyalar ishlab chiqilgan.

Kalit so'zlar: "mahalla yettiligi", korruptsiyaga qarshi kurash, raqamlashtirish, "Digital Mahalla", huquqiy madaniyat, komplayens-nazorat, KPI indikatorlari, blokcheyn, R. Klitgard, shaffoflik, jamoatchiliknazorati.

CRIMINAL SIGNIFICANCE OF THE “MAHALLA SEVEN” SYSTEM IN FIGHTING AND PREVENTING CORRUPTION

Abstract. The article provides a systematic analysis of the processes of combating corruption, raising the legal culture of the population, and digital transformation within the system of the mahalla institution, specifically focusing on the activities of the "mahalla seven" as the grassroots level of civil society. Drawing on R. Klitgaard's corruption model, the study evaluates the role of digital platforms such as "Online Mahalla", and "E-Profilaktika" in minimizing the human factor and bureaucratic barriers. Scientific and practical proposals and recommendations have been developed for implementing anti-corruption compliance control, blockchain technologies, and digital key performance indicators (KPIs) to ensure internal corruption resilience at the mahalla level.

Keywords: Mahalla Seven, anti-corruption, digitalization, Digital Mahalla, legal culture, compliance control, KPI indicators, blockchain, R. Klitgaard, transparency, public control.

Jamiyatning siyosiy va iqtisodiy barqarorligiga tahdid soluvchi eng xavfli illatlardan biri bo'lgan korruptsiyaga qarshi kurashish bugungi kunda nafaqat huquqni muhofaza qiluvchi organlar, balki keng jamoatchilik, jumladan, fuqarolarning o'zini o'zi boshqarish organlarining ham asosiy vazifasi va maqsadiga aylanmoqda. Hozirgi kunda insoniyatning kelajagiga raxna solayotgani ushbu illatga qarshi global, mintaqaviy hamda alohida davlatlar miqyosida keng qamrovli va ko'p taraflama yondashuvlarga asoslangan holda kurash olib borilmoqda [1].

O'zbekiston Respublikasida amalga oshirilayotgan mahallabay ishlash tizimining yangi bosqichi sifatida tashkil etilgan "mahalla yettiligi" bugungi kunda davlat va jamiyat o'rtasida

to'g'ridan-to'g'ri ko'priki hisoblanadi. O'zbekiston Respublikasi Prezidenti Shavkat Mirziyoyev ta'kidlaganidek, "... islohotlarimizning ostonasi bo'lgan har bir mahallaga Yangi O'zbekiston nafasini olib kirish, eng avvalo, "mahalla yettiligi"ning yagona jamoa bo'lib ishlashiga bevosita bog'liq" [2]. Bu tizimning asosiy afzalligi shundaki, u ijtimoiy ko'maklashish, tadbirkorlikni qo'llab-quvvatlash va moliyaviy resurslarni taqsimlash jarayonlarini bevosita xalqning ko'z o'ngida, insoniy omillarni minimallashtirgan holda amalga oshirish imkoniyatini beradi.

Respublikaning 2025-yilgi kriminogen vaziyati va sud statistikasi ma'lumotlariga ko'ra, sodir etilgan umumiy korrupsiyaviy jinoyatlarning qariyb 75 foizi aynan quyi bo'g'inga – tuman va bevosita mahalla darajasidagi maishiy korrupsiya shakllariga to'g'ri kelgan [3]. Maishiy korrupsiyaning bunday yuqori ko'rsatkichi fuqarolarning kundalik hayotiy ehtiyojlari: moddiy yordam, subsidiya, yer, kredit, bandlik va ijtimoiy xizmatlar bevosita mahalliy mansabdor shaxslarning qarorlariga bog'liq ekanligi hamda jarayonlarda inson omilining yuqoriligi bilan izohlanadi. Ushbu tizimli muammoni ildizi bilan bartaraf etish va mahalla hududida korrupsiyaviy xavf-xatarlarni barvaqt aniqlash maqsadida joriy etilgan "mahalla yettiligi" instituti bugungi kunda maishiy tamagiriklikka qarshi kompleks preventiv qalqon vazifasini bajarmoqda. Bunda "yettilik" a'zolarining har biri aniq, qonunan mustahkamlangan funksional vazifalarga ega bo'lib, ularning tarqoq emas, balki o'zaro integratsiyalashgan holda harakat qilishi tizimli va ko'p bosqichli jamoatchilik nazoratini ta'minlaydi.

Ushbu aksilkorrupsion zanjirning markaziy bo'g'ini sifatida mahalla raisi umumiy rahbarlikni amalga oshiradi va jamoatchilik nazorati mexanizmlarini muvofiqlashtiradi. Shuningdek, u mahalla byudjetining shakllanishi va sarflanishi ustidan nazorat o'rnatib, qarorlar qabul qilinishida kollegiallik va oshkoralik tamoyillarini ta'minlaydi. Iqtisodiy va ijtimoiy qo'llab-quvvatlash sohasidagi eng yirik xavflar jamlangan yo'nalishga mas'ul bo'lgan hokim yordamchisi esa imtiyozli kreditlar, subsidiyalar ajratish va moddiy yordam ko'rsatish jarayonlarida shaffoflikni kafolatlaydi. Hokim yordamchisi arizalarni ko'rib chiqishda qarindosh-urug'chilik va tanish-bilishchilik omillarini istisno qilish uchun aholini toifalash tizimini elektronlashtiradi va mablag'larning faqatgina haqiqiy ehtiyojmand tadbirkorlarga yetib borishini ta'minlaydi.

Mahalla ichidagi ijtimoiy ro'yxatlarni shakllantirish va inson omili tufayli yuzaga keladigan suiiste'molchiliklarning oldini olishda xotin-qizlar faoli va yoshlar yetakchisi muhim rol o'ynaydi. Ular tegishli "Ayollar daftari" va "Yoshlar daftari"ga fuqarolarni kiritish, ularga mehnat qurollari yoki o'qish pullarini qoplab berish uchun tavsiyanomalar ajratishda ochiqlikni ta'minlaydi; har bir nomzod "yettilik"ning umumiy muhokamasidan o'tkazilgani bois, shaxsiy manfaatdorlik evaziga ro'yxatlarni soxtalashtirish xavfi bartaraf etiladi. Shu bilan birga, mahallada ijtimoiy adolatni ta'minlash, yolg'iz keksalar va nogironligi bor shaxslarga nafaqa hamda rehabilitatsiya vositalarini tarqatishda ijtimoiy xodim vaziyatni bevosita joyiga chiqib o'rganadi va korrupsiogen vaziyatlar yuzaga kelishi mumkin bo'lgan "yashirin byurokratiya"ni cheklaydi.

Tizimning huquqiy va moliyaviy xavfsizligini ta'minlashda profilaktika inspektori va soliq inspektorining o'zaro hamkorligi hal qiluvchi ahamiyatga ega. Profilaktika inspektori mahallada huquqbuzarliklarning, shu jumladan mahalliy amaldorlar tomonidan sodir etiladigan vakolatni suiiste'mol qilish holatlarining oldini olish va korrupsiyaga qarshi murosasizlik muhitini yaratish bo'yicha tezkor-profilaktik choralarni ko'radi. Soliq inspektori esa mahalladagi tadbirkorlik subyektlarini xufiyona iqtisodiyotdan olib chiqish, noqonuniy pul aylanmalari va soliqdan qochish maqsadida beriladigan pora holatlarini jilovlash bilan shug'ullanadi. Qisqa qilib aytganda, "mahalla yettiligi"ning bunday integratsiyalashgan modeli bir tomonlama qaror qabul qilish tizimiga chek qo'yadi; har bir qaror, ajratilayotgan har bir so'm mablag' yetti xil soha vakilining nazorati va raqamli

tizimlar elagidan o'tgan holda amalga oshiriladi, bu esa 75 foizlik maishiy korrupsiya ko'rsatkichini keskin kamaytirishning eng samarali institutsional yechimi hisoblanadi.

Ilmiy tadqiqotlarda qayd etilishicha, mahalla darajasidagi eng yuqori korrupsiyaviy xavflar aynan ijtimoiy nafaqalar va imtiyozli moliyaviy mablag'larni taqsimlash jarayonlariga to'g'ri keladi [4]. Xotin-qizlar faoli va yoshlar yetakchisi tomonidan ehtiyojmand qatlamlarning ro'yxatlari – "Ayollar daftari", "Yoshlar daftari"ni shakllantirishda raqamli texnologiyalardan foydalanilishi va "yettilik"ning birgalikdagi tasdig'i mablag'larning manzilli yetib borishini kafolatlaydi va mahalliy mansabdor shaxslarning o'z vakolatlarini suiiste'mol qilish imkoniyatlarini cheklaydi.

Shu bilan birga, mahalla ichidagi huquqiy madaniyatni yuksaltirish va aholida korrupsiyaga nisbatan murosasizlik hissini shakllantirish ushbu tizimning ustuvor maqsadlaridan biridir. Profilaktika inspektori va ijtimoiy xodimning oilalar bilan doimiy muloqoti fuqarolarning huquqiy savodxonligini oshirishga xizmat qiladi. O'zbekiston Respublikasining "Korrupsiyaga qarshi kurashish to'g'risida"gi qonunining 16-moddasida davlat organlari va fuqarolarning o'zini o'zi boshqarish organlari aholining huquqiy omilkorligini oshirish orqali korrupsiyaning oldini olishi belgilab qo'yilgan [5]. "Yettilik" tomonidan muntazam ravishda o'tkazib kelinayotgan huquqiy-ma'rifiy targ'ibot tadbirlari, interfaol ochiq muloqotlar hamda empirik sotsiologik so'rovnomalar hududning o'ziga xos ijtimoiy diagnostikasi vazifasini o'taydi. Mazkur profilaktik-ma'rifiy mexanizmlar fuqarolarning nafaqat o'z subyektiv huquqlari va qonuniy manfaatlarini chuqur anglashiga, balki jamiyatda korrupsiogen omillarni identifikatsiya qilish layoqatini oshirishga xizmat qiladi.

Shuni alohida ta'kidlash joizki, yuqorida qayd etilgan chora-tadbirlar majmui mahalliy darajada har qanday tamagirlik, byurokratik to'siqlar yoki adolatsizlik holatlari yuzasidan vakolatli organlarga xabar berish madaniyati shakllanishiga olib keladi. Natijada, jamiyatda korrupsiyaga qarshi kurashishda passiv kuzatuvchanlikdan faol fuqarolik pozitsiyasiga va ta'sirchan jamoatchilik nazoratiga o'tish jarayoni tezlashadi hamda qonun ustuvorligi tamoyilining quyi tizimda to'laqonli ishlashi ta'minlanadi.

Zamonaviy davlat boshqaruvi tizimida raqamli texnologiyalarni joriy etish institutsional islohotlarning eng samarali vositasi bo'lib xizmat qilmoqda. Xususan, quyi bo'g'in boshqaruv tizimida "Digital Mahalla" konsepsiyasining izchil amaliyotga tatbiq etilishi "mahalla yettiligi" faoliyati shaffofligini ta'minlash va tizimdagi korrupsiogen omillarga barham berishning bosh mezoniga aylandi. Mahalla darajasida aholiga ko'rsatiladigan ijtimoiy xizmatlar, manzilli moddiy ko'mak va iqtisodiy resurslarni taqsimlash jarayonlarining "Onlayn mahalla" va "E-ijtimoiy profilaktika" kabi ixtisoslashtirilgan raqamli platformalarga integratsiya qilinishi ma'muriy tartib-taomillarni maksimal darajada algoritmlashtirdi. Bu, o'z navbatida, mansabdor shaxslarning o'z xohishiga ko'ra qaror qabul qilish vakolatlarini cheklab, subyektlar o'rtasidagi bevosita aloqani, ya'ni "inson omili"ni hamda an'anaviy byurokratik to'siqlarni keskin kamaytirishga olib keldi.

Xalqaro tajriba va davlat boshqaruvi nazariyasi shuni ko'rsatadiki, korrupsiyaga qarshi kurash strategiyasida mahalliy boshqaruv organlarining raqamli shaffofligi va hisobdorligi eng yuqori samaradorlik ko'rsatkichlarini (KPI) namoyish etadi. Taniqli tadqiqotchi R. Klitgardning korrupsiya modeliga ko'ra, ma'muriy monopoliya va qaror qabul qilishdagi erkinlik korrupsiya darajasini oshiradi, shaffoflik va hisobdorlik esa uni minimallashtiradi. Shu nuqtai nazardan, mahalliy boshqaruvda raqamli nazorat tizimining o'rnatilishi korrupsiyaviy xavf-xatarlarni barvaqt monitoring qilish va ularni tizimli bartaraf etishning eng maqbul yechimi ekanligi isbotlangan [6].

Ushbu kontekstda, "mahalla yettiligi" tizimining iqtisodiy blokini tashkil etuvchi subyektlar – hokim yordamchisi va soliq inspektorining kichik va o'rta biznes vakillari bilan o'zaro hamkorlik

jarayonlarining tizimli ravishda raqamli nazoratga olinishi alohida aksiologik ahamiyat kasb etadi. Mazkur subyektlar faoliyatining raqamlashtirilishi tadbirkorlik subyektlari faoliyatiga asossiz aralashuvlar va noqonuniy tekshirishlarni cheklovchi avtomatik filtr vazifasini o'taydi. Ma'lumotlarning markazlashtirilgan elektron bazalarda aks ettirilishi xufiyona iqtisodiyot ulushini qisqartirishga, tadbirkorlik faoliyatini legallashtirishga va pirovardida mahalliy darajada sog'lom raqobat muhitini shakllantirish uchun mustahkam ijtimoiy-iqtisodiy zamin hozirlaydi.

Xulosa qilib aytganda, "mahalla yettiligi" instituti jamiyatning eng quyi bo'g'inida korrupsiyaviy xavf-xatarlarni barvaqt aniqlash, ularning determinantlarini bartaraf etish va aholi o'rtasida antikorrupsion immunitetni shakllantirishda strategik institutsional qalqon vazifasini bajarmoqda. Ushbu tizimning joriy etilishi davlat boshqaruvini detsentralizatsiya qilish va jamoatchilik nazoratini bevosita fuqarolarga yaqinlashtirish imkonini berdi.

Biroq, mazkur institutning ijtimoiy-huquqiy potensialidan to'liq foydalanish va uning faoliyatida shaffoflikni ta'minlash bir qator ichki tashkiliy-huquqiy va raqamli mexanizmlarni modernizatsiya qilishni talab etadi. Mahalla darajasida shaffoflik, ijtimoiy adolat va qonun ustuvorligining qaror topishi davlatning korrupsiyadan xoli mamlakatga aylanishi yo'lidagi eng muhim institutsional poaydevordir.

Ilmiy va amaliy takliflar. "Mahalla yettiligi" tizimining aksilkorrupsion faoliyati samaradorligini sifat jihatidan yangi bosqichga ko'tarish maqsadida quyidagi ilmiy-amaliy takliflar ilgari suriladi:

1. *Ichki korrupsiyaviy barqarorlikni (Komplayens-nazorat) joriy etish.* "Mahalla yettiligi" a'zolari uchun maxsus "Mahalla antikorrupsion komplayens kodeksi"ni ishlab chiqish va amaliyotga kiritish lozim. Kodeks doirasida "yettilik" a'zolarining manfaatlar to'qnashuvini, ayniqsa, moddiy yordam, subsidiyalar ajratish va tadbirkorlikni qo'llab-quvvatlash jarayonlarida majburiy deklaratsiya qilish tizimini yo'lga qo'yish.

2. *Natijadorlikni baholashning raqamli indikatorlarini (KPI) takomillashtirish.* "Yettilik" faoliyatini baholashda inson omilini butunlay istisno qiluvchi, avtomatlashtirilgan va aholining real qoniqish darajasini aks ettiruvchi "Mahalla raqamli reytingi" tizimini yaratish. KPI ko'rsatkichlari tarkibiga mahallada korrupsiyaviy omillarning kamayganligi, ijtimoiy dasturlarning shaffof taqsimlanishi va fuqarolarning tizimdan qoniqish indeksini sotsiologik so'rovlar va onlayn ovoz berish orqali asosiy mezon sifatida kiritish.

3. *Tizimli ravishda aksilkorrupsion kognitiv treninglarni tashkil etish.* Davlat xizmatini rivojlantirish hamda Korrupsiyaga qarshi kurashish agentliklari hamkorligida "yettilik" a'zolari uchun muntazam ravishda "Korrupsiyadan xoli mahalla boshqaruvi" maxsus malaka oshirish kurslarini institutsionallashtirish. Treninglarda asosiy e'tiborni nafaqat nazariy bilimlarga, balki korrupsiyaviy xavf-xatarlarni baholash, psixologik barqarorlik va komplayens vositalari bilan ishlash bo'yicha amaliy keyslarga qaratish.

4. *Jamoatchilik nazorati va xabar berish madaniyatini raqamlashtirish.* Fuqarolar uchun mahalla darajasidagi tamagirlik yoki adolatsizlik holatlari haqida anonim va xavfsiz xabar berish imkonini beruvchi yagona «mahalla-nazorat» raqamli bot yoki platforma yaratish. Mazkur tizim orqali kelib tushgan murojaatlar bevosita yuqori turuvchi nazorat organlari – prokuratura, Korrupsiyaga qarshi kurashish agentligi tomonidan monitoring qilinishini ta'minlash va bu orqali mahalliy darajadagi xufiyona kelishuvlarning oldini olish.

5. *Ijtimoiy xizmatlar va subsidiyalar ajratilishini to'liq audit qilish.* "Onlayn mahalla" platformasida blokcheyn texnologiyasini joriy etish orqali ijtimoiy yordam va subsidiya oluvchilar ro'yxati shakllanishini jamoatchilik uchun ochiq va o'zgartirib bo'lmaydigan formatga o'tkazish. Bu

tizim "mahalla yettiligi" tomonidan ro'yxatlarni sun'iy ravishda o'zgartirish yoki tanish-bilishchilik asosida mablag' ajratish imkoniyatini texnik jihatdan yo'qqa chiqaradi.

Ushbu takliflarning huquqiy va tashkiliy jihatdan hayotga tatbiq etilishi: mahalla darajasida byurokratik korrupsiya ulushini kamida 80–90% ga qisqartirishga; davlat va jamiyat o'rtasidagi ishonch ko'prigini mustahkamlashga; xalqaro reytinglarda O'zbekistonning mavqeyini sifat jihatdan yaxshilashga xizmat qiladi.

Foydalanilgan manbalar / References

1. Mirziyoyev Sh.M. Yangi O'zbekiston taraqqiyot strategiyasi. Uchinchi nashr. – Toshkent: "O'zbekiston" nashriyoti, 2022. – 346 b.
2. Mirziyoyev Sh.M. Mahalla tizimini yanada takomillashtirish va joylarda ishlarni samarali tashkil etish masalalari yuzasidan o'tkazilgan videoselektor yig'ilishidagi ma'ruza. 14.10.2025. <https://president.uz/uz>.
3. Mirziyoyev Sh.M. 2025-yil 5-mart kuni Korrupsiyaga qarshi kurashish milliy kengashi yig'ilishidagi ma'ruza. <https://gov.uz/uz/news>.
4. Rustambayev M.H. O'zbekistonning Jinoyat kodeksiga sharhlar (Umumiy qism) to'ldirilgan va qayta ishlangan to'rtinchi nashr. – Toshkent: TDYUU, 2023. – 45-b.
5. O'zbekiston Respublikasining "Korrupsiyaga qarshi kurashish to'g'risida"gi qonuni // O'zbekiston Respublikasi qonun hujjatlari to'plami, 2017-y., 1-son, 3-modda.
6. Klitgaard R. Controlling Corruption. – University of California Press, 2021. – P. 112

JINOYATCHILIKKA QARSHI KURASHISHDA GENETIK (DNK) IDENTIFIKATSIYANING ILMIY-NAZARIY ASOSLARI

Abduraximov Muxtor Xodjiakbarovich

O'zbekiston Respublikasi IIV
Tashkiliy departamenti Yuridik
ta'minlash boshqarmasi, yuridik
fanlar bo'yicha falsafa doktori
(PhD), dotsent

Министерство внутренних дел
Республики Узбекистан,
доктор философии по
юридическим наукам (PhD),
доцент

Ministry of Internal Affairs of the
Republic of Uzbekistan, Doctor
of Philosophy in Legal Sciences
(PhD), Associate Professor

Annotatsiya. Maqolada genetik (DNK) identifikatsiyaning nazariy asoslari, kriminalistik identifikatsiya tizimidagi o'rni va jinoyatlarni tergov qilishdagi ahamiyati tahlil qilingan. Genotiposkopiyaning shakllanishi, uning molekulyar genetika, populyatsion genetika, bioinformatika va matematik statistika bilan bog'liq ilmiy asoslari yoritilgan. Shuningdek, Rapid DNA texnologiyasining huquqni muhofaza qiluvchi organlar faoliyatidagi imkoniyatlari hamda genetik ma'lumotlardan foydalanishning huquqiy va bioetik jihatlarini ko'rib chiqilgan. Tadqiqot natijalari genetik identifikatsiyaning shaxsni aniqlash va jinoyatlarni fosh etishdagi yuqori ishonchli hamda samarali kriminalistik usul ekanligini ko'rsatadi.

Kalit so'zlar: genetik identifikatsiya, DNK, genotiposkopiya, kriminalistik identifikatsiya, molekulyar genetika, populyatsion genetika, bioinformatika, Rapid DNA, kriminalistika, sud ekspertizasi.

SCIENTIFIC AND THEORETICAL FOUNDATIONS OF GENETIC (DNA) IDENTIFICATION IN THE FIGHT AGAINST CRIME

Abstract. The article analyzes the theoretical foundations of genetic (DNA) identification, its role in the forensic identification system, and its significance in criminal investigation. The establishment of genotyping and its scientific foundations related to molecular genetics, population genetics, bioinformatics, and mathematical statistics are highlighted. The possibilities of Rapid DNA technology in the activities of law enforcement agencies, as well as the legal and bioethical aspects of using genetic information, are also considered. The research results demonstrate that genetic identification is a highly reliable and effective forensic method for identifying individuals and solving crimes.

Keywords: genetic identification, DNA, genotyping, forensic identification, molecular genetics, population genetics, bioinformatics, Rapid DNA, forensics, forensic examination.

Zamonaviy globalashuv sharoitida jinoyatchilikning transmilliy xususiyat kasb etishi, axborot-kommunikatsiya texnologiyalarining jadal sur'atlarda rivojlanishi, aholi migratsiyasi ko'lamining kengayishi hamda jinoyat sodir etish mexanizmlarining tobora murakkablashib borishi huquqni muhofaza qiluvchi organlar faoliyatiga yangi talablarni qo'yimoqda. Ayniqsa, jinoyatlarni tezkor fosh etish, jinoyat sodir etgan shaxslarni aniqlash, dalillarni ishonchli baholash hamda aybsiz shaxslarni jinoiy ta'qibdan himoya qilishda zamonaviy fan-texnika yutuqlarini huquqni qo'llash amaliyotiga tatbiq etish muhim ahamiyat kasb etmoqda.

So'nggi o'n yilliklarda inson genomi sohasida amalga oshirilgan fundamental tadqiqotlar natijasida kriminalistika fanida yangi ilmiy yo'nalish – genetik (DNK) identifikatsiya shakllandi. Hozirgi kunda DNK tahlili inson shaxsini aniqlashning eng yuqori darajadagi aniqlik va

ishonchlilikka ega bo'lgan usuli sifatida xalqaro miqyosda tan olingan. Ushbu texnologiya nafaqat jinoyatlarni fosh etish, balki bedarak yo'qolgan shaxslarni qidirish, tanib olinmagan murdalarni identifikatsiya qilish, qarindoshlik munosabatlarini belgilash, ommaviy ofatlar oqibatlarini bartaraf etish hamda sud xatolarini aniqlash va tuzatishda ham keng qo'llanilmoqda.

Ayniqsa, genetik texnologiyalarning avtomatlashtirilishi, raqamlashtirilishi va bioinformatik platformalar bilan integratsiyalashuvi DNK identifikatsiyaning amaliy ahamiyatini yanada oshirdi. Natijada mazkur texnologiya zamonaviy kriminalistikaning eng istiqbolli va yuqori texnologiyali yo'nalishlaridan biriga aylandi.

Kriminalistikaning fundamental nazariyalaridan biri kriminalistik identifikatsiya nazariyasi hisoblanadi. Uning mohiyati muayyan obyektning individual belgilari majmuasi asosida aynanligini belgilashdan iborat bo'lib, mazkur nazariya jinoyatlarni tergov qilish va isbotlash jarayonining metodologik asosini tashkil etadi.

“Identifikatsiya” atamasi lotincha “identifico” so'zidan kelib chiqqan bo'lib, “aynanlikni aniqlash” ma'nosini anglatadi [1]. Kriminalistik identifikatsiya nazariyasi esa jinoyat sodir etish jarayonida hosil bo'lgan moddiy izlar, ularning xususiyatlari va o'zaro bog'liqliklarini tadqiq etish orqali obyektlarning aynanligini aniqlash qonuniyatlarini o'rganuvchi ta'limot sifatida shakllangan [2; 26-27-b.].

Kriminalistik identifikatsiya nazariyasining shakllanishi va rivojlanishiga salmoqli hissa qo'shgan olimlardan biri R.S. Belkin hisoblanadi. Olimning ta'kidlashicha, identifikatsiya muayyan obyektning individual xususiyatlari orqali uning aynanligini belgilashga qaratilgan bilish jarayoni bo'lib, jinoyatni ochish va isbotlash faoliyatining muhim nazariy hamda metodologik asosini tashkil etadi [3]. V.Ya. Koldin esa kriminalistik identifikatsiyani jinoyat ishi bo'yicha obyektiv haqiqatni aniqlashning universal usuli sifatida baholab, mazkur nazariyaning rivojlanishi fan-texnika taraqqiyoti bilan chambarchas bog'liq ekanligini ta'kidlaydi [4]. Ushbu ilmiy yondashuvlar genetik identifikatsiyaning kriminalistik identifikatsiya nazariyasining mantiqiy va tabiiy davomi sifatida shakllanganligini ko'rsatadi.

Kriminalistik identifikatsiya usullarining tarixi insoniyat taraqqiyoti bilan uzviy bog'liq bo'lib, ular quyidagi bosqichlarda rivojlangan: tanani tamg'alash; antropometriya; politsiya fotografiyasi; daktiloskopiya; serologiya; genotiposkopiya; avtomatlashtirilgan biometrik identifikatsiya tizimlari [5; 47-b.].

Mazkur bosqichlarning har biri o'z davri uchun muhim ahamiyatga ega bo'lgan bo'lsa-da, genotiposkopiyaning paydo bo'lishi kriminalistik identifikatsiya sohasida haqiqiy ilmiy-texnologik inqilobni yuzaga keltirdi.

XX asrning ikkinchi yarmida molekulyar biologiya va genetika sohasida amalga oshirilgan fundamental tadqiqotlar inson DNKsining individual xususiyatlarini aniqlash imkonini berdi. Genetik identifikatsiyaning shakllanishi ingliz genetigi Alek Jeffris (Jeffreys A.J.) nomi bilan bog'liq. U 1984-yilda inson DNKsida yuqori darajada polimorfizmga ega bo'lgan nuqtalarni aniqlab, “DNA fingerprinting” deb nomlangan usulni taklif qildi. Mazkur kashfiyot shaxsni uning biologik izlari orqali yuqori darajada ishonchli identifikatsiya qilish imkoniyatini yaratib, kriminalistika tarixida yangi bosqichni boshlab berdi [6; 314-b.]. Natijada shaxsning genetik xususiyatlaridan kriminalistik maqsadlarda foydalanish imkoni paydo bo'ldi.

Genotiposkopiya yoki DNK-identifikatsiya inson organizmiga tegishli biologik obyektlarda saqlanuvchi genetik ma'lumotlar asosida shaxsni aniqlashga qaratilgan ilmiy asoslangan kriminalistik usul hisoblanadi. Mazkur usul inson genomining individual xususiyatlarini tadqiq qilishga asoslangan bo'lib, uning yuqori darajadagi ishonchliligi va aniqligi bilan ajralib turadi.

Ushbu texnologiyaning joriy etilishi natijasida avval ochilmay qolgan ko'plab jinoyatlar fosh etildi, sud xatolari bartaraf etildi hamda nohaq ayblangan shaxslarning aybsizligi isbotlandi. Shu sababli amerikalik olimlar M. Saks va J. Koehler DNK tahlilini "identifikatsiya qilishning oltin standarti" sifatida baholaganlar [7; 361-372-b.].

Sud genetikasi sohasidagi yetakchi mutaxassislardan biri Butler J.M. ham DNK identifikatsiyani zamonaviy sud ekspertizasining eng ishonchli biometrik texnologiyasi sifatida baholaydi. Olimning fikricha, STR-markerlar asosida shakllantirilgan genetik profillar inson shaxsini aniqlashda favqulodda yuqori darajadagi ishonchlilikni ta'minlaydi va shu jihatdan an'anaviy identifikatsiya usullariga nisbatan sezilarli ustunliklarga ega [8].

Genetik identifikatsiyaning yuqori samaradorligi uning mustahkam ilmiy-nazariy asoslarga tayanishi bilan izohlanadi. Ushbu texnologiyaning ishonchliligi molekulyar genetika, populyatsion genetika, matematik statistika, bioinformatika va kriminalistika sohalari bilimlarining o'zaro integratsiyasi natijasida ta'minlanadi.

Molekulyar genetika genetik identifikatsiyaning fundamental ilmiy asosini tashkil etadi. U DNK molekulasining tuzilishi, funksiyalari, irsiy axborotning saqlanishi va avlodan-avlodga uzatilishi mexanizmlarini o'rganadi. Genetik identifikatsiya jarayonida inson genomining yuqori darajada polimorfizmga ega bo'lgan nuqtalari tahlil qilinadi. Aynan mazkur genetik variativlik shaxslarni bir-biridan farqlash va individuallashtirish imkonini beradi.

Zamonaviy sud-ekspertlik amaliyotida qisqa tandem takrorlanishlar (STR – Short Tandem Repeats) genetik identifikatsiyaning asosiy molekulyar markerlari sifatida qo'llaniladi. STR-markerlar inson genomida bir necha marta takrorlanuvchi nukleotid ketma-ketliklaridan tashkil topgan bo'lib, ularning takrorlanish soni har bir shaxsda o'ziga xos xususiyatga ega. Shu bois STR-profillar amalda har bir inson uchun individual genetik kombinatsiyani shakllantiradi, faqat bir tuxumli egizaklar bundan mustasno. Mazkur holat STR-texnologiyalarini kriminalistik identifikatsiyaning eng ishonchli vositalaridan biri sifatida baholash imkonini beradi.

Genetik identifikatsiyaning nazariy asoslarida populyatsion genetika ham muhim o'rin egallaydi. U aholi guruhlari genetik allellarning tarqalish qonuniyatlari, ularning variativligi va uchrash chastotasini tadqiq etadi. Populyatsion genetika ma'lumotlari DNK tadqiqotlari natijalarining statistik ahamiyati va ishonchliligini baholashda muhim ahamiyat kasb etadi.

Xususan, muayyan DNK-profilning aholi orasida tasodifiy mos kelish ehtimoli (Random Match Probability) maxsus statistik modellar asosida hisoblanadi. Amaliyotda mazkur ehtimol ayrim hollarda bir necha milliard inson orasida bitta holatga teng bo'lishi mumkin. Bu esa DNK dalillarining yuqori darajadagi ishonchliligini ilmiy jihatdan asoslaydi.

Shu bilan birga, Kaye D.H. va Smith M.E. DNK dalillarining isbotlovchi qiymati ularni statistik jihatdan to'g'ri talqin qilish bilan uzviy bog'liq ekanligini ta'kidlaydilar. Olimlarning fikricha, genetik moslik ehtimolini baholashda populyatsion genetika usullaridan foydalanish sud qarorlarining obyektivligi va ilmiy asoslanganligini ta'minlashda muhim ahamiyatga ega [9].

Genetik identifikatsiyaning ilmiy ishonchliligi matematik statistika usullari bilan yanada mustahkamlanadi. Har bir STR-lokus bo'yicha olingan natijalar ehtimollar nazariyasi va statistik tahlil usullari yordamida baholanadi. Bu esa ekspert xulosalarining nafaqat biologik, balki matematik nuqtai nazardan ham asoslanganligini ta'minlaydi. Shu sababli DNK tadqiqotlari zamonaviy sud-ekspertlik amaliyotida yuqori darajadagi ilmiy dalil sifatida e'tirof etilmoqda.

Zamonaviy genetik tadqiqotlarning yana bir muhim tarkibiy qismi – bioinformatika. Bu biologiya, matematika, statistika va axborot texnologiyalari sohalari integratsiyasi negizida shakllangan fan bo'lib, katta hajmdagi genetik ma'lumotlarni qayta ishlash, saqlash, tahlil qilish imkonini beradi.

Bioinformatik texnologiyalar yordamida:

- DNK-profillar shakllantiriladi;
- genetik ma'lumotlar bazalari yuritiladi;
- genetik profillarni avtomatlashtirilgan tarzda taqqoslash amalga oshiriladi;
- ehtimoliy mosliklar aniqlanadi;
- identifikatsiya natijalarining statistik tahlili o'tkaziladi.

Shu nuqtai nazardan, genetik identifikatsiyani fundamental va amaliy fanlar integratsiyasining muvaffaqiyatli namunasi sifatida baholash mumkin.

So'nggi yillarda raqamli texnologiyalar, katta ma'lumotlar (Big Data) va sun'iy intellekt tizimlarining jadal rivojlanishi genetik identifikatsiya sohasiga ham sezilarli ta'sir ko'rsatmoqda. Zamonaviy bioinformatik platformalar millionlab genetik profillarni qisqa vaqt ichida qayta ishlash imkonini berib, tergov jarayonining tezkorligi va samaradorligini oshirmoqda. Shu munosabat bilan ayrim tadqiqotchilar genetik ma'lumotlar bazalarini sun'iy intellekt texnologiyalari bilan integratsiya qilish kelajak kriminalistikasining ustuvor yo'nalishlaridan biri ekanligini ta'kidlaydilar [9].

Genetik identifikatsiya sohasidagi eng muhim innovatsion yutuqlardan biri Rapid DNA texnologiyasining yaratilishi hisoblanadi. Mazkur texnologiya biologik namunalarni an'anaviy laboratoriyalarga yubormasdan turib, qisqa vaqt ichida to'liq DNK tahlilini amalga oshirish imkonini beradi.

Rapid DNA qurilmalari avtomatlashtirilgan rejimda quyidagi jarayonlarni bajaradi:

- biologik namunadan DNK ajratib olish;
- polimeraza zanjir reaksiyasi (PZR) orqali DNK fragmentlarini ko'paytirish;
- STR-markerlarni tahlil qilish;
- DNK-profilni shakllantirish;
- mavjud ma'lumotlar bazalari bilan avtomatik taqqoslash.

Ushbu jarayonlarning barchasi o'rtacha 90–120 daqiqa ichida amalga oshirilishi mumkin. Natijada jinoyatlarni "issiq izidan" fosh etish, gumon qilinuvchilarni tezkor aniqlash hamda tezkor qidiruv faoliyati samaradorligini oshirish uchun qo'shimcha imkoniyatlar yaratiladi.

2017-yilda AQSHda qabul qilingan Public Law №115–50 qonuni Rapid DNA texnologiyasini huquqni muhofaza qiluvchi organlar amaliyotiga rasman joriy etish uchun huquqiy asos yaratdi. Mazkur texnologiya ekspertlik muassasalari yuklamasini kamaytirish, tergov muddatlarini qisqartirish va protsessual qarorlar qabul qilish tezkorligini ta'minlashga xizmat qilmoqda.

Bugungi kunda genetik identifikatsiya kriminalistik tadqiqotlarning eng samarali va ishonchli turlaridan biri sifatida e'tirof etilmoqda. Bu quyidagi omillar bilan izohlanadi:

- shaxsni aniqlashda favqulodda yuqori darajadagi aniqlik;
- juda kichik miqdordagi biologik materialdan ham natija olish imkoniyati;
- eski yoki qisman degradatsiyaga uchragan biologik namunalarni tahlil qilish imkoniyati;
- qarindoshlik munosabatlarini ishonchli aniqlash imkoniyati;
- bedarak yo'qolgan shaxslarni qidirish samaradorligini oshirishi;
- tanib olinmagan murdalarni identifikatsiya qilish imkoniyati;
- ko'p yillar avval sodir etilgan jinoyatlarni qayta tergov qilish imkoniyati;
- aybsiz shaxslarni rehabilitatsiya qilish uchun ishonchli dalil sifatida xizmat qilishi.

Shu jihatdan genetik identifikatsiya nafaqat jinoyat sodir etgan shaxslarni aniqlash vositasi, balki odil sudlovni ta'minlash, inson huquqlarini himoya qilish va sud xatolarining oldini olish mexanizmi sifatida ham muhim ahamiyat kasb etadi.

Genetik ma'lumotlar insonning eng shaxsiy va o'zgarmas biologik xususiyatlarini aks ettiruvchi axborot hisoblanadi. Shu sababli ulardan foydalanish jarayonida huquqiy va bioetik talablarga qat'iy rioya qilinishi lozim.

Xalqaro huquqiy standartlarga muvofiq, genetik ma'lumotlar bilan ishlash quyidagi tamoyil-larga asoslanishi kerak:

- qonuniylik;
- inson qadr-qimmati va shaxsiy hayot daxlsizligini hurmat qilish;
- konfidensiallik;
- ma'lumotlar xavfsizligini ta'minlash;
- diskriminatsiyaga yo'l qo'ymaslik;
- ma'lumotlardan maqsadli va cheklangan tarzda foydalanish;
- mustaqil nazorat mexanizmlarining mavjudligi.

Yevropa Ittifoqining GDPR Nizomi genetik ma'lumotlarni alohida toifadagi shaxsiy ma'lumotlar sifatida baholaydi hamda ularni qayta ishlash uchun qonuniy asos va kuchaytirilgan huquqiy kafolatlar mavjud bo'lishini talab qiladi.

Bioetika sohasidagi tadqiqotchi Jorj Annas genetik ma'lumotlarni insonning kelajak biologik identifikatori sifatida baholab, ulardan noqonuniy yoki asossiz foydalanish inson huquqlari, shaxsiy hayot daxlsizligi va tenglik prinsiplariga jiddiy tahdid solishi mumkinligini ta'kidlaydi. Shu bois genetik ma'lumotlarni yig'ish, saqlash va qayta ishlash jarayonida huquqiy kafolatlar hamda mustaqil nazorat mexanizmlarining mavjudligi muhim ahamiyat kasb etadi [10].

Raqamli transformatsiya sharoitida genetik ma'lumotlarni kriptografik himoya qilish, ularga ruxsatsiz kirishning oldini olish, axborot xavfsizligi auditlarini muntazam amalga oshirish va ma'lumotlar bazalarining kiberxavfsizligini ta'minlash genetik axborot muhofazasining muhim shartlaridan hisoblanadi.

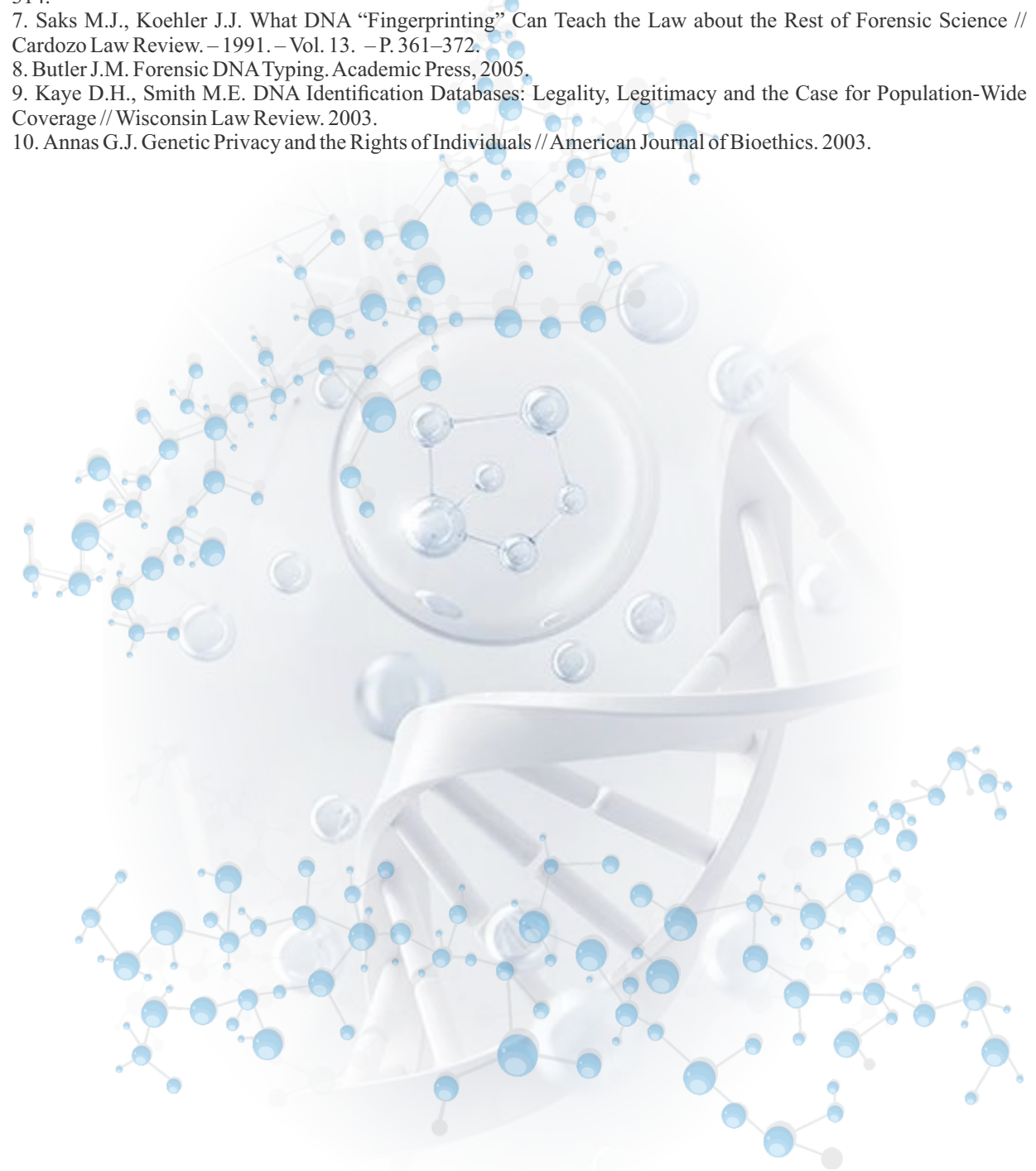
Tadqiqot natijalari quyidagi ilmiy xulosalarni shakllantirish imkonini berdi:

1. Genetik (DNK) identifikatsiya zamonaviy kriminalistik identifikatsiyaning eng yuqori aniqlikka ega bo'lgan ilmiy asoslangan turi hisoblanadi.
2. DNK identifikatsiyaning nazariy poydevorini molekulyar genetika, populyatsion genetika, matematik statistika, bioinformatika va kriminalistika fanlarining integratsiyalashgan bilimlari tashkil etadi.
3. Genotiposkopiyaning joriy etilishi kriminalistik identifikatsiya sohasida sifat jihatidan yangi bosqichni boshlab berib, shaxsni biologik izlar orqali yuqori darajada ishonchli identifikatsiya qilish imkonini yaratdi.
4. Rapid DNA texnologiyasi genetik identifikatsiyani tezkor amalga oshirish imkoniyatini ta'minlab, jinoyatlarni fosh etish va tergov qilish samaradorligini sezilarli darajada oshirmoqda.
5. Genetik identifikatsiyaning yuqori darajadagi aniqligi uning fanlararo xususiyatga ega ekanligi va turli fundamental hamda amaliy fanlar yutuqlariga tayanishi bilan izohlanadi.
6. Genetik ma'lumotlardan foydalanish jarayonida inson huquqlari, shaxsiy hayot daxlsizligi, bioetik tamoyillar va axborot xavfsizligi talablariga rioya qilinishi mazkur texnologiyaning huquqiy legitimligi hamda jamiyat tomonidan qabul qilinishi uchun zarur shart hisoblanadi.

Foydalanilgan manbalar / References

1. Идентификация. Электронный манбаб: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B8%D1%84%D0%B8>
2. Машков С.А., Огородникова А.В. О значении ДНК-анализа и геномной регистрации // Эксперт-криминалист. – 2021. – № 1. – С. 26-28.
3. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. – М.: Юристъ, 1997.
4. Колдин В.Я. Криминалистическая идентификация. – М.: Норма, 2002.
5. Коннова Л.А., Артамонова Г.К. Идентификации личности – история развития и вклад в безопасность жизнедеятельности // Журнал. Безопасность жизнедеятельности, 2021. – С. 47.
6. Jeffreys A.J., Wilson V., Thein S.L. Hypervariable “minisatellite” regions in human DNA // Nature. – 1985. – Vol. 314.
7. Saks M.J., Koehler J.J. What DNA “Fingerprinting” Can Teach the Law about the Rest of Forensic Science // Cardozo Law Review. – 1991. – Vol. 13. – P. 361–372.
8. Butler J.M. Forensic DNA Typing. Academic Press, 2005.
9. Kaye D.H., Smith M.E. DNA Identification Databases: Legality, Legitimacy and the Case for Population-Wide Coverage // Wisconsin Law Review. 2003.
10. Annas G.J. Genetic Privacy and the Rights of Individuals // American Journal of Bioethics. 2003.

GLOBALLASHUV JARAYONIDA GIYOHVANDLIK VA ZAHARVANDLIKNING OLDINI OLISH – DOLZARB IJTIMOIIY-HUQUQIIY MUAMMO SIFATIDA

Tashpulatov Nodir Anvarovich

O'zbekiston Respublikasi Ichki ishlar vazirligi Maxsus operatsiyalarni muvofiqlashtirish boshqarmasi bosh mutaxassisi

Департамент координации специальных операций
Министерства внутренних дел
Республики Узбекистан,
главный специалист

Chief Specialist of the Special Operations Coordination
Department of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan

Annotatsiya. Mazkur maqolada globallashuv sharoitida giyohvandlik va zaharvandlikning jahon miqyosida tarqalish tendensiyalari, ularning aholi salomatligi, jamoat xavfsizligi hamda ijtimoiy barqarorlikka ko'rsatayotgan salbiy ta'siri tahlil qilingan. Shuningdek, mazkur illatlarning oldini olish, aholi, ayniqsa yoshlar o'rtasida profilaktik chora-tadbirlarni kuchaytirish zarurati asoslab berilgan.

Kalit so'zlar: giyohvandlik, zaharvandlik, psixoaktiv moddalar, globallashuv, profilaktika, yoshlar, jamoat xavfsizligi, narkologik yordam.

PREVENTION OF DRUG ADDICTION AND POISONING IN THE PROCESS OF GLOBALIZATION – AS AN URGENT SOCIO-LEGAL PROBLEM

Abstract. This article analyzes the trends in the spread of drug addiction and toxic substance abuse in the context of globalization, as well as their negative impact on public health, public safety, and social stability. It also substantiates the need to strengthen preventive measures among the population, especially young people, to prevent these negative phenomena.

Keywords: drug addiction, substance abuse, psychoactive substances, globalization, prevention, youth, public safety, addiction treatment services.

Hozirgi globallashuv sharoitida giyohvandlik va zaharvandlik insoniyat oldida turgan eng dolzarb ijtimoiy-huquqiy, tibbiy va demografik muammolardan biriga aylanib bormoqda. Psixoaktiv moddalarning noqonuniy aylanmasi transmilliy jinoyatchilikning yuqori daromad keltiruvchi yo'nalishlaridan biri sifatida nafaqat aholi salomatligiga, balki davlatlar xavfsizligi, iqtisodiy barqarorligi va ijtimoiy taraqqiyotiga ham jiddiy tahdid solmoqda [1]. Axborot-kommunikatsiya texnologiyalarining rivojlanishi, internet va ijtimoiy tarmoqlar orqali giyohvandlik moddalari savdosining yangi shakllari paydo bo'lishi, xalqaro migratsiya va global transport-kommunikatsiya tarmoqlarining kengayishi mazkur muammoning yanada chuqurlashishiga sabab bo'lmoqda.

Bugungi kunda dunyo miqyosida giyohvandlik bilan bog'liq vaziyat tobora murakkablashib bormoqda. BM'Tning Giyohvandlik va jinoyatchilik bo'yicha boshqarmasi tomonidan 2025-yilda e'lon qilingan "World Drug Report 2025" hisobotiga ko'ra, dunyoda 316 million nafardan ortiq kishi giyohvandlik moddalarni iste'mol qiladi va bu 15–64 yoshdagi aholining taxminan 6 foizini tashkil etadi. Ushbu ko'rsatkich 2013-yildagi 5,2 foizlik darajaga nisbatan sezilarli o'sishni namoyon qilib,

so'nggi o'n yil ichida giyohvandlik moddalarini iste'mol qiluvchilar soni oshganligini ko'rsatadi. Hisobotda qayd etilishicha, giyohvandlikdan aziyat chekayotgan shaxslar soni 64 million nafarga yetgan bo'lib, ularning aksariyati zarur tibbiy va ijtimoiy yordamdan to'liq foydalana olmayapti [2]. Bu holat giyohvandlikning nafaqat sog'liqni saqlash sohasi, balki jamoat xavfsizligi, demografik barqarorlik va ijtimoiy taraqqiyot uchun ham jiddiy tahdidga aylanganligini ko'rsatadi [3].

Tahlillar shuni ko'rsatadiki, giyohvandlik moddalari orasida kannabis eng keng tarqalgan tur hisoblanadi. Uni iste'mol qiluvchilar soni 244 million nafardan ortiq bo'lib, barcha giyohvandlik moddalari iste'molchilarining asosiy qismini tashkil etadi. Shuningdek, taxminan 61 million nafar shaxs opioid moddalarni, millionlab insonlar esa amfetaminlar, kokain va sintetik psixostimulyatorlarni iste'mol qilmoqda [3]. Ayniqsa, sintetik giyohvandlik moddalarining nisbatan arzonligi va yashirin tarqatish imkoniyatlari ularning yoshlar o'rtasida tez sur'atlarda ommalashishiga olib kelmoqda.

Giyohvandlikning ijtimoiy xavfi uning inson salomatligiga ko'rsatayotgan salbiy ta'siri bilan ham belgilanadi. Jahon bo'yicha 64 million nafarga yaqin shaxsda psixoaktiv moddalarni iste'mol qilish natijasida ruhiy holat va xulq-atvor bilan bog'liq turli buzilishlar aniqlangan. Shu bilan birga, 13,2 million nafardan ziyod inson giyohvandlik moddalarini inyeksiya orqali qabul qilishi OITS (VICH) va virusli gepatit kasalliklarining tarqalish xavfi yuqori darajaga yetganini anglatadi [2]. Mutaxassislarning baholashicha, inyeksion giyohvandlar orasida VICH infeksiyasiga chalinish ehtimoli umumiy aholiga nisbatan bir necha barobar yuqori hisoblanadi.

Globallashuv sharoitida zaharvandlik ham alohida xavfli ijtimoiy illat sifatida namoyon bo'lmoqda. Zaharvandlik bilan bog'liq holatlarda asosan retseptor dori vositalari, maishiy kimyoviy mahsulotlar va ingalyantlar suiiste'mol qilinadi. Mazkur vositalarning nisbatan arzonligi, erkin muomalada mavjudligi hamda ayrim hollarda huquqiy cheklovlarining kamligi ularning o'smirlar va yoshlar o'rtasida keng tarqalishiga zamin yaratmoqda. Xalqaro tadqiqotlar yoshlar giyohvandlikka dastlab aynan toksikomanik xususiyatga ega moddalarni iste'mol qilishdan boshlashini ko'rsatmoqda [4].

Muammoning yana bir tashvishli jihati davolash va rehabilitatsiya xizmatlarining yetarli darajada emasligi bilan bog'liq. Jahon statistikasi ma'lumotlariga ko'ra, narkologik kasalliklarga chalingan har 11 nafar shaxsdan faqat bittasi maxsus tibbiy yordam olish imkoniyatiga ega. Ayollar o'rtasida mazkur ko'rsatkich yanada past bo'lib, yordamga muhtoj bo'lgan har 18 nafar ayoldan faqat bittasi professional davolanish xizmatlaridan foydalanmoqda. Bu esa giyohvandlik va zaharvandlikka qarshi kurashishda profilaktika chora-tadbirlari bilan bir qatorda davolash va rehabilitatsiya tizimini takomillashtirish ham muhim ahamiyat kasb etishini ko'rsatadi.

Yuqorida keltirilgan statistik ma'lumotlar va tahlillar giyohvandlik hamda zaharvandlikning global miqyosda keng tarqalayotgan, jamiyatning barqaror rivojlanishiga jiddiy xavf tug'dirayotgan murakkab ijtimoiy hodisa ekanligini ko'rsatadi. Shu bois mazkur muammo bugungi kunda nafaqat sog'liqni saqlash sohasining, balki huquqni muhofaza qiluvchi organlar, ta'lim muassasalari, fuqarolik jamiyati institutlari va davlat boshqaruvi tizimining ham ustuvor vazifalaridan biriga aylanmoqda. Mazkur holat giyohvandlikning zamonaviy ko'lami, uning ijtimoiy xavflilik darajasi hamda jamiyat hayotining turli sohalariga ko'rsatayotgan ta'sirini chuqur tahlil qilish zaruratini taqozo etadi.

Giyohvandlikning zamonaviy ko'lami va ijtimoiy xavflilik darajasini tadqiq etish natijalari ushbu salbiy ijtimoiy hodisaning kriminogen vaziyatga, aholi salomatligi va ijtimoiy barqarorlikka ta'sirini baholash, shuningdek uning oldini olishga qaratilgan tashkiliy-huquqiy mexanizmlarni takomillashtirish bo'yicha ilmiy asoslangan xulosalarni ishlab chiqish imkonini yaratadi.

Giyohvandlik zamonaviy jamiyatning barqaror rivojlanishiga tahdid soluvchi transmilliy ijtimoiy hodisalardan biri hisoblanadi. Uning xavfliligi nafaqat inson salomatligiga zarar yetkazishi, balki jamiyatning ijtimoiy, iqtisodiy va ma'naviy asoslariga salbiy ta'sir ko'rsatishi bilan ham izohlanadi. Giyohvandlik natijasida aholi orasida mehnat qobiliyatining pasayishi, oilaviy munosabatlarning buzilishi, ijtimoiy deviantlikning kuchayishi hamda turli huquqbuzarlik va jinoyatlarning sodir etilishi uchun qulay shart-sharoitlar yuzaga keladi.

Xalqaro tadqiqotlar giyohvandlik va jinoyatchilik o'rtasida uzviy bog'liqlik mavjudligini ko'rsatmoqda. Giyohvandlik moddalarini muntazam iste'mol qiluvchi shaxslarda ijtimoiy nazoratning susayishi, xulq-atvorning o'zgarishi va huquqiy ongning pasayishi kuzatiladi. Natijada o'g'rilik, talonchilik, bosqinchilik, firibgarlik, oilaviy zo'ravonlik va boshqa huquqbuzarliklarning sodir etilish ehtimoli ortib boradi. Shu bilan birga, giyohvandlik moddalarining noqonuniy aylanmasi uyushgan jinoyatchilik, korrupsiya va transmilliy jinoiy tarmoqlarning moliyaviy manbai sifatida namoyon bo'ladi [5].

Giyohvandlikning ijtimoiy xavfi uning demografik jarayonlarga ko'rsatayotgan ta'sirida ham namoyon bo'ladi. Ayniqsa, mehnatga layoqatli aholi qatlami va yoshlar o'rtasida giyohvandlikning tarqalishi inson kapitali sifatiga salbiy ta'sir ko'rsatadi. Psixoaktiv moddalarni uzoq muddat iste'mol qilish natijasida shaxsning intellektual salohiyati, mehnat unumdorligi va ijtimoiy faolligi pasayadi. Bu esa, o'z navbatida, davlatning iqtisodiy rivojlanish sur'atlariga ham ta'sir ko'rsatadi.

Muammoning yana bir muhim jihati giyohvandlikning jamoat salomatligiga ta'siri. Psixoaktiv moddalar insonning markaziy asab tizimi, yurak-qon tomir tizimi, ruhiy holati va reproduktiv salomatligiga jiddiy zarar yetkazadi. Narkotik vositalarni inyeksiya orqali qabul qilish holatlari esa VICH-infeksiyasi, virusli gepatit va boshqa yuqumli kasalliklarning tarqalish xavfini oshiradi. Natijada davlatning sog'liqni saqlash tizimiga tushadigan iqtisodiy yuki ortib, davolash va reabilitatsiya ishlariga katta mablag'lar sarflanishiga sabab bo'ladi.

So'nggi yillarda sintetik giyohvandlik moddalarining keng tarqalishi mazkur muammoning yanada murakkablashuviga olib kelmoqda. An'anaviy narkotik vositalardan farqli ravishda, sintetik moddalarning tarkibi tez-tez o'zgartirilishi ularni aniqlash va huquqiy nazorat qilishni qiyinlashtirmoqda. Shuningdek, internet tarmoqlari, ijtimoiy media platformalari va elektron to'lov tizimlaridan foydalanish orqali giyohvandlik moddalari savdosining yangi mexanizmlari shakllanmoqda. Bu holat huquqni muhofaza qiluvchi organlar oldiga yangidan-yangi vazifalarni qo'yimoqda.

Giyohvandlikning zamonaviy ko'lamini va uning ko'p qirrali salbiy oqibatlari mazkur muammoni faqat tibbiy yondashuv orqali hal etish mumkin emasligini ko'rsatadi. Unga qarshi kurashishda huquqiy, tashkiliy, ijtimoiy, ma'naviy-ma'rifiy va profilaktik chora-tadbirlarni o'zaro uyg'unlashtirgan holda amalga oshirish talab etiladi. Ayniqsa, aholi, xususan, yoshlar o'rtasida sog'lom turmush tarzini targ'ib qilish, giyohvandlikning oqibatlari haqida huquqiy va tibbiy bilimlarni oshirish hamda xavf guruhiga kiruvchi shaxslar bilan manzilli profilaktik ishlarni tashkil etish muhim ahamiyat kasb etadi.

Zaharvandlikning o'ziga xos xususiyatlari va xavf omillarini tadqiq etish uning vujudga kelishiga ta'sir etuvchi ijtimoiy, psixologik va tashkiliy omillarni aniqlash, shuningdek mazkur illatning oldini olish va tarqalishini cheklashga qaratilgan ilmiy asoslangan profilaktik yondashuvlarni shakllantirish uchun muhim nazariy va amaliy asos bo'lib xizmat qiladi.

Globallashuv jarayonlari, axborot-kommunikatsiya texnologiyalarining rivojlanishi hamda kimyo va farmatsevtika sanoati mahsulotlarining keng ommalashuvi zaharvandlik muammosining dolzarbligini yanada oshirmoqda. zaharvandlik giyohvandlikning o'ziga xos shakli bo'lib, u giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar ro'yxatiga kiritilmagan, ammo insonning ruhiy va jismoniy

holatiga ta'sir ko'rsatuvchi kimyoviy moddalarni suiiste'mol qilish bilan tavsiflanadi. Uning asosiy obyektlarini turli ingalyantlar (yelim, benzin, atseton, erituvchilar), maishiy kimyoviy mahsulotlar, retseptor dori vositalari, trankvilizatorlar, sedativ va uyqu dorilari tashkil etadi.

Zaharvandlikning asosiy xususiyati shundaki, mazkur vositalarning katta qismi erkin muomalada bo'lib, ularni xarid qilish uchun maxsus jinoiy aloqalar yoki katta moliyaviy mablag' talab etilmaydi. Shu bois ushbu illat, birinchi navbatda, o'smirlar va yoshlar orasida keng tarqalmoqda. Jahon sog'liqni saqlash tashkiloti ma'lumotlariga ko'ra, ingalyantlardan birinchi marta foydalanish holatlarining katta qismi 12–17 yosh oralig'ida qayd etiladi. Ayrinchi mamlakatlarda maktab yoshidagi o'quvchilarning 5–10 foizi hayotida kamida bir marta ingalyant moddalarni iste'mol qilganligini bildirgan.

Zaharvandlikning ijtimoiy xavfliligi uning tez shakllanuvchi qaramlik xususiyati bilan ham izohlanadi. Tadqiqotlarning ko'rsatishicha, organik erituvchilar va boshqa ingalyantlarni muntazam iste'mol qilish natijasida insonning markaziy asab tizimida qaytarilmas o'zgarishlar yuzaga kelishi mumkin. Xususan, xotiraning pasayishi, diqqatning susayishi, fikrlash qobiliyatining zaiflashishi, emotsional beqarorlik va agressiv xulq-atvor holatlari kuzatiladi. Ilmiy tadqiqotlarda zaharvandlikga moyil shaxslarda huquqbuzarlik sodir etish ehtimoli mazkur muammoga duch kelmagan tengdoshlariga nisbatan yuqoriroq ekanligi qayd etilgan [6].

Bundan tashqari, zaharvandlik ko'p hollarda og'ir giyohvandlikka olib boruvchi dastlabki bosqich sifatida baholanadi. Xalqaro tadqiqotlar ayrim yoshlar psixoaktiv moddalar bilan tanishuvni aynan ingalyantlar yoki dori vositalarini suiiste'mol qilishdan boshlab, keyinchalik kuchli narkotik vositalarga o'tishini ko'rsatmoqda. Shu jihatdan zaharvandlikni erta profilaktika qilish yoshlarni giyohvandlikka jalb etilishining oldini olishning muhim yo'nalishlaridan biri hisoblanadi.

Davolash va reabilitatsiya tizimidagi mavjud muammolarni kompleks tahlil qilish orqali ushbu sohaning amaldagi holatiga ilmiy asoslangan baho beriladi, shuningdek, tizimdagi tashkiliy, huquqiy va amaliy kamchiliklar aniqlanib, ularni bartaraf etish bo'yicha ilmiy-nazariy xulosalar shakllantiriladi.

Yuqorida ta'kidlanganidek, BMTning Giyohvandlik va jinoyatchilik bo'yicha boshqarmasi ma'lumotlarga ko'ra, dunyo bo'yicha psixoaktiv moddalarni iste'mol qilish bilan bog'liq kasallikka chalingan 64 million nafar shaxsning katta qismi zarur tibbiy yordamdan foydalana olmayapti. Bu holat giyohvandlikning og'ir shakllariga o'tish, kasalliklarning asoratlari kuchayishi va qayta jinoyatchilik holatlarining ortishiga sabab bo'lmoqda.

Ayollar orasida vaziyat yanada murakkab Mutaxassislar bu holatni ijtimoiy stigma, iqtisodiy qaramlik, oilaviy mas'uliyat va ayollarga moslashtirilgan reabilitatsiya dasturlarining yetarli emasligi bilan izohlaydilar.

Shuningdek, reabilitatsiya jarayonlarining samaradorligi ham dolzarb masala bo'lib qolmoqda. Ko'plab davlatlarda davolanishdan keyin ijtimoiy moslashuv va qayta tiklanish dasturlarining yetarli emasligi natijasida qayta qaramlik holatlari kuzatilmoqda. Bu esa giyohvandlik va zaharvandlikka qarshi kurashishda faqat tibbiy emas, balki psixologik, ijtimoiy va huquqiy yordamni ham qamrab olgan kompleks yondashuv zarurligini ko'rsatadi.

Xulosa sifatida yuqoridagi tahlillar giyohvandlik va zaharvandlik globallashuv sharoitida insoniyat oldida turgan eng murakkab ijtimoiy, huquqiy va tibbiy muammolardan biri ekanligini tasdiqlaydi. Mazkur illatlarning keng tarqalishi aholi salomatligiga, jamoat xavfsizligiga, demografik jarayonlarga va iqtisodiy rivojlanishga salbiy ta'sir ko'rsatmoqda. Ayniqsa, zaharvandlikning yoshlar orasida keng tarqalayotganligi va uning og'ir giyohvandlikka olib keluvchi omil sifatida namoyon bo'layotganligi mazkur muammoning dolzarbligini yanada oshiradi.

Shu munosabat bilan profilaktika tadbirlarini kuchaytirish, ta'lim muassasalarida sog'lom turmush tarzini targ'ib qilish, psixoaktiv moddalarning zararli oqibatlari haqida aholining huquqiy va tibbiy savodxonligini oshirish, xavf guruhiga mansub shaxslar bilan manzilli ishlash hamda narkologik yordam va rehabilitatsiya xizmatlari qamrovini kengaytirish muhim ahamiyat kasb etadi. Zero, giyohvandlik va zaharvandlikka qarshi kurashishning samaradorligi davlat organlari, ta'lim muassasalari, sog'liqni saqlash tizimi va fuqarolik jamiyati institutlarining o'zaro hamkorligiga asoslangan kompleks yondashuvni talab etadi.

Foydalanilgan manbalar / References

1. Muxitdinov F.M. Huquqbuzarliklar profilaktikasi nazariyasi va amaliyoti. – T.: O'zbekiston Respublikasi IIV Akademiyasi, 2020. – B. 145–148.
2. ВОЗ: употребление алкоголя и наркотиков приводит к 3,2 миллиона смертей в год, в основном среди мужчин. / <https://www.ungeneva.org/ru/news-media/news/2024/06/94747/voz-upotreblenie-alkogolya-i-narkotikov-privodit-k-32-milliona>.
3. Число людей, употребляющих наркотики, выросло на 20 процентов за 10 лет. / <https://news.un.org/ru/story/2024/06/1453676>.
4. Захидова Г.А., Пикирения У.И., Сюняков Т.С., Прилуцкая М.В. Motives for New Psychoactive Substances Consumption among Young Adults in Uzbekistan: A Qualitative Study Protocol // Consortium Psychiatricum. – 2025. – Vol. 6. – No. 1. – P. 37–46.
5. Goldstein P.J. The Drugs/Violence Nexus: A Tripartite Conceptual Framework // Journal of Drug Issues. – 1985. – Vol. 15. – No. 4. – P. 493–506; United Nations Office on Drugs and Crime. World Drug Report 2025. – Vienna: UNODC, 2025. – P. 1–25.
6. Akramov X., Abduazimova Z. O'zbekistonda yoshlar va xotin-qizlar orasida giyohvandlik va zaharvandlikning tarqalish muammolarining psixologik-sotsiologik hamda axloqiy masalalari // O'zbekiston Milliy universiteti xabarlari. – 2024. – №1.6. – B. 18–23.

ODAM SAVDOSI – GLOBAL MUAMMO SIFATIDA: SABABLARI VA OQIBATLARI

Achilov Alisher Temirovich

Tashkent International University, "Huquqiy fanlar" kafedrası professori v.b., yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori(PhD)

Ташкентский международный университет, и.о. профессора кафедры «Правоведение», доктор философии по юридическим наукам (PhD)

Tashkent International University, the Department of Jurisprudence, Doctor of Philosophy (PhD) in Legal Sciences

Po'latxojiakbarov Ramazon Rustam og'li

Tashkent International University, Yurisprudensiya fakulteti 3-kurs talabasi

Ташкентский международный университет, студент 3-го курса юридического факультета

Tashkent International University, 3rd year student of the Faculty of Jurisprudence

Annotatsiya. Ushbu maqolada odam savdosining global muammo sifatidagi mohiyati, uning kelib chiqish sabablari va jamiyatga keltiradigan salbiy oqibatlari tahlil qilingan. Shuningdek, bu transmilliy jinoyatga qarshi kurashishning xalqaro huquqiy mexanizmlari va chora-tadbirlari ko'rib chiqilgan.

Kalit so'zlar: odam savdosi, global muammo, jinoyatchilik, migratsiya, huquqiy himoya, ekspluatatsiya, transmilliy xavf.

HUMAN TRAFFICKING AS A GLOBAL PROBLEM: CAUSES AND CONSEQUENCES

Abstract. This article analyzes the essence of human trafficking as a global problem, its root causes, and its negative consequences for society. International legal mechanisms and effective measures to combat this transnational crime are also deeply considered.

Keywords: human trafficking, global problem, crime, migration, legal protection, exploitation, transnational threat.

Odam savdosi zamonaviy dunyoning eng o'tkir va murakkab global muammolaridan biri bo'lib, u inson huquqlari va erkinliklariga qaratilgan og'ir jinoyat hisoblanadi. Bugungi kunda globallashuv jarayonlarining tezlashishi, davlatlararo chegaralarning ochiqligi hamda axborot-kommunikatsiya texnologiyalarining rivojlanishi odam savdosi bilan shug'ullanuvchi transmilliy uyushgan jinoiy guruhlarining faoliyat doirasini yanada kengayishiga olib keldi. Bu illat nafaqat alohida shaxslarning hayoti va sog'lig'iga putur yetkazadi, balki davlatlarning

iqtisodiy, ijtimoiy va demografik barqarorligiga ham jiddiy xavf tugʻdiradi. Jahon hamjamiyati bu borada qator konvensiyalar va huquqiy hujjatlarni qabul qilgan boʻlishiga qaramay, odam savdosi qurbonlarining soni butun dunyo boʻylab hamon yuqoriligicha qolmoqda. Shu sababli, ushbu jinoyatning tub sabablarini ilmiy jihatdan chuqur tahlil qilish, uni keltirib chiqaruvchi ijtimoiy-iqtisodiy omillarni oʻrganish va uning oqibatlarini bartaraf etishning samarali mexanizmlarini ishlab chiqish bugungi kunning eng dolzarb vazifalaridan biri sanaladi [1; 15-b].

Insoniyat sivilizatsiyasi yuksak choʻqqilarga chiqqan XXI asrda “zamonaviy qullik” deb ataluvchi odam savdosi muammosi eng dolzarb global tahdidlardan biri boʻlib qolmoqda. Odam savdosi nafaqat inson huquq va erkinliklarining qoʻpol ravishda poymol etilishi, balki davlatlarning milliy xavfsizligi va xalqaro barqarorlikka raxna soluvchi transmilliy uyushgan jinoyatchilikning bir koʻrinishidir. Birlashgan Millatlar Tashkilotining maʼlumotlariga koʻra, dunyo boʻylab millionlab insonlar majburiy mehnat, jinsiy ekspluatatsiya va inson aʼzolarining savdosi qurboniga aylanmoqda. Ushbu jinoyatning murakkabligi shundaki, u chegara bilmaydi va qurbonlarni ijtimoiy himoyalangan qatlamlar orasidan izlaydi. Odam savdosi nafaqat shaxsning jismoniy va ruhiy holatiga, balki jamiyatning demografik tuzilishi va iqtisodiy barqarorligiga ham halokatli taʼsir koʻrsatadi [1; 12-b.]. Shu sababli, mazkur muammoning ildizlarini oʻrganish, uning sabab va oqibatlarini ilmiy asosda tahlil qilish hamda samarali kurash mexanizmlarini ishlab chiqish zamonaviy huquqshunoslik va sotsiologiya fanlari oldidagi ustuvor vazifa boʻlib hisoblanadi.

Odam savdosiga qarshi kurashish masalasi koʻplab xalqaro tashkilotlar, jumladan, Birlashgan Millatlar Tashkiloti (BMT), Xalqaro Migratsiya Tashkiloti (XMT) va turli davlatlarning yuridik olimlari tomonidan keng oʻrganilgan. BMTning Transmilliy uyushgan jinoyatchilikka qarshi Konvensiyasini toʻldiruvchi “Odam savdosi, ayniqsa ayollar va bolalar savdosining oldini olish, unga chek qoʻyish va uni jazolash toʻgʻrisida”gi Palermo protokoli (2000-yil) mazkur sohadagi asosiy xalqaro huquqiy hujjat boʻlib xizmat qiladi. Mahalliy olimlarning tadqiqotlarida esa migratsiya oqimlari, aholining huquqiy madaniyati va mehnat bozoridagi muvozanatning buzilishi odam savdosiga zamin yaratuvchi asosiy omillar sifatida eʼtirof etiladi.

Odam savdosi muammosi koʻplab xalqaro va mahalliy olimlar tomonidan tadqiq etilgan. Xususan, gʻarb tadqiqotchilari S. Kara va K. Bales oʻz ishlarida zamonaviy qullikning iqtisodiy modellarini va qurbonlarni jalb qilish usullarini batafsil yoritib berishgan. Oʻzbekistonlik olimlar ham ushbu jinoyatning kriminologik tavsifi va unga qarshi kurashishning huquqiy asoslarini (masalan, “Odam savdosiga qarshi kurashish toʻgʻrisida”gi Qonun tahlili doirasida) tadqiq etib kelmoqdalar [2; 45-b.]. Tadqiqot jarayonida tizimli tahlil, qiyosiy-huquqiy metod va statistik maʼlumotlarni umumlashtirish usullaridan foydalanildi. Metodologik asos sifatida xalqaro tashkilotlarning (BMT, YEXHT, Xalqaro mehnat tashkiloti) hisobotlari va soʻnggi yillardagi global tendensiyalar oʻrganildi. Maqolada asosiy eʼtibor odam savdosining preventiv choralariga va reabilitatsiya masalalariga qaratilgan boʻlib, bu muammoni hal etishda kompleks yondashuv zarurligi asoslab berilgan.

Ushbu maqolada odam savdosi jinoyatining sabablari va oqibatlarini oʻrganish maqsadida tizimli tahlil, qiyosiy-huquqiy oʻrganish, statistik maʼlumotlarni umumlashtirish va deduksiya metodlaridan foydalanildi. Xalqaro hisobotlar va ekspert xulosalarini qiyosiy tahlil qilish orqali muammoning hozirgi holati va unga qarshi kurashishning taʼsirchan usullari tadqiq etildi [2; 48-b.].

Odam savdosining sabablari koʻp qirrali boʻlib, ular asosan iqtisodiy, ijtimoiy va huquqiy omillar bilan bevosita bogʻliqdir. Eng asosiy iqtisodiy sabablardan biri bu daromadlar oʻrtasidagi keskin farq va qashshoqlik darajasi hisoblanadi. Rivojlanayotgan yoki iqtisodiy inqirozni boshidan kechirayotgan mamlakatlardagi ishsizlik, oylik maoshlarning pastligi odamlarni yaxshiroq hayot

ilinjida xorijiy davlatlarga chiqishga undaydi. Bu jarayonda huquqiy savodxonlikning pastligi, chet elda ishlash tartib-qoidalarini bilmaslik va jinoiy guruhlarining aldamchi takliflariga ishonuvchanlik fuqarolarning odam savdosi qurboniga aylanishiga olib keladi. BMTning Narkotiklar va jinoyatchilik boʻyicha boshqarmasi maʼlumotlariga koʻra, odam savdosidan olinadigan noqonuniy daromadlar miqdori yiliga oʻnlab milliard dollarni tashkil etadi, bu esa jinoiy guruhlarining oʻz faoliyatlarini doimiy ravishda takomillashtirib borishiga xizmat qilmoqda [3; 112-b.].

1-jadval

Odam savdosi qurbonlarining ekspluatatsiya turlari boʻyicha global taqsimlanishi [1; 22-b.]

Ekspluatatsiya turi	Qurbonlarulushi(%)	Asosiy mintaqalar
Jinsiy ekspluatatsiya	50%	Yevropa, Osiyo qitʼasi
Majburiy mehnat	38%	Yaqin Sharq, Afrika
Noqonuniy organlar savdosi	6%	Global miqyosda
Boshqa turlar (tilanchilik va b.)	6%	Turli rivojlanayotgan hududlar

Tadqiqot natijalari shuni koʻrsatadiki, axborot texnologiyalarining rivojlanishi jinoyatchilarga oʻz qurbonlarini ijtimoiy tarmoqlar va soxta eʼlonlar orqali "ovlash" imkonini bermoqda. Odam savdosining oqibatlari jabrlanuvchilar uchun juda fojialidir: ular ogʻir psixologik jarohat oladi, jamiyatdan ajralib qoladi va koʻpincha surunkali kasalliklarga chalinadi. Davlat miqyosida esa, bu illat inson kapitalining yoʻqotilishiga, korrupsiyaning kuchayishiga va milliy xavfsizlikka tahdidning ortishiga sabab boʻladi. Quyidagi jadvalda odam savdosiga olib keluvchi asosiy xavf omillari va ularning taʼsir darajasi keltirilgan.

2-jadval

Odam savdosiga olib keluvchi asosiy omillar va ularning taʼsir xarakteri

Xavf omillari	Taʼsir darajasi	Sababning qisqacha xarakteristikasi
Iqtisodiy beqarorlik va ishsizlik	Yuqori	Moliyaviy ehtiyojlar sababli xavfli va norasmiy ishlarga tez rozi boʻlish
Aholining huquqiy savodxonligi pastligi	Oʻrta-Yuqori	Mehnat shartnomalari, viza turlari va inson huquqlarini toʻliq bilmaslik
Uyushgan jinoyatchilikning faolligi	Yuqori	Chegaralararo guruhlarining soxta rekruting agentliklari orqali faoliyati

Odam savdosining ildizlari juda chuqur va koʻp qirrali boʻlib, ularni shartli ravishda “turtuvchi” (push factors) va “tortuvchi” (pull factors) omillarga ajratish mumkin. Iqtisodiy beqarorlik, ishsizlik darajasining yuqoriligi va aholining kam taʼminlangan qatlamlari orasida daromad manbalarining yoʻqligi odamlarni oʻz vatanini tark etib, xorijdan yaxshiroq hayot izlashga majbur qiladi. Bu esa jinoyatchilar uchun qulay sharoit yaratadi; ular “yaxshi maoshli ish”, “bepul taʼlim” yoki “qulay yashash sharoiti” haqidagi yolgʻon vaʼdalar bilan fuqarolarni tuzoqqa tushiradilar. Global globallashuv jarayonlari, axborot texnologiyalarining rivojlanishi hamda xalqaro migratsiya

oqimlarining nazorat qilinishi qiyinlashgani oqibatida jinoyatchi guruhlar potensial qurbonlarni ijtimoiy tarmoqlar orqali topish va ularni masofadan turib manipulyatsiya qilish imkoniyatiga ega bo'lmqdalar.

Shu bilan birga, ijtimoiy tengsizlik, gender kamsitishlari va ta'lim darajasining pastligi ham odam savdosi qurboniga aylanish ehtimolini keskin oshiradi. Ko'p hollarda ayollar va bolalar eng zaif qatlam hisoblanib, ular jinsiy ekspluatatsiya yoki majburiy mehnat uchun nishon qilib olinadi. Davlatlardagi huquqiy bo'shliqlar, korrupsiya darajasining yuqoriligi va huquqni muhofaza qiluvchi organlarning ushbu jinoyatga qarshi kurashishda yetarli tajribaga ega emasligi ham odam savdogarlari uchun "xavfsiz" muhit yaratadi. Qurolli mojarolar, siyosiy beqarorlik va tabiiy ofatlar ro'y bergan hududlarda insonlar o'z himoyasini yo'qotadilar, bu esa uyushgan jinoiy guruhlar uchun insonlarni osonlikcha ekspluatatsiya qilish uchun zamin yaratadi. Xalqaro ekspertlarning fikricha, talab va taklif o'rtasidagi nomutanosiblik, ya'ni arzon ish kuchiga bo'lgan global ehtiyoj odam savdosining iqtisodiy motori bo'lib xizmat qilmoqda.

Odam savdosi tushunchasi o'z ichiga bir necha murakkab ekspluatatsiya shakllarini qamrab oladi, ulardan eng keng tarqalgani majburiy mehnat va jinsiy ekspluatatsiyadir. Xalqaro mehnat tashkiloti (XMT) ma'lumotlariga ko'ra, dunyoda millionlab insonlar qishloq xo'jaligi, qurilish, baliqchilik va uy xizmatkorligi sohalarida majburiy mehnatga jalb qilingan. Bunday holatlarda insonlarning pasportlari olib qo'yiladi, ular qarzdorlik botqog'iga botiriladi va jismoniy yoki psixologik zo'ravonlik ostida haq to'lanmaydigan yoki juda kam haq to'lanadigan og'ir ishlarga majburlanadi. Jinsiy ekspluatatsiya esa asosan ayollar va voyaga yetmagan qizlarga nisbatan qo'llaniladigan jinoyat bo'lib, u nafaqat jismoniy zarar yetkazadi, balki jamiyatning ma'naviy asoslariga ham zarba beradi. Bu shakldagi odam savdosi ko'pincha xalqaro turizm va ko'ngilochar industriya bilan niqoblangan bo'ladi, bu esa uni aniqlashni qiyinlashtiradi.

Bundan tashqari, inson a'zolari va to'qimalarini ko'chirib o'tkazish maqsadidagi savdo ham zamonaviy dunyoning dahshatli realligiga aylandi. Donorlarning nochorligidan foydalangan holda ularning buyragi yoki boshqa a'zolarini arzon garovga olish va qora bozorda juda qimmatga sotish holatlari transmilliy darajada kuzatilmoqda. Shuningdek, voyaga yetmagan bolalarni asrab olish niqobi ostida sotish, ulardan harbiy harakatlarda "bolalar-askarlar" sifatida foydalanish yoki tilanchilikka majburlash kabi jinoyatlar ham odam savdosining tarkibiy qismlari hisoblanadi. Har bir shakl o'ziga xos murakkab tuzilmaga ega bo'lib, jinoyatchilar qurbonlarni o'z nazoratida ushlab turish uchun eng shafqatsiz usullardan foydalanadilar. BMTning Giyohvandlik moddalari va jinoyatchilik bo'yicha boshqarmasi (UNODC) hisobotlariga ko'ra, qurbonlarning katta qismi o'z vatanlari ichida ham, chegaralar osha ham ekspluatatsiya qilinmoqda, bu esa ushbu muammoning chegarasiz ekanligini ko'rsatadi.

Odam savdosining oqibatlari nafaqat shaxsiy fojia, balki milliy va global darajadagi strategik zarar hamdir. Qurbonlar uchun bu birinchi navbatda chuqur psixologik travma, jismoniy salomatlikning yo'qolishi va jamiyatdan butunlay uzilib qolish demakdir. Ko'plab qurbonlar reabilitatsiya jarayonidan so'ng ham normal hayotga qaytishda qiynaladilar, chunki ularda "stokgolm sindromi", qo'rquv va o'ziga bo'lgan ishonchning yo'qligi saqlanib qoladi. Iqtisodiy nuqtai nazardan, odam savdosi davlatlarning inson kapitaliga zarar yetkazadi, soliq tushumlarini kamaytiradi va noqonuniy iqtisodiyotning ulushini oshiradi. Uyushgan jinoyatchilikning ushbu turidan keladigan daromadlar ko'pincha boshqa og'ir jinoyatlarni, jumladan terrorizm va separatizmni moliyalashtirishga sarflanadi, bu esa xalqaro xavfsizlik tizimini izdan chiqaradi.

Ushbu global tahdidga qarshi kurashish maqsadida xalqaro hamjamiyat tomonidan bir qator huquqiy hujjatlar qabul qilingan. Bular orasida eng muhimi 2000-yilda qabul qilingan Palermo

protokoli bo'lib, u odam savdosiga qarshi kurashishning uchta asosiy ustunini (3P tamoyili) belgilab bergan: Oldini olish (Prevention), Qurbonlarni himoya qilish (Protection) va Aybdorlarni jinoiy javobgarlikka tortish (Prosecution). Keyinchalik unga To'rtinchi "P" – Hamkorlik (Partnership) ham qo'shildi. Bugungi kunda davlatlar o'rtasida ekstraditsiya, axborot almashinuvi va qo'shma tezkor qidiruv tadbirlarini o'tkazish bo'yicha keng ko'lamli ishlar olib borilmoqda. Shuningdek, jamoatchilik o'rtasida tushuntirish ishlarini olib borish, aholining huquqiy savodxonligini oshirish va xorijga ishga ketayotgan fuqarolar uchun xavfsiz migratsiya kanallarini yaratish odam savdosining oldini olishda hal qiluvchi ahamiyatga ega. Faqatgina davlat organlari, xalqaro tashkilotlar va fuqarolik jamiyati institutlarining birlashgan sa'y-harakatlari orqali ushbu "asrimizning qulligi"ga chek qo'yish mumkin.

Olib borilgan tadqiqotlar va tahlillar shuni ko'rsatadiki, odam savdosi faqatgina bir davlat doirasida hal etilishi mumkin bo'lgan muammo emas, balki u xalqaro miqyosda qat'iy va kompleks yondashuvni talab etuvchi global xavfdir. Ushbu jinoyatning ildizlari chuqur ijtimoiy-iqtisodiy muammolarga taqalib, uning oqibatlari bashariyat kelajagiga bevosita tahdid soladi. Odam savdosiga qarshi samarali kurashish uchun davlatlar o'rtasida o'zaro axborot almashinuvi va tezkor huquqiy hamkorlikni kuchaytirish, qonunchilik bazasini yanada takomillashtirish hamda jazo choralarini qat'iylashtirish zarur. Shu bilan birga, fuqarolar, ayniqsa, yoshlar va mehnat migrantlari o'rtasida tushuntirish va targ'ibot ishlarini muntazam ravishda olib borish, ularning huquqiy bilimlarini oshirish va munosib ish o'rinlarini yaratish davlat siyosatining ustuvor yo'nalishlaridan biri bo'lib qolishi lozim. Shundagina odam savdosi qurbonlariga aylanib qolish xavfini keskin kamaytirish va jamiyatning xavfsiz rivojlanishini ta'minlash mumkin bo'ladi.

Odam savdosi – bu nafaqat huquqiy muammo, balki insoniyat ma'naviyatiga qarshi qaratilgan jinoyatdir. Ushbu illatga qarshi kurashish faqatgina jazo choralarini kuchaytirish bilan cheklanmasligi kerak. *Birinchi*dan, aholining huquqiy madaniyatini yuksaltirish, xususan, chet elga ishga ketayotgan fuqarolarni xavfsiz migratsiya qoidalari bilan tanishtirish lozim. *Ikkinchi*dan, ijtimoiy-iqtisodiy islohotlarni chuqurlashtirish orqali yangi ish o'rinlarini yaratish va kambag'allikni qisqartirish odam savdosining oldini olishda eng samarali vositadir.

*Uchinchi*dan, xalqaro hamkorlikni yangi bosqichga olib chiqish zarur. Transmilliy jinoyatchilikka qarshi kurashda davlatlararo axborot almashinuvi va jinoyatchilarni ekstraditsiya qilish masalalari takomillashtirilishi lozim. Shuningdek, qurbonlarni reabilitatsiya qilish, ularga psixologik va tibbiy yordam ko'rsatish tizimini davlat tomonidan qo'llab-quvvatlash jamiyatning sog'lomlashishiga xizmat qiladi. Xulosa o'rnida aytish mumkinki, odam savdosiga qarshi kurash har bir fuqaroning, har bir davlatning va umuman xalqaro hamjamiyatning birdamlikdagi harakatini talab qiladi. Zero, har bir inson ozod tug'iladi va daxlsiz yashash huquqiga egadir. Ushbu global muammoni bartaraf etish barqaror taraqqiyot va inson qadrini ulug'lashning asosiy omili bo'lib qoladi.

Foydalanilgan manbalar / References

1. BMTning Narkotiklar va jinoyatchilik bo'yicha boshqarmasi (UNODC) – Odam savdosi bo'yicha global hisobot. – Vena: BMT nashriyoti, 2023. – 15–22-b.
2. Rustamov Q., To'rayev S. Transmilliy uyushgan jinoyatchilikka qarshi kurashish huquqi – Toshkent: Adolat nashriyoti, 2021. – 48–75-b.
3. Xalqaro migratsiya tashkiloti – Mehnat migratsiyasi va odam savdosi xavflari. – Jeneva: IOM nashriyoti, 2022. – 112–115-b.
4. Smith J. – Human Trafficking in the 21st Century – London: Oxford Press, 2023. – 345 p.
5. Saidov A.X. – Xalqaro huquq va inson huquqlari – Toshkent: Fan va texnologiya, 2022. – 188 b.
6. BMT Hisoboti – Dunyoda odam savdosi bo'yicha global doklad – Nyu-York: UNODC Publications, 2025. – 120 b.
7. <https://lex.uz/uz>

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ РЕЙДЕРСКИХ ЗАХВАТОВ: СПОСОБЫ, МЕТОДЫ И МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Кочедыкова Виктория Маратовна

юрист, соискатель Института
права, Челябинский
государственный университет,
Российская Федерация

yurist, Huquq instituti
izlanuvchisi, Chelyabinsk davlat
yuridik universiteti, Rossiya
Federatsiyasi

Lawyer, applicant for the
Institute of Law, Chelyabinsk
State University, Russian
Federation

Аннотация. Цель статьи – выявление современных способов и методов совершения рейдерских захватов, а также разработка системы мер их предупреждения на основе анализа криминализации данного явления. Предложена авторская трактовка механизма совершения рейдерского захвата как динамической модели. Выделены современные способы рейдерства: общественное давление, манипуляции с акциями, инициирование банкротства, подделка документации, кредитное и информационное рейдерство, корпоративный шантаж. Разработана система мер предупреждения, включающая государственно-правовые, организационно-управленческие и виктимологические компоненты.

Ключевые слова: рейдерство, рейдерский захват, криминализация, способ совершения преступления, механизм преступления, предупреждение преступлений, виктимологическая профилактика, экономическая безопасность.

CRIMINALIZATION OF CORPORATE RAIDING: METHODS, TECHNIQUES, AND PREVENTIVE MEASURES

Abstract. The purpose of this article is to identify modern methods and techniques for corporate raiding and to develop a system of preventive measures based on an analysis of the criminalization of this phenomenon. The author proposes an interpretation of the mechanism of corporate raiding as a dynamic model comprising three stages. Modern methods of corporate raiding are highlighted: public pressure, stock manipulation, bankruptcy initiation, document falsification, credit and information raiding, and corporate blackmail. A system of preventive measures has been developed, including state-legal, organizational-managerial, and victimological components.

Keywords: corporate raiding, corporate takeover, criminalization, crime method, crime mechanism, crime prevention, victimological prevention, economic security.

Захват бизнеса (рейдерские захваты) в Российской Федерации представляют собой устойчивое криминальное явление, сопряжённое с противоправным завладением активами, управленческими функциями или имущественными правами юридических лиц. Несмотря на принимаемые государством меры, рейдерство сохраняет высокую степень латентности и адаптивности к изменениям законодательства.

В научной литературе рейдерство исследуется преимущественно в рамках экономической безопасности, уголовного права и криминологии (Г.Г. Лянного, В.И. Паршикова, О.Ю. Патласова, К.А. Сергеева, О.В. Сергиенко, Ф.Г. Шахкелдова, А.Ю. Щеглова и др.). Вместе с тем остаётся недостаточно разработанным вопрос о системном представлении

криминализации рейдерских захватов как эволюционного процесса, а также о комплексе мер предупреждения, объединяющем уголовно-правовые, организационные и виктимологические аспекты.

Цель настоящей статьи – на основе анализа криминологической ситуации, связанной с рейдерскими захватами в Российской Федерации выявить современные способы и методы их совершения, а также предложить систему эффективных мер предупреждения.

1. Криминализация рейдерства как социально-правовой процесс

В уголовно-правовой доктрине под криминализацией преимущественно понимается объявление деяния преступным [1; 5; 6; 14]. Для целей настоящего исследования наиболее релевантным представляется определение И.М. Клейменова, понимающего под криминализацией «социально регрессивный эволюционный процесс, организуемый криминальными образованиями нового типа, реализуемый противоправными средствами, создающий множество глобальных угроз и угроз национальной безопасности, нацеленный на получение сверхприбыли» [5, с. 199].

Применительно к рейдерству как социально-правовому явлению, данный подход позволяет выделить следующие его сущностные характеристики:

1. *процессуальность* – рейдерство не является статичным явлением, а эволюционирует вместе с развитием рыночных отношений и законодательства;
2. *организованность* – рейдерские захваты осуществляются профессиональными преступными группами (рейдерами);
3. *противоправность* – реализуются с использованием коррупционных схем [4] и насилия;
4. *масштаб угроз* – рейдерство причиняет вред не только экономическим отношениям, но также личности и здоровью граждан;
5. *целевая направленность* – получение сверхприбыли путём завладения активами предприятия [1].

Таким образом, рейдерство в России, проходя стадии криминализации, трансформируется в профессиональную преступную деятельность, требующую криминологического изучения данного явления и выработки адекватных мер противодействия.

2. Механизм, способы и методы совершения рейдерского захвата

Рассматривая современные способы и методы совершения рейдерских захватов необходимо обратиться к понятию механизма совершения преступления. Так, в криминологии под механизмом совершения преступления понимается «идеальная модель процесса взаимодействия субъективных и объективных факторов, реализуемого в совершении преступления» [5; 14, с. 45]. Применительно к рейдерству предлагается следующее определение: **механизм совершения рейдерского захвата** – это модель, описывающая методы и способы достижения преступной цели (захвата управленческих функций организации с целью получения прибыли и имущественных прав), образующих в совокупности этапы преступления, охватываемого единым умыслом [7; 8].

Эволюция способов рейдерства

Если в конце XX века доминировали силовые методы (запугивание, применение физической силы), то сегодня на первый план вышли более сложные способы совершения рейдерских захватов, имеющие стадии длительной подготовки: фальсификация документов, шантаж, подкуп, мошенничество, вымогательство и хищение конфиденциальной информации [12].

Анализируя правоприменительную практику, можно сделать вывод, что современные методы реализации рейдерского захвата включают:

1. *Общественное давление* – организация демонстраций, привлечение СМИ и контролирующих органов для создания негативного образа предприятия.

2. *Манипуляции с акциями* – скупка акций у мелких акционеров и последующее блокирование деятельности предприятия через судебные разбирательства.

3. *Инициирование банкротства* – выкуп денежных обязательств предприятия и предъявление нереальных требований, ведущих к процедуре банкротства [11].

4. *Подделка документации* – изготовление подложных документов о назначении нового руководства, смене юридического адреса, что является наиболее распространённой схемой [13].

О.Ю. Патласов и О.В. Сергиенко выделяют также кредитное рейдерство (захват через долги), информационное рейдерство, возбуждение преднамеренного уголовного дела, корпоративный шантаж и использование внутренних корпоративных конфликтов [12, с. 46].

В.И. Паршиков в качестве наиболее распространённых способов называет корпоративный шантаж и вымогательство, незаконный перехват управления, захват собственности путём регистрации фиктивных сделок или формирования фальсифицированной кредиторской задолженности [11].

Этапы рейдерского захвата

Так в научной литературе Ф.Г. Шахкелдов и С.Д. Степанов исследуя способы совершения рейдерских захватов, выделяют три этапа [13]:

1. *Сбор сведений* – получение информации об организации-цели, в том числе компрометирующей, что может образовывать составы преступлений, предусмотренных ст.ст. 137, 138, 183 УК РФ.

2. *Выработка стратегического плана* – анализ полученной информации, изготовление поддельных документов.

3. *Непосредственная атака* – реализация плана с использованием юридических и силовых методов.

Такая схема представляется нам классической, которая характерна для большинства деяний, сопряженных с захватом бизнеса. Однако мы полагаем, что наиболее значимым является *подготовительный этап*, на котором рейдеры нередко используют инсайдеров – сотрудников предприятия, имеющих доступ к печати и полномочия на подписание документов. Для легализации захваченного имущества создаётся цепочка подставных компаний («фирм-однодневок»), что существенно затрудняет судебное оспаривание [9].

В целях противодействия рейдерским захватам необходима выработка эффективных мер предупреждения рейдерских захватов.

3. Меры предупреждения рейдерских захватов

Используя классический подход формирования системы предупреждения преступности для определения мер предупреждения рейдерских захватов, выделим следующие уровни системы мер предупреждения: государственно-правовой, организационно-управленческий и виктимологический уровни. В свою очередь указанные уровни будут включать в себя соответствующие меры предупреждения, характерные для данного уровня и отвечающие компетенциям субъектов, реализующие меры на данном уровне.

1. Государственно-правовой уровень

Рассматривая государственно-правовой уровень предупреждения рейдерских захватов, необходимо привести позицию О.С. Вороновой [2], предлагающей следующий комплекс мер:

– законодательные инициативы по формулированию понятия «рейдерство» и введение уголовной ответственности за него в рамках отдельной статьи УК РФ;

– разработку единого нормативного акта об основах государственной системы предупреждения преступлений;

– выявление коррупциогенных факторов при регистрации и деятельности юридических лиц;

– повышение правовой культуры представителей бизнес-сообщества.

Соглашаясь с указанной позицией ученого, полагаем, что целесообразна разработка специального механизма противодействия рейдерству, включающего: реализацию государственной политики; реформу корпоративного законодательства; организацию действенной системы защиты на уровне предприятий; введение в УК РФ специальной нормы об ответственности за рейдерский захват [7; 8].

2. Организационно-управленческий уровень

Деятельность юридического лица регламентирована так называемым корпоративным законодательством, в рамках которого предусмотрены все возможные организационно-управленческие функции организации, соблюдение которых позволяет вести бизнес в соответствии с законом. Однако следует предложить дополнительные рекомендации, с учетом криминологической характеристики факторов детерминирующих рейдерство как преступное явление:

– хранение реестра акционеров у лицензированного реестродержателя;

– отслеживание кредиторской задолженности;

– наложение обременения на недвижимость;

– использование лицензионного программного обеспечения и ограничение доступа к конфиденциальной информации.

Следует также учитывать признаки, свидетельствующие о подготовке рейдерской атаки: появление инициативных инвесторов, повышенная активность мелких акционеров, многочисленные проверки государственными органами, негативное освещение в СМИ [2].

3. Виктимологический уровень

Потенциальными жертвами рейдерских захватов являются предприятия, собственники которых допускают внутренние корпоративные конфликты, нарушения законодательства, избыточное доверие к сотрудникам.

К числу превентивных мер на этом уровне относятся [3]:

– строгое ограничение полномочий сотрудников по доверенности;

– осуществление передачи активов исключительно советом директоров;

– консолидацию акционерного капитала в одних руках;

– исключение номинальных лиц из управления компанией;

– регламентацию использования печатей и штампов;

– регулярная проверка судебных баз данных;

– ведение деятельности в строгом соответствии с законодательством.

Полная защита от рейдерского захвата невозможна, однако применение указанных мер позволяет создать условия, при которых расходы на организацию захвата становятся экономически нецелесообразными.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что криминализация рейдерства является объективным социально-регрессивным процессом, требующим системного противодействия. Современные способы рейдерских захватов эволюционируют от силовых к «юридическим»

методам, что делает их менее очевидными для правоохранительных органов и более сложными для доказывания.

Дискуссионным остается вопрос о целесообразности введения отдельной статьи об ответственности за рейдерство в уголовное законодательство Российской Федерации. В противопоставление данной идеи ряд исследователей указывают на возможность квалификации рейдерских действий по уже существующим статьям (159, 170.1, 179, 185.5, 303 УК РФ и др.). Однако практика показывает, что совокупность таких составов не охватывает единый преступный умысел рейдеров и не позволяет вести полноценный статистический учёт. Однако по данным судебной статистики к уголовной ответственности по специальной норме (ст. 185.5 УК РФ «Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества») ежегодно привлекаются один два лица, а иногда и вовсе никого не привлекают, что свидетельствует о трудностях в квалификации содеянного и сложности доказывания рейдерских атак.

Представляется, что оптимальным решением могло бы стать дополнение УК РФ нормой, устанавливающей ответственность за организацию рейдерского захвата как самостоятельного преступления с квалифицированными составами (с применением насилия, использованием служебного положения, организованной группой) [10].

Криминализация рейдерских захватов представляет собой эволюционный процесс, характеризующийся организованностью, противоправностью, масштабом угроз и направленностью на получение сверхприбыли. Механизм совершения рейдерского захвата включает три этапа (сбор информации, выработку плана, атаку) и реализуется с использованием разнообразных способов: от подделки документов до инициирования банкротства и корпоративного шантажа.

Эффективное противодействие рейдерству требует комплексного подхода, объединяющего:

- совершенствование уголовного законодательства (введение специальной нормы об ответственности за рейдерство);
- реформу корпоративного и регистрационного законодательства;
- реализацию организационно-управленческих и виктимологических мер на уровне предприятий.

Предлагаемые меры не являются исчерпывающими, однако их методичное применение позволит существенно снизить количество рейдерских захватов и повысить уровень экономической безопасности в стране.

Использованные источники / References

1. Волкова Т.В. Рейдерство как угроза экономической безопасности // Современная наука. 2014. № 4. С. 60–64.
2. Воронова О.С. Виктимность предприятий (юридических лиц) как обстоятельство, способствующее недружественным поглощениям (рейдерским захватам): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 24 с.
3. Гаджиева А.А., Сайгитов У.Т. Проблемы виктимологической профилактики рейдерских захватов предприятий // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 4. С. 179–182.
4. Игнатов А.Н. О категориях «Механизм преступного поведения», «Механизм преступления» и «Механизм совершения преступления» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6–7. С. 125–128.
5. Клейменов И.М. Криминализация общественных отношений // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 3 (36). С. 198–206.
6. Кочедыкова В.М. Коррупционные проявления рейдерства // Российский судья. 2024. № 4. С. 56–60.
7. Кочедыкова, В. М. Криминологическая характеристика рейдерства // Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи: сборник научных статей по материалам Международного научно-практического форума, Тюмень, 17–19 октября 2024 года. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. С. 366–368.
8. Кочедыкова, В.М. Методы противодействия рейдерским захватам / В.М. Кочедыкова // Российский следователь. 2023. № 12. С. 49–52. DOI: 10.18572/1812-3783-2023-12-49-52.
9. Кочедыкова, В.М. Факторы, детерминирующие рейдерские захваты // Вестник экономики, управления и права. 2024. Т. 17, № 2. С. 52–58.
10. Кочедыкова, В.М. Уголовно-правовая норма за противоправное осуществление функции управления в отношении юридического лица (рейдерский захват): конструкция состава преступления, квалифицирующие признаки // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1(44). С. 68–73. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-44-1-68-73.
11. Паршиков В.И. Способы совершения рейдерских захватов как элемент криминалистической характеристики преступления // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2017. № 5. С. 150–156.
12. Патласов О.Ю., Сергиенко О.В. Рейдерский захват: виды, технологии, методы противодействия // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2010. № 6. С. 45–52.
13. Шахкелдов Ф.Г., Степанов С.Д. Рейдерство: понятие и криминалистическая характеристика способов совершения преступлений // Юристы-Правоведь. 2020. № 3 (94). С. 100–105.
14. Щеглов Ю.А., Тураева А.А., Козяева А.В., Скворцов А.О. Проблема недружественного поглощения (рейдерского захвата) предприятий малого и среднего бизнеса в России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Экономические науки. 2019. № 2 (10). С. 41–50.

“CRIMINOLOGY AI” MILLIY SUN’IY INTELLEKT TEXNOLOGIYASINI YARATISHNING ZARURATI VA TADQIQOT JARAYONLARIDA FOYDALANISH ISTIQBOLLARI

A'loxonov Muhammadmirzo Adhamxon o'g'li

O'zbekiston Respublikasi
Kriminologiya tadqiqot instituti
ilmiy xodimi

Исследовательский институт
криминологии Республики
Узбекистан, научный
сотрудник

Research fellow of Research
Institute of Criminology of the
Republic of Uzbekistan

Annotatsiya. Mazkur maqolada jinoyatchilikning zamonaviy transformatsiyasi sharoitida sodir etilgan jinoyatlarning sabab va sharoitlarini chuqur tahlil qilish, kriminogen omillarni erta aniqlash hamda jinoyatlarning barvaqt oldini olishga xizmat qiluvchi milliy “Criminology AI” sun’iy intellekt texnologiyasini yaratishning nazariy-metodologik va amaliy zarurati tadqiq etiladi. Maqolada “Criminology AI” texnologiyasi jinoyatlarning turi, sodir etilgan joyi va vaqti, jinoyatchi shaxsi, jabrlanuvchi holati, ijtimoiy-iqtisodiy muhit, hududiy kriminogen vaziyat hamda boshqa omillarni kompleks tahlil qiluvchi milliy raqamli kriminologik platforma sifatida asoslanadi. Tadqiqot natijasida “Criminology AI” tizimi jinoyatchilikni prognoz qilish, xavf omillarini baholash, kriminogen hududlarni aniqlash va profilaktik chora-tadbirlarni manzilli belgilashga xizmat qiluvchi innovatsion ilmiy-amaliy yechim sifatida baholanadi.

Kalit so‘zlar: kriminologik tahlil, sun’iy intellekt, “Criminology AI”, jinoyatlarning barvaqt oldini olish, jinoyat sabablari va sharoitlari, kriminologik prognoz, raqamli kriminologiya, xavf omillari, avtomatlashtirilgan o‘rganish (machine learning), geografik axborot tizimi (GIS), tabiiy tilni qayta ishlash (Natural Language Processing – NLP), ma’lumotlarni qidirish (data mining).

THE NEED TO DEVELOP THE NATIONAL “CRIMINOLOGY AI” ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGY AND PROSPECTS FOR ITS USE IN RESEARCH PROCESSES

Abstract. This article examines the theoretical, methodological and practical necessity of developing the national “Criminology AI” artificial intelligence technology, which is designed to conduct an in-depth analysis of the causes and conditions of committed crimes, identify criminogenic factors at an early stage, and ensure the early prevention of crime in the context of the modern transformation of criminality. The article substantiates “Criminology AI” as a national digital criminological platform capable of conducting a comprehensive analysis of crime types, the place and time of commission, the offender’s personality, the victim’s status, the socio-economic environment, the territorial criminogenic situation and other relevant factors. As a result of the study, the “Criminology AI” system is assessed as an innovative scientific and practical solution that can contribute to crime forecasting, risk factor assessment, identification of criminogenic territories and the targeted planning of preventive measures.

Keywords: criminological analysis, artificial intelligence, “Criminology AI”, early crime prevention, causes and conditions of crime, criminological forecasting, digital criminology, risk factors, machine learning, geographic information system (GIS), natural language processing (NLP), data mining.

S o‘nggi yillarda jinoyatchilikka qarshi kurashish va huquqbuzarliklar profilaktikasi sohasida amalga oshirilayotgan islohotlar ushbu yo‘nalishda ilmiy asoslangan, tezkor va natijador qarorlar qabul qilish zaruratini yanada kuchaytirmoqda. Ayniqsa, jinoyatlarning sodir etilish sabablari va sharoitlarini chuqur o‘rganish, jinoyatlarning asl omillarni barvaqt aniqlash, hududlar kesimida kriminogen vaziyatni barqarorlashtirish choralarining samaradorligini ilmiy jihatdan baholash bugungi kriminologik tadqiqotlarning ustuvor vazifalaridan biriga aylanmoqda. Chunki zamonaviy sharoitda jinoyatchilik nafaqat an’anaviy ijtimoiy-huquqiy hodisa, balki raqamli muhit, transmilliy aloqalar, yashirin iqtisodiy jarayonlar, migratsiya, ijtimoiy tengsizlik, axborot texnologiyalari va shaxs xulq-atvoridagi o‘zgarishlar bilan uzviy bog‘liq murakkab tizimli hodisa sifatida namoyon bo‘lmoqda [1, 2].

O‘zbekiston sharoitida jinoyatchilikni tahlil va tadqiq qilish bosqichma-bosqich takomillashib borayotgan bo‘lsa-da, jinoyatlarning sabab va sharoitlarini kompleks, avtomatlashtirilgan, prognozga asoslangan hamda real vaqt va sharoitga yaqin rejimda tahlil qilish imkonini beruvchi milliy intellektual texnologiyalarga ehtiyoj yuqoriligicha qolmoqda. Ayniqsa, 2024 yilda respublikada qayd etilgan jinoyatlar tarkibida axborot texnologiyalari sohasida yoki ularning yordamida sodir etilgan jinoyatlar salmoqli o‘rin egallagani kriminologik tahlilni yangi bosqichga olib chiqish zaruratini ko‘rsatmoqda. 2024 yil yakunlariga ko‘ra respublikada qayd etilgan har ikkita jinoyatdan birini — 58 800 tasini kiberjinoyatlar tashkil etgani, bunday jinoyatlarning keskin oshishini o‘z vaqtida ilmiy metodlar asosida prognoz qilish imkoniyati yetarli bo‘lmagani mazkur sohada jiddiy ilmiy-amaliy muammo mavjudligini ko‘rsatadi [11]. Shu nuqtai nazardan, sun’iy intellekt (artificial intelligence, AI) yordamida jinoyat sabablari va sharoitlariga oid ma’lumotlar to‘plamini tahlil qilish, ularni prognozlash hamda jinoyatlarning barvaqt oldini olishga xizmat qiluvchi milliy “Criminology AI” tizimini ishlab chiqish dolzarb vazifa sifatida maydonga chiqmoqda.

“Criminology AI” texnologiyasini yaratish zarurati, avvalo, jinoyatchilikka qarshi kurashish amaliyotini reaktiv yondashuvdan proaktiv yondashuvga o‘tkazish ehtiyoji bilan izohlanadi. Shu bois, sun’iy intellekt texnologiyalari jinoyatchilikni faqat qayd etilgan faktlar yig‘indisi sifatida emas, balki sabab, sharoit, shaxs, makon, vaqt va jinoyat omillari o‘rtasidagi o‘zaro bog‘liqliklar tizimi sifatida o‘rganish imkonini beradi.

Ilmiy-metodologik jihatdan “Criminology AI” texnologiyasining ahamiyati shundaki, u kriminologik tahlilga ma’lumotlar ilmi (data science), avtomatlashtirilgan o‘rganish (machine learning), tabiiy tilni qayta ishlash (natural language processing, NLP), geografik axborot tizimi (geographic information system, GIS), ma’lumotlarni qidirish (data mining) va tushuntiriladigan sun’iy intellekt (explainable artificial intelligence, XAI) kabi zamonaviy yondashuvlarni integratsiya qiladi [5,6]. Bunday integratsiya jinoyatchilikning nafaqat mavjud holatini tasvirlash, balki uning ichki sababiy bog‘liqliklarini aniqlash, ehtimoliy rivojlanish yo‘nalishlarini bashorat qilish va profilaktik ta’sir choralarini ilmiy asoslash imkonini beradi.

Mazkur maqolani tayyorlashda “Criminology AI” milliy sun’iy intellekt texnologiyasini yaratish zaruratini nazariy-metodologik va amaliy jihatdan asoslashga xizmat qiluvchi kompleks ilmiy yondashuvlardan foydalanildi. Tadqiqotning metodologik asosi jinoyatchilikni faqat statistik ko‘rsatkichlar yig‘indisi sifatida emas, balki ijtimoiy, huquqiy, iqtisodiy, hududiy, demografik, psixologik, texnologik va boshqa omillar bilan uzviy bog‘liq bo‘lgan murakkab kriminologik hodisa sifatida tahlil qilishga qaratildi. Shu sababli maqolada an’anaviy kriminologik tahlil metodlari zamonaviy raqamli texnologiyalar, ma’lumotlar ilmi va sun’iy intellektga asoslangan yondashuvlar bilan uyg‘unlashtirildi.

Tadqiqot jarayonida, avvalo, **tizimli tahlil usulidan** foydalanildi. Ushbu usul “Criminology AI” texnologiyasini alohida dasturiy mahsulot sifatida emas, balki jinoyatlarning sabab va sharoitlarini aniqlash, jinoyatchilik tendensiyalarini prognoz qilish, uning omillarini baholash va profilaktik qarorlar qabul qilishga ko‘maklashuvchi yagona kriminologik-intellektual tizim sifatida ko‘rib chiqish imkonini berdi. Shuningdek, maqolada **qiyosiy-kriminologik tahlil usuli** muhim o‘rin tutadi. Ushbu metod yordamida jinoyatchilikni prognoz qilish va xavf omillarini aniqlashda xorijiy davlatlarda qo‘llanilgan ayrim sun‘iy intellekt tizimlari, jumladan, PredPol, Crime Anticipation System (jinoyatni oldindan baholash tizimi), Blue CRUSh, ShotSpotter va boshqa raqamli platformalarning ijobiy jihatlari hamda muammoli tomonlari tahlil qilindi [7].

Tadqiqotda statistik tahlil usulidan jinoyatlarning holati, dinamikasi, hududiy taqsimoti, tarkibiy o‘zgarishlari va ularning kriminogen omillar bilan bog‘liqligini aniqlash maqsadida foydalanildi. Maqolada korrelyasion va regressiya tahlili usullariga ham alohida e‘tibor qaratildi. Tadqiqotning muhim metodlaridan biri sifatida ma‘lumotlarni qidirish (data mining) yondashuvi belgilandi. Jinoyatchilikka oid ma‘lumotlar ko‘pincha turli idoralar, axborot tizimlari, hisobotlar, sud-tergov hujjatlari va ochiq statistik manbalarda tarqoq holda saqlanadi. Maqolada avtomatlashtirilgan o‘rganish (machine learning) usullari, eksperimental va kvaziyeksperimental yondashuv, ekspert baholash usuli, etik-huquqiy tahlil usuli ham qo‘llanildi. Umuman olganda, mazkur maqolada qo‘llanilgan metodlar “Criminology AI” texnologiyasining nazariy asoslarini, metodologik tuzilishini va amaliy qo‘llash imkoniyatlarini kompleks tahlil qilishga yo‘naltirilgan.

Tadqiqot natijalari shuni ko‘rsatadiki, “Criminology AI” milliy sun‘iy intellekt texnologiyasini yaratish zarurati birgina texnologik yangilikka ehtiyoj bilan emas, balki O‘zbekiston sharoitida jinoyatchilikni ilmiy asosda tahlil qilish, prognozlash va barvaqt oldini olish tizimini yangi bosqichga olib chiqish zarurati bilan belgilanadi. Mazkur texnologiya jinoyatchilikka qarshi kurashish amaliyotida mavjud bo‘lgan an‘anaviy statistik yondashuvni raqamli, prognozga asoslangan va manzilli profilaktika modeliga aylantirish imkoniyatini beradi.

1. “Criminology AI” texnologiyasini yaratish zaruratini belgilovchi asosiy omillar

Tadqiqot davomida “Criminology AI” texnologiyasini yaratish zaruratini belgilovchi bir nechta muhim omillar aniqlandi.

Birinchidan, zamonaviy jinoyatchilikning tarkibi, usullari va namoyon bo‘lish shakllari tez o‘zgarib bormoqda. An‘anaviy jinoyatlar bilan bir qatorda axborot texnologiyalari orqali sodir etilayotgan jinoyatlar, firibgarlikning raqamli shakllari, transmilliy va yashirin jinoyat turlari kengaymoqda.

Ikkinchidan, jinoyatlarning sabab va sharoitlarini tahlil qilish amaliyoti ko‘pincha sodir etilgan jinoyatdan keyingi holatni baholash bilan cheklanib qolmoqda. Bunda jinoyat sodir bo‘lganidan so‘ng uning sabablari o‘rganiladi, profilaktik tavsiyalar ishlab chiqiladi va tegishli choralalar belgilanadi. Biroq bunday yondashuv jinoyatga olib keluvchi jinoyat omillarini oldindan aniqlash, ularni hudud, shaxsiy xususiyatlar, ijtimoiy muhit va vaqt omili bilan bog‘liq holda baholash imkoniyatini to‘liq ta‘minlamaydi.

Uchinchidan, amaliyotda mavjud ma‘lumotlar bazalari turli idoralar, hududiy bo‘linmalar va alohida axborot tizimlarida tarqoq holda shakllangan. Bu esa jinoyatlarning real sabablarini, hududiy xususiyatlarini, takroriylik omillarini baholashda qiyinchilik tug‘diradi. Shu bois “Criminology AI”ning asosiy vazifalaridan biri jinoyat turi, joyi, vaqti, sodir etuvchi shaxsning portreti va boshqa ko‘rsatkichlarni yagona raqamli tahlil tizimiga birlashtirishdan iborat bo‘ladi.

To‘rtinchidan, jinoyatchilikka qarshi kurashishda qaror qabul qilish jarayoni tobora ko‘proq ma‘lumotlarga asoslangan bo‘lishi kerak. Shu jihatdan “Criminology AI” jinoyatga qarshi kurashish

amaliyotini umumiy kuzatuvdan aniq prognozga, tasodifiy rejalashtirishdan ilmiy asoslangan profilaktik boshqaruvga o‘tkazuvchi vosita bo‘lib xizmat qiladi.

2. Texnologiyaning nazariy-metodologik ahamiyati

“Criminology AI” texnologiyasining nazariy-metodologik ahamiyati, avvalo, u kriminologik tahlilning an‘anaviy chegaralarini kengaytirishi bilan belgilanadi. An‘anaviy tahlilda jinoyatchilik ko‘pincha statistik ko‘rsatkichlar, o‘rish yoki kamayish dinamikasi, hududlar kesimidagi farqlar va jinoyat tarkibi orqali baholanadi. Bunday tahlil muhim bo‘lsa-da, u har doim ham jinoyatga olib keluvchi chuqur sababiy bog‘liqliklarni ochib bera olmaydi.

“Criminology AI” esa jinoyatni “shaxs – makon – sharoit – vaqt – jinoyat omili” tizimida baholash imkonini beradi. Bu degani, jinoyat sodir etgan shaxsning ijtimoiy-demografik xususiyatlari, hududning kriminogen holati, ijtimoiy-iqtisodiy muhit, oilaviy sharoit, avvalgi sodir etilgan huquqbuzarliklar, infratuzilmaviy kamchiliklar va vaqt omili birgalikda tahlil qilinadi. Bunday yondashuv jinoyatchilikka sabab bo‘luvchi omillarni alohida emas, balki o‘zaro bog‘liq tizim sifatida ko‘rishga yordam beradi.

Mazkur texnologiya kriminologiya fanida tavsifiy yondashuvdan prognozli yondashuvga o‘tish imkonini beradi. Ya‘ni kriminologik tahlil “nima sodir bo‘ldi?” degan savol bilan cheklanmay, “nima uchun sodir bo‘ldi?”, “qayerda takrorlanishi mumkin?”, “qaysi omillar xavfni kuchaytirmoqda?” va “qanday profilaktik choralalar xavfni kamaytiradi?” degan savollarga javob izlaydi.

Shuningdek, “Criminology AI” texnologiyasi o‘zbek tilidagi kriminologik matnlarni avtomatik qayta ishlash imkoniyatini yaratishi bilan ham metodologik yangilikka ega. Tergov va sud hujjatlari, profilaktika hisobotlari va tahliliy ma‘lumotnomalarda jinoyat sabablari, motivlari, sharoitlari va profilaktik tavsiyalar ko‘pincha matn shaklida bayon qilinadi.

3. Texnologiyaning amaliy profilaktik imkoniyatlari

“Criminology AI” texnologiyasining asosiy amaliy qiymati jinoyatchilikni barvaqt oldini olishga xizmat qilishida namoyon bo‘ladi. Bu tizim profilaktika subyektlariga jinoyat sodir bo‘lishini kutib turmasdan, xavf shakllanayotgan bosqichdayoq uni aniqlash va zarur choralarni belgilash imkonini beradi.

Birinchidan, tizim **hududiy xavfni baholash** imkonini beradi. Ma‘lum bir mahalla, tuman, shahar, viloyat atrofida jinoyatchilik xavfi oshayotgan bo‘lsa, tizim bu holatni avvalgi davrlar, o‘xshash hududlar va mavjud omillar bilan solishtirib ko‘rsatadi. Natijada profilaktika tadbirlari umumiy tarzda emas, balki xavfi yuqori bo‘lgan aniq hududlarga yo‘naltiriladi.

Ikkinchidan, tizim **jinoyat turlari bo‘yicha prognoz** berishi mumkin. Masalan, firibgarlik, o‘g‘irlik, bezorilik, tan jarohati yetkazish, giyohvandlik bilan bog‘liq jinoyatlar yoki kiberjinoyatlar qaysi davrda va qaysi hududda ko‘payishi ehtimoli yuqoriligini aniqlash mumkin bo‘ladi. Bu esa huquqni muhofaza qiluvchi organlarga mavsumiy, hududiy va jinoyat turi bo‘yicha alohida profilaktika rejalarini ishlab chiqish imkonini beradi.

Uchinchidan, “Criminology AI” **resurslarni oqilona taqsimlashga** xizmat qiladi. Har bir hududda bir xil hajmda profilaktika o‘tkazish o‘rniga, xavf darajasi yuqori hududlarga ko‘proq e‘tibor qaratish, xavf darajasi past bo‘lgan hududlarda esa monitoringni saqlab qolish mumkin bo‘ladi.

To‘rtinchidan, tizim **profilaktik qarorlarni dalillarga asoslash** imkonini beradi. Masalan, ma‘lum hududda jinoyatchilikning o‘rish faqat “nazorat va chora-tadbirlar sustligi” bilan emas, balki ishsizlik, tungi yoritish, spirtli ichimlik savdosi, nizoli oilalar ko‘pligi, migratsiya, yoshlar bandligi pastligi yoki boshqa omillar bilan bog‘liq bo‘lishi mumkin. “Criminology AI” ushbu

omillarni o'zaro bog'liq holda baholab, qaysi profilaktik chora ko'proq samara berishini ko'rsatishga xizmat qiladi.

Beshinchidan, tizim **ilmiy-amaliy tavsiyalar ishlab chiqish** jarayonini kuchaytiradi. Jinoyatchilikka qarshi kurashish bo'yicha takliflar faqat umumiy mulohazalarga emas, balki real ma'lumotlar, algoritmik tahlil, ekspert bahosi va hududiy xususiyatlarga tayangan holda shakllantiriladi. Shu jihatdan "Criminology AI" kriminologik tadqiqot natijalarini amaliyotga yaqinlashtiradi.

Tadqiqot natijalari shuni ko'rsatadiki, "Criminology AI" milliy sun'iy intellekt texnologiyasini yaratish masalasi faqat raqamli dastur ishlab chiqish bilan chegaralanmaydi. Aksincha, bu tashabbus O'zbekiston kriminologiya fanida jinoyatchilikni tahlil qilish, prognozlash va barvaqt oldini olish metodologiyasini yangilashga qaratilgan keng qamrovli ilmiy-amaliy jarayon sifatida baholanishi lozim. Shu bois mazkur texnologiyani joriy etishda uning nazariy asoslari, metodologik chegaralari, amaliy samaradorligi, etik-huquqiy talablari hamda institutsional tatbiq mexanizmlari o'zaro uyg'unlikda ko'rib chiqilishi zarur [8].

Shu bilan birga, sun'iy intellekt jinoyatchilikni to'liq bartaraf etuvchi universal vosita sifatida talqin qilinmasligi kerak. U inson tafakkuri, kriminologik tajriba, huquqiy baholash va profilaktik amaliyotni almashtirmaydi, balki ularni kuchaytiruvchi tahliliy yordamchi mexanizm sifatida qaralishi lozim. Chunki jinoyatchilik murakkab ijtimoiy-huquqiy hodisa bo'lib, u faqat raqamlar yoki algoritmik bog'liqliklar bilan izohlanmaydi. Har bir jinoyat ortida shaxsiy motiv, oilaviy muhit, ijtimoiy holat, ma'naviy tarbiya, iqtisodiy sharoit, hududiy imkoniyat va vaziyat omillari mavjud. Shu sababli "Criminology AI" natijalari yakuniy hukm yoki qat'iy xulosa sifatida emas, balki ekspert tahlili, huquqiy baholash va profilaktik rejalashtirish uchun asos bo'ladigan yordamchi ilmiy-amaliy axborot sifatida foydalanilishi zarur. Shu nuqtai nazardan, "Criminology AI"ning O'zbekiston sharoitida ishlab chiqilishi tayyor xorijiy modelni ko'chirish emas, balki milliy ijtimoiy-huquqiy muhitga moslashtirilgan yangi kriminologik-intellektual platformani yaratish sifatida tushunilishi kerak.

Bunda metodologik jihatdan eng muhim masalalardan biri – indikatorlarni to'g'ri tanlashdir. Agar modelga faqat jinoyat sodir etilgan joy va vaqt kiritilsa, tizim jinoyatchilikning yuzaki ko'rinishini prognoz qilishi mumkin, ammo chuqur sababiy omillarni yetarli aniqlay olmaydi. Shuning uchun "Criminology AI"da jinoyat turi, jinoyat sodir etilgan hudud, vaqt, sodir etish usuli, shaxsning ijtimoiy-demografik xususiyatlari, muqaddam sudlanganlik, oilaviy holat, ishsizlik, mahalla infratuzilmasi, yoritish holati, ta'lim va bandlik ko'rsatkichlari, takroriy huquqbuzarliklar, hududdagi ijtimoiy muammolar kabi ko'p qatlamli indikatorlar jamlanishi maqsadga muvofiq.

Amaliy jihatdan "Criminology AI"ning samarasi uning huquqni muhofaza qiluvchi organlar faoliyatiga qanday integratsiya qilinishiga bog'liq bo'ladi. Agar tizim faqat ilmiy prototip sifatida qolib ketsa, uning amaliy qiymati cheklanadi. Shu sababli platforma profilaktika inspektorlari, hududiy ichki ishlar organlari, tahliliy bo'linmalar, mahalla tizimi va boshqa manfaatdor subyektlar foydalanishi mumkin bo'lgan sodda, tushunarli va amaliy interfeysga ega bo'lishi kerak. Foydalanuvchi tizimdan murakkab texnik bilimlarsiz foydalanishi, hudud, jinoyat turi, vaqt oralig'i, xavf darajasi va tavsiya etilgan profilaktik choralarni tezkor ko'ra olishi lozim [9].

Bundan tashqari, "Criminology AI"ning real samaradorligini baholash uchun uni pilot hududlarda sinovdan o'tkazish muhimdir. Bunda AI tavsiyalari asosida profilaktik chora-tadbirlar amalga oshirilgan hududlar bilan an'anaviy usulda ishlagan hududlar natijalari taqqoslanishi mumkin [10]. Agar sun'iy intellekt tavsiyalari asosida jinoyat sodir etilish xavfi yuqori bo'lgan hududlarda nazorat kuchaytirilsa, muayyan jinoyat turlari bo'yicha barvaqt profilaktika ishlari

amalga oshirilsa va natijada jinoyatchilik ko'rsatkichlarida ijobiy o'zgarish kuzatilsa, bu tizimning amaliy samaradorligini asoslashga xizmat qiladi.

Yuqoridagi tahlillar shuni ko'rsatadiki, "Criminology AI" milliy sun'iy intellekt texnologiyasini yaratish O'zbekiston sharoitida jinoyatchilikka qarshi kurashish va huquqbuzarliklar profilaktikasini sifat jihatidan yangi bosqichga olib chiqishga xizmat qiluvchi muhim ilmiy-amaliy tashabbus hisoblanadi. Mazkur texnologiyaning dolzarbligi, avvalo, jinoyatchilikning zamonaviy shakllari tez o'zgarib borayotgani, axborot texnologiyalari yordamida sodir etilayotgan jinoyatlar salmog'i ortayotgani, mavjud tahliliy amaliyot esa ko'p hollarda sodir etilgan jinoyatlar bo'yicha keyingi baholash bilan cheklanib qolayotgani bilan izohlanadi. Shu sababli jinoyatlarning sabab va sharoitlarini faqat retrospektiv tarzda emas, balki prognozli, tizimli va raqamli usullar asosida tahlil qilish zarurati kuchaymoqda.

Tadqiqot natijalariga ko'ra, "Criminology AI" oddiy dasturiy vosita emas, balki jinoyatlarning sabab va sharoitlarini aniqlash, kriminogen omillarni baholash, hududiy xavf nuqtalarini belgilash, jinoyatchilik tendensiyalarini prognoz qilish hamda profilaktik chora-tadbirlarni manzilli tavsiya etishga qaratilgan kompleks kriminologik-intellektual platforma sifatida shakllanishi lozim. Ushbu platforma ma'lumotlar bazasi, sun'iy intellekt moduli, geografik axborot tizimi, tabiiy tilni qayta ishlash komponenti, vizual dashboard, avtomatik ogohlantirish tizimi, tushuntiriladigan sun'iy intellekt hamda qaror qabul qilishga ko'maklashuvchi modullarni o'z ichiga olishi bilan amaliy jihatdan yuqori ahamiyat kasb etadi.

Tadqiqot asosida quyidagi ilmiy-amaliy takliflarni ilgari surish mumkin:

birinchidan, O'zbekiston sharoitida jinoyatchilikni barvaqt oldini olish samaradorligini oshirish uchun jinoyatlarning sabab va sharoitlarini sun'iy intellekt asosida kompleks tahlil qiluvchi milliy platformani yaratish zarur;

ikkinchidan, "Criminology AI" texnologiyasi jinoyatchilikni prognoz qilishda faqat joy va vaqt omiliga emas, balki shaxsiy, ijtimoiy, iqtisodiy, hududiy, demografik va infratuzilmaviy omillar majmuasiga tayanishi lozim;

uchinchidan, ushbu tizim shaxsni avtomatik ayblovchi yoki tamg'alovchi vosita emas, balki profilaktika subyektlariga xavf omillarini aniqlash va manzilli choralar belgilashda yordam beruvchi analitik mexanizm sifatida ishlashi kerak;

to'rtinchidan, "Criminology AI"ni yaratishda o'zbek tilidagi kriminologik, sud-tergov va profilaktik hujjatlarni qayta ishlashga mo'ljallangan tabiiy tilni qayta ishlash moduli alohida ahamiyat kasb etadi;

beshinchidan, platformani amaliyotga joriy etishdan oldin uni pilot hududlarda sinovdan o'tkazish, natijalarni ekspertlar ishtirokida baholash, model aniqligi va amaliy samaradorligini tekshirish zarur;

oltinchidan, "Criminology AI" O'zbekistonda raqamli kriminologiyani rivojlantirish, kriminologik prognoz metodologiyasini takomillashtirish va jinoyatchilikka qarshi kurashishda ma'lumotlarga asoslangan boshqaruv madaniyatini shakllantirishga xizmat qiluvchi strategik ilmiy-amaliy loyiha sifatida baholanishi mumkin.

Umumiy xulosa sifatida ta'kidlash joizki, "Criminology AI" milliy sun'iy intellekt texnologiyasini yaratish O'zbekiston kriminologiya fanida nazariy yangilanish, metodologik takomillashuv va amaliy profilaktika samaradorligini oshirishga xizmat qiladigan dolzarb yo'nalishdir. Mazkur platforma jinoyatlarning sabab va sharoitlarini chuqur tahlil qilish, xavf omillarini erta aniqlash, kriminogen hududlarni prognozlash va profilaktik qarorlarni ilmiy asosda qabul qilish imkonini beradi. Shu bois ushbu texnologiyani ishlab chiqish va amaliyotga joriy etish

mamlakatda xavfsiz ijtimoiy muhitni mustahkamlash, jinoyatchilikning oldini olish hamda huquq-tartibot organlari faoliyatini raqamli va intellektual asosda rivojlantirishning muhim omillaridan biri hisoblanadi. Loyiha talabnomasida ham “Criminology AI” tizimi O‘zbekiston sharoitiga moslashtirilgan, o‘zbek tilida ishlovchi, real ma’lumotlar bilan ishlaydigan va jinoyatchilikni barvaqt oldini olishga xizmat qiluvchi milliy platforma sifatida asoslangan.

Foydalanilgan manbalar / References

1. O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining “Jamoat xavfsizligini ta’minlash va jinoyatchilikka qarshi kurashish sohasini ilmiy tadqiq qilish faoliyatini sifat jihatidan yangi bosqichga ko‘tarish chora-tadbirlari to‘g‘risida”gi Farmoni. 2024-yil 15-yanvar, PF–10-son // Qonunchilik ma’lumotlari milliy bazasi. — URL: <https://lex.uz/docs/-6755597>
2. O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining “Kriminologiya sohasida ilmiy-amaliy tadqiqot ishlarini tashkil etish chora-tadbirlari to‘g‘risida”gi Qarori. 2024-yil 15-yanvar, PQ–22-son // Qonunchilik ma’lumotlari milliy bazasi. — URL: <https://lex.uz/docs/-6755253>
3. O‘zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasining “Kriminologik faoliyatni ilmiy ta’minlash chora-tadbirlari to‘g‘risida”gi Qarori. 2024-yil 24-iyul, 445-son // Qonunchilik ma’lumotlari milliy bazasi. — URL: <https://lex.uz/docs/-7034904>
4. O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining “Sun’iy intellekt texnologiyalarini 2030-yilga qadar rivojlantirish strategiyasini tasdiqlash to‘g‘risida”gi Qarori. 2024-yil 14-oktyabr, PQ–358-son // Qonunchilik ma’lumotlari milliy bazasi. — URL: <https://lex.uz/docs/-7158604>
5. National Institute of Justice. Artificial Intelligence [Electronic resource]. — Washington, D.C.: National Institute of Justice. — URL: <https://nij.ojp.gov/topics/artificial-intelligence>
6. National Institute of Justice. Overview of Predictive Policing [Electronic resource]. — Washington, D.C.: National Institute of Justice. — URL: <https://nij.ojp.gov/topics/articles/overview-predictive-policing>
7. Perry W.L., McInnis B., Price C.C., Smith S.C., Hollywood J.S. Predictive Policing: The Role of Crime Forecasting in Law Enforcement Operations. — Santa Monica: RAND Corporation, 2013. — 186 p.
8. Mohler G.O., Short M.B., Brantingham P.J., Schoenberg F.P., Tita G.E. Randomized Controlled Field Trials of Predictive Policing // Journal of the American Statistical Association. — 2015. — Vol. 110, № 512. — P. 1399–1411.
9. Ratcliffe J.H. Intelligence-Led Policing. — 2nd ed. — London; New York: Routledge, 2016. — 234 p.
10. Ferguson A.G. The Rise of Big Data Policing: Surveillance, Race, and the Future of Law Enforcement. — New York: New York University Press, 2017. — 272 p.
11. <https://www.gazeta.uz/oz/2025/11/05/cybercrime/>

FINANCIAL FRAUD THROUGH THE THEFT OF BANK CARD DATA: A SYSTEMATIC ANALYTICAL REVIEW

Ulugbek Choriyev

Research fellow of Research
Institute of Criminology of the
Republic of Uzbekistan

O‘zbekiston Respublikasi
Kriminologiya tadqiqot instituti
ilmiy xodimi

Исследовательский институт
криминологии Республики
Узбекистан, научный
сотрудник

Abstract. Theft of bank payment card data is among the most widespread forms of financial fraud, yet the techniques involved are frequently studied in isolation rather than as components of a single monetization process. This article addresses that gap by systematizing, within one analytical framework, the principal methods of obtaining payment card credentials – the card number, expiry date, security code, and one-time confirmation password – together with the subsequent use of the stolen data and the mechanism through which financial harm accrues. The study is analytical rather than empirical: it applies comparative, systematic, and descriptive-statistical approaches to a body of secondary material comprising peer-reviewed publications, industry security reports, and international legal instruments. The analysis classifies the theft techniques by their technical features, distinguishing device-based methods (skimming and shimming) from digital methods (phishing, fake payment pages, and electronic skimming), and then traces how the resulting credentials circulate through underground carding markets before being converted into monetary loss and proposes directions for further research, particularly empirical measurement in the context of Uzbekistan.

Keywords: financial fraud; bank card data; phishing; skimming; e-skimming; carding; one-time password; cybersecurity.

MOLIYAVIY FIRIBGARLIK: BANK KARTA MA’LUMOTLARINING O‘G‘IRLANISHI

Annotatsiya. Bank to‘lov kartalari ma’lumotlarini o‘g‘irlash moliyaviy firibgarlikning keng tarqalgan shakllaridan biri hisoblanadi, ammo jalb qilingan usullar ko‘pincha yagona iqtisodiy jarayonining tarkibiy qismlari sifatida emas, balki alohida o‘rganiladi. Ushbu bo‘shliqni bitta tahliliy doirada, to‘lov kartasining hisobga olish ma’lumotlarini olishning asosiy usullarini – karta raqami, amal qilish muddati, xavfsizlik kodi va bir martalik tasdiqlash paroli, shuningdek, o‘g‘irlangan ma’lumotlardan keyingi foydalanish va moliyaviy zarar yetkazish mexanizmini tizimlashtirish orqali hal qiladi. Tadqiqot empirik emas, balki analitikdir: u ko‘rib chiqilgan nashrlar, sanoat xavfsizligi hisobotlari va xalqaro huquqiy hujjatlarni o‘z ichiga olgan ikkilamchi materiallar to‘plamiga qiyosiy, tizimli va tavsifiy-statistik yondashuvlarni qo‘llaydi. Tahlil o‘g‘irlik usullarini texnik xususiyatlariga ko‘ra tasniflaydi, qurilmaga asoslangan usullarni (skimming va shimming) raqamli usullardan (fishing, soxta to‘lov sahifalari va elektron skimming) ajratadi, so‘ngra natijada olingan hisob ma’lumotlari pul yo‘qotishga aylantirilgunga qadar yer osti kartalari bozorlarida qanday aylanayotganini kuzatib boradi va keyingi o‘lchovlar uchun, xususan, O‘zbekistonda empirik o‘lchash yo‘nalishlarini taklif qiladi.

Kalit so‘zlar: moliyaviy firibgarlik; bank kartasi ma’lumotlari; fishing; skimming; elektron skimming; karta ma’lumotlarini qidirish; bir martalik parol; kiberxavfsizlik.

The rapid expansion of digital payments has produced convenience alongside a new field of risk: the credentials of a bank payment card have become a highly liquid commodity for cybercriminals. Bank card data – the primary account number (PAN), expiry date, cardholder name, and, most critically, the security code (CVV/CVC) together with the one-time password (OTP) confirming a transaction – becomes a target of theft precisely because it can be converted directly into monetary value.

The relevance of the subject is confirmed by statistical indicators. According to data attributed to the United States Federal Trade Commission, card fraud was the most frequently reported type of identity theft in 2024, with more than 449,000 reports recorded approximately 8 per cent higher than in 2023 – while consumer losses to fraud exceeded USD 12.5 billion, a 25 per cent increase over the preceding year [1]. The theft of card data is also large-scale in international markets: more than 119 million payment card credentials were reportedly posted or offered for sale online during 2023 [2, 3].

The matter is of particular significance in the context of Uzbekistan. As the use of bank cards and mobile payment applications has spread, cases of card-data theft through phishing and fake payment pages have risen sharply. According to figures attributed to the Cybersecurity Centre of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan, the number of crimes committed with the aid of information technology grew from 863 in 2019 to 58,800 in 2024; over 2021 – 2024 more than USD 148.9 million was stolen from citizens, with approximately 98 per cent of cases relating to theft or fraud involving bank cards [4]. The trend has intensified further: cybercrime cases reportedly increased roughly elevenfold over five years – from 4,865 to 62,440 with damage of 3.73 trillion sum, and 483 phishing programmes and 1,508 malicious links were blocked [5].

The scholarly problem is that the methods of card-data theft (phishing, skimming, e-skimming, carding, and others) are often examined separately in the literature, while their connection as a single economic chain – from theft through to the monetization of stolen data on the carding market – remains insufficiently systematized. This fragmentation in turn leads to the piecemeal application of protective measures.

This article is analytical (review) in character: it does not conduct a new empirical experiment but rather synthesizes existing scholarly literature, industry reports, and international instruments through comparative and systematic analysis in order to generalize the methods of card-data theft and their consequences. The **aim** of the study is to systematize the methods of stealing bank card data and to analyze their role in the formation of financial harm. From this aim, the following **objectives** were defined:

1. to analyze and classify the principal methods of card-data theft (phishing, fake payment pages, skimming/e-skimming, carding, CVV/OTP deception);
2. to examine the subsequent use of stolen data and its circulation on the carding market;
3. to generalize the mechanism by which financial harm is formed;
4. to outline the context of legal qualification and to formulate practical recommendations.

This analytical work is based not on empirical testing but on the systematic study of existing sources and financial-sector reports. The following methods were applied:

- **Comparative-analytical method**, used to compare the methods of card-data theft with one another according to their technical features and effectiveness.
- **Systematic approach**, used to consider individual methods as links in a single economic chain extending from theft to monetization.
- **Descriptive-statistical analysis**, used to aggregate the quantitative data contained in reports on financial fraud.

- **Formal-legal method**, used to delineate the context of the legal qualification of the conduct concerned.

Source base. Several categories of source were drawn upon: (a) peer-reviewed international scholarly publications (academic research on the cloning of EMV cards, defence against e-skimmers, and the detection of payment fraud through machine learning) [6, 7, 8, 9]; (b) industry and security reports and statistical sources [1, 2, 3, 10, 11, 12, 13, 14, 15]; (c) official and academic sources relating to Uzbekistan (statistics of the Ministry of Internal Affairs Cybersecurity Centre and national peer-reviewed analyses) [4, 5, 16]; and (d) international and national legal instruments – the Council of Europe Convention on Cybercrime [17] and the Criminal Code and sectoral laws of the Republic of Uzbekistan [18, 19, 20, 21]. The legal norms should be additionally verified by the author against the current redaction via lex.uz.

A **limitation** of the study is that the statistical indicators cited reflect the state of affairs at the time the sources were published and remain relative in a rapidly changing field.

A general framework for card-data theft

It is expedient to divide the methods of stealing payment card data into two broad groups: (1) **physical/device-based methods** – skimming and shimming, that is, the capture of data from physical devices such as ATMs or payment terminals; and (2) **digital/online methods** – phishing, fake payment pages, and e-skimming, that is, the acquisition of data within the internet environment. Both groups ultimately produce the same product – saleable card credentials – and therefore feed into a common “carding” economy (Section 3.5).

Phishing and fake payment pages

Phishing is a method of deceiving a user, in the name of a trusted organization (a bank, payment system, or government service), into voluntarily entering card credentials. According to the Verizon [15] *Data Breach Investigations Report*, phishing remains one of the principal vectors in credential-related breaches, and users often respond to a phishing message in less than a minute: on average 21 seconds elapse before a link is clicked and a further 28 seconds before data is entered [15]. In its analysis of the finance sector, ENISA [11] notes that phishing, smishing (phishing via SMS), and vishing (deception via telephone call) are the principal forms of social-engineering attack, with individuals targeted in approximately 38 per cent of cases and banks in 36 per cent.

A fake payment page is the technical manifestation of phishing, operating through a page that imitates the interface of a legitimate bank or payment system. When a user is directed to such a page (typically via a malicious link), they enter the card number, expiry date, and CVV code, and these data are transmitted directly to the attacker's server. The ENISA [11] report specifically emphasizes the large-scale theft of card data resulting from the impersonation of banks and from successful phishing and smishing.

Skimming, shimming, and e-skimming (Magecart)

Skimming is a method of capturing the data on a card's magnetic stripe together with the PIN by installing a concealed device on the card-reading mechanism of an ATM or point-of-sale (POS) terminal. According to industry data, card skimming remains a serious threat causing financial institutions and consumers more than a billion dollars in losses annually [12]. **Shimming** is an advanced variant carried out through a thin device inserted inside the card reader and adapted to obtain data from EMV chip cards [12]. The academic literature has demonstrated certain vulnerabilities of the EMV protocol, including the possibility of cloning chip cards through the “pre-play” attack [6]; this implies that stolen data may be transferred to a counterfeit card.

E-skimming, or the **Magecart** attack, is a method in which malicious JavaScript code is covertly placed on the checkout page of an e-commerce site so that the card credentials entered by a user are stolen in real time. According to Imperva [13], Magecart is a generic term applied to criminal groups that steal payment data from online payment pages, with the attack carried out by injecting malicious code into a legitimate page (web skimming). Researchers observe that the malicious script “reads” the fields for the card number, expiry date, and security code (CVC) and sends the data to the attacker’s server; to avoid detection, the code is heavily obfuscated and sometimes equipped with a self-deleting mechanism [13, 14]. Such campaigns have been reported to target several major payment networks, including American Express, Discover, and Mastercard [14]. The academic literature has also proposed defences against e-skimmers, including a reverse-proxy approach [9].

CVV and OTP deception (social engineering)

In modern payment systems the one-time password (OTP) is used as an additional protective layer confirming a transaction. However, although the OTP is more advanced than a static password, it can be circumvented through social engineering and interception: fraudsters frequently impersonate bank employees to induce a user to disclose a temporary code [22]. The OTP delivered via SMS is especially vulnerable to SIM-swap and network-level attacks [22]. According to the United Kingdom fraud-prevention organization Cifas, the number of unauthorized SIM-swap cases in 2024 rose from 289 in 2023 to almost 3,000 – a sharp increase of 1,055 per cent [23]. CVV and OTP deception thus relies more on the human factor than on technical compromise – persuading the user to disclose a secret code – and enables the credentials to be completed into a full “set” with which a transaction can be finalized.

Use of stolen data and the carding market

Stolen card data, regardless of the method by which it was obtained, is often monetized not directly by the person who stole it but through hidden (dark-web) markets where it is first sold. **Carding** is the general term for the use of stolen card credentials in fraudulent transactions and their trade. According to analyses, dark-web markets operate similarly to legitimate e-commerce sites: they feature vendor ratings, buyer reviews, and escrow services that ensure “trust” among criminals while anonymity is maintained through the Tor network [2, 24]. At the end of 2023, card data was the most heavily advertised type of threat on dark-web channels, accounting for approximately 81 per cent of illicit offerings [2]. One of the largest markets – Yale Lodge – accounted for nearly half of the Bitcoin payments directed to vendors of stolen data in May 2023 [24]. The instability of such markets (exit scams and closure by law enforcement) is also observed [10].

From an economic perspective, this market specializes the act of theft: the person who steals the data (skimmer/phisher), the person who sells it (vendor), and the person who uses it (carder) are often different individuals. In this way the individual technical methods (Sections 3.2-3.4) become entry points into a single distributed economic chain.

The mechanism of financial harm

Financial harm is formed in several stages: (a) **direct harm** – the withdrawal of funds from the cardholder’s or bank’s account through a fraudulent transaction; (b) **indirect harm** – the bank’s chargeback obligations, investigation costs, and reputational damage; and (c) **systemic harm** – the decline of consumer trust and the additional expenditure devoted to protective measures. The Federal Trade Commission data reported by The Motley Fool [1] and the card-fraud statistics [2] reflect precisely the aggregate scale of this harm

Summary table of results

Principal methods of bank-card fraud

Each method is characterized by its mechanism of action, the credential data it targets, and its principal consequence.

METHOD	PRINCIPAL MECHANISM	TARGET DATA	PRINCIPAL CONSEQUENCE
01 Phishing / fake page	→ Deceptive entry of credentials on a counterfeit page [11, 15]	→ PAN Expiry CVC	→ Full disclosure of credentials
02 Skimming / shimming	→ Copying card data via a physical device at the terminal [6, 12]	→ Magnetic stripe / chip PIN	→ Creation of a counterfeit card
03 E-skimming (Magecart)	→ Malicious JavaScript injected into the checkout page [13, 14]	→ PAN Expiry CVC	→ Real-time mass theft
04 CVV / OTP deception	→ Social engineering and SIM-swap interception [22, 23]	→ CVV OTP	→ Completion of a fraudulent transaction
05 Carding	→ Sale and use of data on hidden (darknet) markets [2, 24]	→ Stolen credentials	→ Monetization of the stolen data

Note: the table is an analytical generalization; in a concrete attack scenario the methods may be used in combination.

Context of legal qualification

The conduct described above combines several distinct criminal elements in legal terms. The Convention on Cybercrime [17] defines illegal access to computer systems, illegal interception of data, data interference, and computer-related fraud as separate offences. In the Republic of Uzbekistan, such conduct is qualified primarily under the fraud provisions of the Criminal Code (Article 168–the acquisition of another’s property or of a right to property through deception or abuse of trust) and under the articles of the chapter on “Crimes in the field of information technology,” including the provision (Article 278²) concerning the unlawful (unauthorized) use of computer information [18]. The precise dispositions and sanctions of these articles should be verified against the current redaction via lex.uz [VERIFY against current redaction at lex.uz]; the article numbers cited here must not be relied upon until confirmed. The object of such conduct – payment relations and personal data – is regulated at the national level by sectoral laws: the Law on Payments and Payment Systems [20], the Law on Banks and Banking Activity [19], and the Law on Personal Data [21]. These instruments must likewise be confirmed by the author in their current redaction [VERIFY against current redaction at lex.uz].

The results of the analysis advance several generalized conclusions. **First**, the technically diverse methods of card-data theft (from physical skimming to digital e-skimming) produce the same end product – saleable card credentials – and it is therefore more effective to consider them not separately but as links in a single economic chain, which enhances the efficacy of protection.

Second, the “division of labour” underlying the theft is noteworthy: owing to the existence of the carding market, the person who steals the data and the person who uses it are often different individuals [2, 24]. This circumstance complicates legal qualification – theft, the sale of data, and the fraudulent transaction may constitute separate acts – and renders international cooperation, within the framework established by the Convention on Cybercrime [17], necessary.

Third, the predominance of the social-engineering factor is evident: CVV and OTP deception, as well as phishing, rely more on the abuse of user trust than on technical compromise [11, 15, 22]. The sharp rise in SIM-swap cases [23] indicates that SMS-based OTP cannot remain the sole protection and makes the transition to phishing-resistant authentication methods a pressing concern.

Fourth, for the context of Uzbekistan these results have practical significance: as digital payments spread, user-awareness programmes should not remain at the level of “do not click links” but should also encompass the skills of recognizing a fake payment page, never disclosing the CVV or OTP to anyone, and verifying the official channels of banks. This observation stands in a complementary relation to the earlier analyses in this series devoted to phishing links and fake websites.

The **limitations** of the study are acknowledged: the article relies on secondary sources and does not present its own empirical measurements; the statistical indicators reflect the state of the sources at the time of their publication; and the national figures relating to Uzbekistan are drawn from official reports (the Ministry of Internal Affairs Cybersecurity Centre), whose categorization changes rapidly. The classification presented should therefore be interpreted as an analytical framework rather than a universal regularity.

The study systematically analyzed the methods of stealing bank card data and their financial consequences, arriving at the following principal conclusions:

1. The methods are links in a single chain. Although phishing, fake payment pages, skimming/shimming, e-skimming (Magecart), CVV/OTP deception, and carding differ technically, they constitute a single economic chain extending from theft to monetization.

2. The human factor is the central point. Many methods (phishing, CVV/OTP deception) rely on the abuse of user trust rather than on technical compromise; reliance on technical protection alone is insufficient.

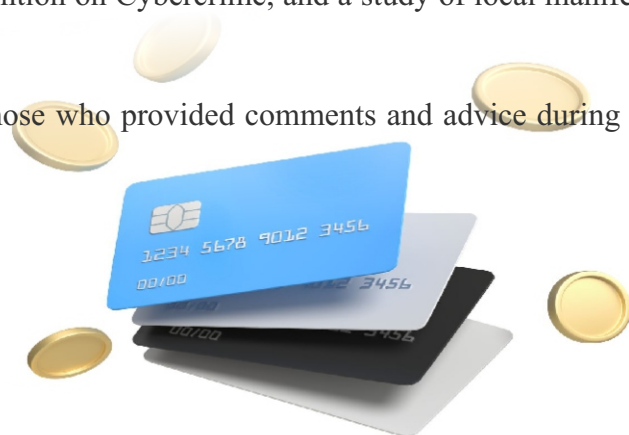
3. Protection must be layered. Measures appropriate to each link of the chain (user, bank, commercial platform) – training, transaction monitoring, page-integrity control, and phishing-resistant authentication – are effective only in combination.

Practical recommendations: (a) to extend user training with the skills of recognizing a fake payment page and not disclosing the CVV/OTP; (b) to strengthen the real-time detection of anomalous transactions and card-tokenization mechanisms at banks; (c) to monitor the integrity of the payment page (script monitoring, Content Security Policy) on e-commerce platforms; and (d) to transition gradually from SMS-based OTP to more phishing-resistant authentication methods.

As **directions for further research**, the following are proposed: the empirical measurement of card-fraud incidents in Uzbekistan, an analysis of the conformity of national legal qualification with the standards of the Convention on Cybercrime, and a study of local manifestations of the carding market.

Acknowledgements

The author thanks those who provided comments and advice during the preparation of this article.

References / Foydalanilgan manbalar

1. The Motley Fool. (2025). Identity theft and credit card fraud statistics for 2025. <https://www.fool.com/money/research/identity-theft-credit-card-fraud-statistics/>
2. H25. (2024). Stolen credit cards for sale: How the dark-web carding economy works. <https://www.h25.io/dark-web/stolen-credit-cards-for-sale-how-the-dark%E2%80%91web-carding-economy-works/>
3. Trend Micro. (2023). Over 30 million stolen credit card records being sold on the dark web. <https://www.trendmicro.com/vinfo/us/security/news/cybercrime-and-digital-threats/over-30-million-stolen-credit-card-records-being-sold-on-the-dark-web>
4. Gazeta.uz. (2025, May 31). Cybercrimes in Uzbekistan increase 68-fold in five years (based on data of the Cybersecurity Centre of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan). <https://www.gazeta.uz/en/2025/05/31/cybercrime/>
5. Kun.uz. (2025, December 23). Cybercrime cases surge elevenfold across Uzbekistan. <https://kun.uz/en/news/2025/12/23/cybercrime-cases-surge-elevenfold-across-uzbekistan>
6. Bond, M., Choudary, O., Murdoch, S. J., Skorobogatov, S., & Anderson, R. (2014). Chip and skim: Cloning EMV cards with the pre-play attack (arXiv:1209.2531). arXiv. <https://arxiv.org/pdf/1209.2531>
7. Cherif, A., Badhib, A., Ammar, H., Alshehri, S., Kalkatawi, M., & Imine, A. (2023). Credit card fraud detection in the era of disruptive technologies: A systematic review. *Journal of King Saud University – Computer and Information Sciences*, 35(1), 145–174. <https://doi.org/10.1016/j.jksuci.2022.11.008>
8. Strelcenia, E., & Prakoonwit, S. (2023). Improving classification performance in credit card fraud detection by using new data augmentation. *AI*, 4(1), 172–198. <https://doi.org/10.3390/ai4010008>
9. [CITATION NEEDED – author to supply complete bibliographic details for “NAISS: A reverse proxy approach to mitigate MageCart's e-skimmers in e-commerce,” *Computers & Security*, Elsevier. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0167404824000981>]
10. Clearly Payments. (2024). Credit card fraud statistics in 2024 for USA. <https://www.clearlypayments.com/blog/credit-card-fraud-statistics-in-2024-for-usa/>
11. ENISA. (2025). ENISA threat landscape: Finance sector, January 2023 to June 2024. European Union Agency for Cybersecurity. https://www.enisa.europa.eu/sites/default/files/2025-02/Finance%20TL%202024_Final.pdf
12. Focal. (n.d.). What is card skimming and how to stay safe from ATM fraud? Retrieved June 4, 2026, from <https://www.getfocal.ai/blog/what-is-card-skimming>
13. Imperva. (n.d.). What is Magecart: Attack examples & prevention techniques. Retrieved June 4, 2026, from <https://www.imperva.com/learn/application-security/magecart/>
14. The Hacker News. (2026, January). Long-running web skimming campaign steals credit cards from online checkout pages. <https://thehackernews.com/2026/01/long-running-web-skimming-campaign.html>
15. Verizon. (2024). 2024 data breach investigations report: Executive summary. <https://www.verizon.com/business/resources/reports/2024-dbr-executive-summary.pdf>
16. World Bulletin of Management and Law. (2025). Cybercrimes committed through phishing and ransomware attacks in Uzbekistan: Analysis and protective measures. <https://scholarexpress.net/index.php/wbml/article/view/5179> [CITATION NEEDED – author(s) name(s) to supply]
17. Council of Europe. (2001). Convention on Cybercrime (ETS No. 185). <https://rm.coe.int/1680081561>
18. Criminal Code of the Republic of Uzbekistan (1994, as amended). Lex.uz. <https://lex.uz/docs/-111453> [VERIFY against current redaction at lex.uz]
19. Law on Banks and Banking Activity of the Republic of Uzbekistan (No. ZRU-580, November 5, 2019). Lex.uz. <https://lex.uz/docs/-4581969> [VERIFY against current redaction at lex.uz]
20. Law on Payments and Payment Systems of the Republic of Uzbekistan (No. ZRU-578, November 1, 2019). Lex.uz. <https://lex.uz/docs/-4574008> [VERIFY against current redaction at lex.uz]
21. Law on Personal Data of the Republic of Uzbekistan (No. ZRU-547, July 2, 2019). Lex.uz. <https://lex.uz/docs/-4396419> [VERIFY against current redaction at lex.uz]
22. IDlayr. (n.d.). The problem with SMS OTPs: Why this 2FA method isn't as secure as you think. Retrieved June 4, 2026, from <https://idlayr.com/blog/sms-otp-2fa-fraud/>
23. TechCrunch. (2024, May 13). “Got that boomer!”: How cybercriminals steal one-time passcodes for SIM swap attacks and raiding bank accounts. <https://techcrunch.com/2024/05/13/cyber-criminals-stealing-one-time-passcodes-sim-swap-raiding-bank-accounts/>
24. Elliptic. (2023). Largest stolen credit card market shunned by cybercriminals after alleged “exit scam.” <https://www.elliptic.co/blog/analysis/largest-stolen-credit-card-market-shunned-by-cybercriminals-after-alleged-exit-scam>

KIBERJINOYATLAR PROFILAKTIKASINI TAKOMILLASHTIRISHNING NAZARIY-METODOLOGIK ASOSLARI

Mirzajonov Shoxruxbek Sobirjonovich

O'zbekiston Respublikasi
Kriminologiya tadqiqot
instituti mustaqil izlanuvchisi

Исследовательский институт
криминологии Республики
Узбекистан, независимый
научный сотрудник

Independent researcher at the
Research Institute of
Criminology of the Republic of
Uzbekistan

Annotatsiya. Maqolada Yangi O'zbekistonda kiberjinoyatchilikning oldini olishning normativ, uslubiy va doktrinal asoslari tahlil qilingan. Milliy strategiyalar hamda xorijiy (MDH, Osiyo, Yevropa, AQSh) yondashuvlarning qiyosiy tahlili asosida tadqiqotga situatsion profilaktika va politsentrik boshqaruv kabi zamonaviy konsepsiyalar integratsiya qilingan. Muallif "kibero'g'rilik" va "kiberfiribgarlik" tushunchalarining mualliflik ta'riflarini taklif etadi, shuningdek, kiberxavfsizlikni ta'minlash va raqamli huquqlarni himoya qilish prinsipini mustahkamlash zaruratini asoslaydi.

Kalit so'zlar: kiberjinoyatlar profilaktikasi; kiberxavfsizlik; raqamli huquqlar; kibero'g'rilik; kiberfiribgarlik; situativ profilaktika; politsentrik boshqaruv; Budapesht konvensiyasi; NIS2.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR IMPROVING CYBERCRIME PREVENTION

Abstract. The article analyzes the regulatory, methodological, and doctrinal foundations of cybercrime prevention in New Uzbekistan. Based on national strategies and a comparative review of foreign approaches (CIS, Asia, Europe, USA), the study integrates contemporary concepts – such as situational prevention and polycentric governance – into the national criminological perspective. The author proposes original definitions for “cyber theft” and “cyber fraud” to be included in the Criminal Code, alongside codifying a distinct principle of ensuring cybersecurity and protecting digital rights.

Keywords: cybercrime prevention; cybersecurity; digital rights; cyber theft; cyber fraud; situational prevention; polycentric governance; Budapest Convention; NIS2.

XXI asrning uchinchi o'n yilligiga kelib, insoniyat sivilizatsiyasi o'zining rivojlanish bosqichida tub burilish nuqtasiga – global raqamlashtirish davriga qadam qo'ydi. Axborot-kommunikatsiya texnologiyalarining shiddatli rivojlanishi nafaqat iqtisodiy va ijtimoiy munosabatlarni, balki davlat boshqaruvi, milliy xavfsizlik va huquq-tartibot tizimining paradig-malarini ham tubdan o'zgartirib yubordi. Ushbu global tendensiyalar fonida Yangi O'zbekistonda amalga oshirilayotgan keng ko'lamli islohotlar raqamli suverenitetni mustahkamlash va kibermakonda fuqarolarning huquq va erkinliklarini ishonchli himoya qilishga qaratilgan yangicha yondashuvlarni taqozo etayotgani hech kimga sir emas.

Shu o'rinda, O'zbekiston Respublikasi Prezident Sh.Mirziyoyev rahbarligida mamlakatimizda raqamli iqtisodiyotni rivojlantirish davlat siyosatining ustuvor yo'nalishi sifatida belgilab olindi. Xususan, “Raqamli O'zbekiston — 2030” strategiyasining qabul qilinishi [1] va uning doirasida amalga oshirilayotgan tizimli ishlar respublikani mintaqaviy IT-habga aylantirish, davlat xizmatlarini

to'liq raqamlashtirish va iqtisodiyotning barcha tarmoqlariga “aqlli” texnologiyalarni joriy etish maqsadini ko'zlaydi [2]. Biroq, dialektik qonuniyatlarga ko'ra, har qanday texnologik progress o'zi bilan birga yangi turdagi xavf-xatarlarni ham olib keladi. Raqamlashuv jarayonlarining tezlashishi kibermakondagi jinoyatchilikning (*cybercrime*) misli ko'rilmagan darajada o'sishiga, uning shakllari va usullarining murakkablashuviga zamin yaratmoqda.

Jahon iqtisodiyoti va siyosatida yuz berayotgan geosiyosiy o'zgarishlar sharoitida kiber-xavfsizlik nafaqat texnik masala, balki milliy xavfsizlikning eng muhim tarkibiy qismiga aylandi. Xalqaro ekspertlarning baholashicha, kiberhujumlar natijasida jahon iqtisodiyotiga yetayotgan yillik zarar miqdori trillionlab AQSH dollarini tashkil etmoqda va bu ko'rsatkich yil sayin ortib bormoqda [3]. O'zbekistonda ham so'nggi yillarda bank kartalaridan o'g'rilik, fishing hujumlari, ijtimoiy muhandislik (*social engineering*) asosidagi friribgarliklar va muhim axborot infratuzilmasiga qaratilgan kibertahdidlar soni keskin oshgani kuzatilmoqda. Bu esa, o'z navbatida, huquqni muhofaza qiluvchi organlar va qonun chiqaruvchilar oldiga jinoyatchilikka qarshi kurashishning an'anaviy reaktiv (*jinoyat sodir etilgandan keyingi*) usullaridan voz kechib, proaktiv (*oldini oluvchi*) strategiyalarni ishlab chiqish vazifasini ko'ndalang qo'yimoqda.

Mazkur mavzuning dolzarbligi shundaki, milliy qonunchiligimizda va huquqiy fanda “kiberjinoyatlar profilaktikasi” tushunchasi, uning metodologik asoslari va amalga oshirish mexanizmlari haligacha to'liq va tizimli ravishda tadqiq etilmagan. Amaliyotda ko'rilyotgan cho-ralar ko'pincha tarqoq, texnik xarakterga ega bo'lib, jinoyatning asl sabablarini (*kriminogen omil-larni*) bartaraf etishga emas, balki oqibatlarini yumshatishga qaratilmoqda. Shu bois, ushbu maqolada biz kiberjinoyatlar profilaktikasining ilmiy-nazariy mohiyatini ochib berish, milliy va xorijiy tajribani qiyosiy tahlil qilish orqali O'zbekiston uchun eng maqbul modelni taklif etishni maqsad qildik. Tahlil davomida Prezident Sh.Mirziyoyevning sohaga oid farmon va qarorlarida belgilangan vazifalar, jumladan, 2022–2026-yillarga mo'ljallangan Yangi O'zbekistonning taraqqiyot strategiyasi [4] va 2023-yil 31-mayda qabul qilgan “O'zbekiston Respublikasining muhim axborot infratuzilmasi obyektlari kiberxavfsizligini ta'minlash tizimini takomillashtirish bo'yicha qo'shimcha chora-tadbirlar to'g'risida”gi qarori asosiy metodologik yo'nalish sifatida olindi [5].

Kiberjinoyatlar profilaktikasining mohiyatini tushunish uchun avvalo “kiberjinoyat” va “profilaktika” tushunchalarining o'zaro dialektik bog'liqligini tahlil qilish lozim. An'anaviy kriminologiyada profilaktika (prevention) deganda, shaxsda jinoyat sodir etish qasdi shakllanishining oldini olish, ijtimoiy muhitdagi salbiy omillarni bartaraf etish va jinoyat sodir etish uchun qulay sharoitlarni yo'qotishga qaratilgan kompleks chora-tadbirlar tushuniladi. Biroq, kibermakon (*cyberspace*) o'zining fizik va huquqiy tabiati bilan an'anaviy jinoyat maydonidan tubdan farq qiladi.

Shu o'rinda, kiberjinoyatlar profilaktikasining an'anaviy profilaktikadan farqli jihatlarini belgilab beruvchi quyidagi asosiy omillarni sanab o'tish lozim topdik:

1. *Transchegaraviylik (Transnationality) omili.* Bunda kiberjinoyatchi jismonan bir davlatda (masalan, Sharqiy Yevropa yoki Janubi-Sharqiy Osiyoda) bo'lib turib, O'zbekistondagi bank tizimiga yoki fuqarolarning elektron hamyonlariga hujum qilishi mumkin. Bu esa profilaktika choralarining faqat milliy chegaralar doirasida cheklanib qolishini samarasiz qiladi va xalqaro hamkorlikning yangi darajasini talab etadi. Xalqaro huquqda, xususan, Yevropa Kengashining *Budapesht konvensiyasida* bu masala markaziy o'rin tutadi, biroq milliy qonunchilikda transchegaraviy profilaktika mexanizmlari hali to'liq shakllanmagan [6].

2. *Anonimlik va masofaviylik omili.* Bunda jinoyatchi o'z shaxsini yashirish uchun VPN, proksi-serverlar, TOR tarmoqlari va shifrlangan messenjerlardan foydalanadi. An'anaviy profilaktikada “profilaktik hisobda turuvchi shaxs” bilan yuzma-yuz ishlash mumkin bo'lsa, kibermakonda

profilaktika obyekti (potensial jinoyatchi) ko'pincha noma'lum bo'ladi. Shu sababli, profilaktika markazi jinoyatchi shaxsidan (*offender-oriented*) jinoyat quroli va muhitiga (*environment-oriented*) ko'chishi lozim.

3. *Latentlik va avtomatlashtirish omili.* Kiberjinoyatlarning aksariyati (masalan, kichik miqdordagi firibgarliklar) ro'yxatga olinmaydi. Bundan tashqari, hujumlar avtomatlashtirilgan dasturlar (*botnetlar*) orqali amalga oshiriladi. Bu inson omilisiz, soniyasiga minglab hujumlarni amalga oshirish imkonini beradi. Shunga yarasha profilaktika tizimi tezkor va avtomatlashtirilgan bo'lishi shart.

Kiberjinoyatlar profilaktikasining nazariy asoslarini o'rganishda milliy va xorijiy huquqshunos olimlarning tadqiqotlari muhim ahamiyatga ega. Ularning qarashlarini qiyosiy tahlil qilish orqali O'zbekiston uchun maqbul ta'rifni shakllantirish mumkin. Hech kimga sir emaski, so'nggi yillarda yangi O'zbekistonda ham milliy huquqshunoslik yo'nalishida kiberjinoyatlar profilaktikasi masalalari faol o'rganilmoqda. Xususan, yuridik fanlar doktori A.K. Rasulev o'z tadqiqotlarida kiberjinoyatlarga qarshi kurashishning jinoiy-huquqiy va kriminologik jihatlarini chuqur tahlil qilgan. Olimning fikricha, kiberjinoyatlar profilaktikasini "jinoyat sodir etilganidan keyingina javobgarlikni ta'minlash" vazifasi bilan cheklab bo'lmaydi. U profilaktikani axborot xavfsizligi konsepsiyasining ajralmas qismi sifatida ko'rib, tahdidlar monitoringi, axborot tizimlari zaifliklarini aniqlash va fuqarolarning raqamli huquqiy ongini yuksaltirishga qaratilgan uzluksiz siyosat sifatida talqin qiladi [7].

Shuningdek, A.K. Rasulev va G.A. Sa'dullayev hamkorlikdagi tadqiqot ishlarida "kadrlar salohiyati" omilini alohida ajratib ko'rsatadilar. Ularning qarashlaricha, eng mukammal qonunlar va texnika ham, agar ularni ishlatadigan malakali mutaxassislar bo'lmasa, profilaktikada o'zining samarali natijasini bermaydi. Shu bois, ular profilaktikaning metodologik asoslari qatoriga "yuqori malakali kiberxavfsizlik kadrlarini tayyorlash" prinsipini kiritishni taklif qiladilar [8]. Tadqiqotchi D. Raxmanov esa kiberjinoyatlar profilaktikasini uch bosqichli tizim sifatida tasniflaydi. Bular:

umumiy ijtimoiy profilaktika – jamiyatda kibermadaniyatni shakllantirish, iqtisodiy va ijtimoiy sabablarni bartaraf etish;

maxsus-kriminologik profilaktika – bevosita axborot tizimlarini himoya qilish, monitoring va tezkor-qidiruv tadbirlarini amalga oshirish;

individual-viktimologik profilaktika – kiberhujum qurboni bo'lish ehtimoli yuqori bo'lgan guruhlar (*yoshlar, keksalar, kichik biznes*) bilan manzilli ishlash[9]. Bu yondashuv amaliyot uchun juda qulay bo'lib, har bir bosqichda mas'ul subyektlarni aniq belgilash imkonini beradi.

J. Umurzakov esa masalaga makroiqtisodiy nuqtai nazardan yondashib, profilaktikani milliy kiberxavfsizlik strategiyalari va CERT (*Computer Emergency Response Team*) markazlari faoliyati bilan bog'laydi. Uning fikricha, profilaktikaning bosh maqsadi – kiberjinoyatlardan ko'riladigan global iqtisodiy zararni kamaytirishdir [10].

Rossiyalik olim K.N. Yevdokimov kompyuter jinoyatchiligiga qarshi kurashishning tashkiliy-huquqiy asoslarini ilmiy tadqiq etar ekan, profilaktika samarasizligining asosiy sababi sifatida qonunchilikdagi bo'shliqlarni ko'rsatadi. Uning ta'kidlashicha, Rossiya Federatsiyasi va MDH davlatlarida profilaktika ko'pincha faqat huquqni muhofaza qiluvchi organlar vazifasi deb qaraladi. Shuningdek, K.N. Yevdokimov "Kompyuter jinoyatchiligiga qarshi kurashish to'g'risida" maxsus federal qonun qabul qilish va unda profilaktika subyektlari, xususan, internet-provayderlar va IT-kompaniyalarning majburiyatlarini aniq belgilashni taklif qiladi [11]. Bu yondashuv yangi O'zbekiston uchun ham dolzarb, chunki xususiy sektorning profilaktikadagi o'rni qonunchilikda yetarlicha aks ettirilmagan. V.G. Stepanov-Yegiyans va M.A. Prostoserdov esa profilaktikani jinoyat huquqi normalarini takomillashtirish bilan bog'laydilar. Ularning fikricha, jinoyat qonunidagi jazo muqarrarligi va sanksiyalarning qat'iyligi (general deterrence) eng katta profilaktik kuchga ega [12].

Shu o'rinda, G'arb kriminologiyasida kiberjinoyatlar profilaktikasiga nazar tashlasak, yondashuv tubdan farq qiladi. Bu yerda "politsiya nazorati"dan ko'ra "boshqaruv" (governance) va "ekologiya" (ecology) tushunchalari ustunlik qiladi.

Kanadalik olim, Monreal universiteti professori Benua Dyupon o'zining "Politsentrik boshqaruv" (Polycentric Governance) nazariyasini ilgari suradi. Uning fikriga ko'ra, kibermakon infratuzilmasi (serverlar, kabellar, dasturlar) asosan xususiy sektorga tegishli bo'lganligi sababli, davlat (politsiya) yolg'iz o'zi jinoyatchilikni nazorat qila olmaydi. Profilaktika markazlashgan emas, balki "politsentrik" bo'lishi, ya'ni davlat, biznes, nodavlat tashkilotlar va xalqaro tuzilmalarning teng huquqli tarmog'iga asoslanishi kerak. Shuningdek, B.Dyuponning fikricha, kibermakonda eng samarali profilaktika – bu "*fragmented networks of cooperation*" (tarqoq hamkorlik tarmoqlari)ni birlashtirish va muvofiqlashtirishdir [13].

Shuningdek, Kembrij va Edinburg universitetlari tadqiqotchilari bo'lgan Ben Kolyer va Elis Xatchings o'zlarining "Kiberjinoyatlarning ijtimoiy ekologiyasi" (Social Ecology of Cybercrime) nazariyasini ishlab chiqqanlar. Ular kiberjinoyatchilikni alohida individlarning harakati emas, balki murakkab ekotizim sifatida ko'rishadi. Bu ekotizimda xakerlik forumlari, qora bozorlar (Darknet), o'qitish xizmatlari va pul yuvish mexanizmlari o'zaro bog'liq holda ishlaydi. Bundan tashqari, aynan B. Kolyerning fikricha, profilaktika jinoyatchini jazolashdan ko'ra, "zararni kamaytirish" (harm reduction) va yoshlarni jinoiy yo'ldan qaytarish (divert)ga qaratilishi kerak [14].

Avstraliyalik olim H. Ho va uning hamkasblari "Situativ jinoyat profilaktikasi" (Situational Crime Prevention – SCP) nazariyasini kibermakonga tatbiq etish bo'yicha keng ko'lamli tadqiqotlar olib borishgan. Ularning tizimli tahlili (systematic review) shuni ko'rsatadiki, kiberjinoyatlarni oldini olishning eng samarali yo'li – bu jinoyat sodir etish imkoniyatlarini texnik jihatdan cheklash (masalan, ikki faktorli autentifikatsiya, murakkab parollar, tarmoq monitoringi) [15].

Yuqoridagi tahlillardan kelib chiqib, shuni xulosa qilish mumkinki, O'zbekiston sharoitida kiberjinoyatlar profilaktikasiga beriladigan ta'rif ham huquqiy, ham texnik, ham ijtimoiy jihatlarini qamrab olishi zarur. Biz olib borilgan o'rganishlardan kelib chiqib quyidagi ta'rifni taklif qilamiz:

"Kiberjinoyatlar profilaktikasi – bu kibermakonda shaxs, jamiyat va davlatning qonuniy manfaatlariga tahdid soluvchi jinoiy qilmishlarning sabablari va sharoitlarini aniqlash, bartaraf etish hamda ularning sodir etilishiga yo'l qo'ymaslik maqsadida davlat organlari, xususiy sektor, fuqarolik jamiyati institutlari va xalqaro tashkilotlar tomonidan polisentrik hamkorlik asosida amalga oshiriladigan huquqiy, tashkiliy, texnik, viktimologik va ma'rifiy chora-tadbirlarning yagona va uzluksiz tizimi".

Mazkur ta'rifda profilaktikaning subyekti sifatida nafaqat davlatni, balki xususiy sektorni ham kiritdik (B. Dyupon nazariyasiga muvofiq) va choralar tizimiga "viktimologik" (qurbonlarni himoya qilish) va "texnik" (SCP nazariyasiga muvofiq) elementlarni qo'shdik.

Shuni alohida ta'kidlash joizki, profilaktika faoliyatining samaradorligi uning metodologik bazasi qanchalik to'g'ri tanlanganiga bog'liq. Jahon amaliyotida sinovdan o'tgan va ilmiy asoslangan bir nechta metodologik yondashuvlar mavjud bo'lib, ularni milliy tizimga implementatsiya qilish bugungi kun davr talabiga aylanmoqda.

Yuqorida ta'kidlanganidek, B. Dyupon tomonidan asoslangan metodologiya kiberxavfsizlikni ta'minlashda davlat monopoliyasidan voz kechishni talab qiladi [13]. Bu metodologiya yangi O'zbekiston uchun quyidagi jihatlari bilan muhimdir:

❖ *Reallikka moslashish.* O'zbekistonda Internet provayderlar, mobil operatorlar (Ucell, Beeline, Uzmobil va boshqalar) va to'lov tizimlari (Click, Payme va boshqalar) xususiy yoki aksionerlik jamiyatlari shaklida faoliyat yuritadi. Kiberjinoyatlarning katta qismi (fishing, kartadan

o'g'rilik) aynan ularning infratuzilmasida sodir etiladi. IIV Kiberxavfsizlik markazi ushbu subyektlar bilan to'g'ridan-to'g'ri, byurokratiyasiz hamkorlik qilmasdan turib, jinoyatlarning oldini ololmaydi.

❖ *Javobgarlikni taqsimlash.* Polisentrik modelda kiberxavfsizlik uchun javobgarlik faqat davlat zimmasida emas, balki xizmat ko'rsatuvchi provayderlar zimmasiga ham yuklatiladi.

Bugungi kunda Jahon Iqtisodiy Forumi (WEF) tomonidan ishlab chiqilgan "Internet provayderlari uchun kiberjinoyatlar profilaktikasi prinsiplari" (Cybercrime Prevention Principles for ISPs) ushbu metodologiyaning amaliy ko'rinishidir. Ushbu hujjat quyidagi to'rtta asosiy tamoyilni o'zida qamrab oladi [16]:

1) *sukut bo'yicha himoyalash (Protect consumers by default).* Provayderlar foydalanuvchilardan xavfsizlikni sozlashni kutib o'tirmasdan, tarmoq darajasida ma'lum bo'lgan tahdidlarni (botnetlar, fishing saytlar) bloklashi shart;

2) *xabardorlikni oshirish (Raise awareness).* Provayderlar o'z mijozlarini mavjud tahdidlardan oldindan ogohlantirib borishi kerak;

3) *ishlab chiqaruvchilar bilan hamkorlik.* Uskunalar (routerlar, modemlar) xavfsizligini ta'minlash;

4) *marshrutlash xavfsizligi (Secure routing).* Internet trafikning xavfsizligini ta'minlash.

Mazkur tamoyillarni bugungi kunda yangi O'zbekistonda milliy qonunchiligiga singdirish va provayderlar uchun majburiy litsenziya talabiga aylantirish profilaktika samaradorligi keskin oshirishga xizmat qiladi.

Shu o'rinda, Ben Kolyer va Elis Xatchings o'zlarining "Ijtimoiy ekologiya" metodologiyasida kiberjinoyatchilikni texnik muammo sifatida emas, balki ijtimoiy jarayon sifatida ko'radilar. Bu metodologiya bugungi kunda yangi O'zbekistondagi yoshlar siyosati bilan bog'liq muammolarning oldini olishga to'g'ridan-to'g'ri xizmat qiladi [17]. Xususan, dolzarb muammo sifatida yangi O'zbekistonda IT sohasiga qiziquvchi yoshlar ko'p, lekin ularning hammasi ham etik (oq qalpoqli) xaker bo'lish yo'lini tanlashmayapti. Aksincha, "Telegram" messenjeridagi yopiq guruhlarda "kading" (karta ma'lumotlarini o'g'irlash) yoki Distributed Denial of Service (ishlashini izdan chiqarishni) hujumlarini o'rgatuvchi elektron qo'llanmalar tarqalishi yoshlarni jinoyat olamiga tortmoqda. Shu kabi salbiy holatlar profilaktikasini kuchaytirish maqsadida kiberjinoyatchilikka moyil yoki "kam darajali" kiberhuquqbuzarlikka aralashgan o'smir-yoshlarga nisbatan jazoga tayangan reaktiv yondashuv o'rniga diversiya (yo'naltirish) dasturlarini joriy etish ilmiy-amaliy jihatdan maqbul hisoblanadi. Bunda asosiy g'oya – yoshning raqamli ko'nikmalarini kriminal trayektoriyadan chiqarib, huquqiy maydonga qayta yo'naltirish, ya'ni majburiy huquqiy-axloqiy (kiberetika) savodxonlik, kiberxavfsizlik kompetensiyalarini oshirish, mentorlik va ta'lim-kasbga yo'naltirishi orqali legitim mehnat bozoriga integratsiya qilishdan iborat. Mazkur yondashuvning institutsional namunasi sifatida Buyuk Britaniyada "National Crime Agency" (NCA) tomonidan muvofiqlashtiriladigan *Cyber Choices* kabi profilaktik dasturlar ko'rsatiladi. Mazkur hujjat qonunbuzarlikka olib boruvchi omillarni barvaqt aniqlash hamda ularni ta'lim va qonuniy kasbiy imkoniyatlarga yo'naltirishga qaratilgan.

Bugungi kunda ushbu ijobiy amaliyotni yangi O'zbekiston sharoitida "One Million Uzbek Coders" tashabbusi va IT Park ekotizimi imkoniyatlari bilan uyg'unlashtirish maqsadga muvofiqdir. Xususan, xavf guruhidagi yoshlarni erta bosqichda aniqlash, ularni maqsadli qayta tayyorlash dasturlari, stajirovkalar va legal startap yo'laklarini ishga tushirish zarur. Bunda diversiya mexanizmlari faqat "ishga joylashtirish" emas, balki qonuniylik, mas'uliyat va raqamli madaniyatni shakllantiruvchi kompleks reabilitatsion model sifatida normativ-tashkiliy jihatdan mustahkamlansa, mamlakatda kiberjinoyatchilikning yoshlar orasida takrorlanish xavfi pasayishiga xizmat qiladi.

Shuningdek, Heemeng Ho tadqiqotlari asosida yaratilgan SCP metodologiyasiga asoslangan nazariya bugungi kunda eng pragmatik va texnik yondashuvdir [18]. U beshta asosiy strategiyaga tayanadi:

– *harakatni qiyinlashtirish (Increase the Effort)* – tizimlarga kirishni murakkablashtirish (2FA, biometriya);

– *xavfni oshirish (Increase the Risks)* – jinoyatchining aniqlanish ehtimolini oshirish (kuzatuv, jurnallarni yuritish);

– *foydani kamaytirish (Reduce the Rewards)* – o'g'irlangan ma'lumotni ishlatib bo'lmaydigan qilish (shifrlash, kartalarni tezkor bloklash);

– *provokatsiyalarni kamaytirish (Reduce Provocations)* – foydalanuvchilarni xato qilishga undamaslik.

– *bahonalarni yo'qotish (Remove Excuses)* – qoidalarini aniq va tushunarli qilish (hech kim "bilmovdim" deya olmasligi uchun).

O'zbekistonda bank sektorida ushbu metodologiya qisman qo'llanilmoqda (SMS xabar-nomalar, Face-ID), lekin davlat tashkilotlari va kichik biznes faoliyatida bu ko'rsatkich juda kam.

Shu o'rinda, so'nggi yillarda mamlakatda amalga oshirilayotgan islohotlar tufayli Prezident Sh. Mirziyoyevning tashabbusi bilan 2022-yil 15-aprelda "Kiberxavfsizlik to'g'risida"gi qonun qabul qilindi [19]. Mazkur Qonunda "kibermakon", "kiberjinoyatchilik", "kiberhimoya" kabi tushunchalar ilk bor qonun darajasida mustahkamlandi. Shuningdek, Davlat xavfsizlik xizmati kiberxavfsizlik sohasidagi vakolatli davlat organi etib belgilandi. Bundan tashqari, davlat organlari va tashkilotlariga o'z tizimlarining xavfsizligini ta'minlash majburiyatlari yuklatildi.

Bundan tashqari, mazkur islohotning mantiqiy davomi sifatida 2023 yil 31-mayda Prezident Sh. Mirziyoyev tashabbusi bilan mamlakatda "O'zbekiston Respublikasining muhim axborot infratuzilmasi obyektlari kiberxavfsizligini ta'minlash tizimini takomillashtirish bo'yicha qo'shimcha chora-tadbirlar to'g'risida"gi qarori qabul qilindi [20]. Mazkur Qaror bilan "Muhim axborot infratuzilmasi" tushunchasi va uni himoya qilish mexanizmlari joriy etildi. Bu qaror profilaktika nuqtai nazaridan inqilobiy ahamiyatga ega, chunki birinchi marta davlat nazorati nafaqat davlat organlariga, balki strategik ahamiyatga ega bo'lgan xususiy sektor (banklar, aloqa operatorlari, energetika) obyektlariga ham tatbiq etildi. Qaror doirasida:

- muhim axborot infratuzilmasi obyektlarining yagona reyestri shakllantirildi;
- ularni toifalash (o'ta muhim, muhim, o'rta) tartibi belgilandi;
- "kiberxavfsizlik markazi" tomonidan muntazam audit o'tkazish tizimi yo'lga qo'yildi.

Biroq, tahlillar mavjud qonunchilikda quyidagi huquqiy bo'shliqlar mavjudligini ko'rsatmoqda:

birinchidan, bugungi kunda "Kiberxavfsizlik to'g'risida"gi qonunda "profilaktika" so'zi deyarli ishlatilmaydi. Qonun ko'proq texnik himoya va insidentlarga reaksiya qilishga (response) qaratilgan. Kriminologik profilaktika (sabablarni o'rganish) chetda qolgan;

ikkinchidan, Jinoyat kodeksining 168-moddasi (Firibgarlik) va 169-moddasi (O'g'rilik) kiberjinoyatlarning o'ziga xos xususiyatlarini (masalan, kriptovalyuta o'g'riligi, o'yin akkauntlarini buzib kirish) to'liq qamrab olmaydi. Bu amaliyotda jinoyatlarni noto'g'ri malakalashga sabab bo'lmoqda;

uchinchidan, muhim axborot infratuzilmasi obyektlaridan tashqari bo'lgan xususiy kompaniyalar (internet do'konlar, yetkazib berish xizmatlari) uchun mijozlar ma'lumotlarini himoya qilish bo'yicha aniq profilaktik majburiyatlar Yevropa Ittifoqida amal qiladigan GDPR (General Data Protection Regulation)da belgilanmagan [21].

Mazkur huquqiy bo'shliqlarni bartaraf etish maqsadida bugungi kunda Yevropa Ittifoqining yangi NIS2 direktivasi (Network and Information Security Directive) kiberxavfsizlik sohasidagi eng ilg'or hujjat hisoblanadi [22]. Mazkur xalqaro hujjatning milliy qonunchilikdan farqi shundaki, NIS2 da "Risk-based approach" (Riskka asoslangan yondashuv) markaziy o'rinda turadi. O'zbekistonda xavfsizlik talablari ko'pincha "qolip" (checklist) asosida belgilanadi. NIS2 da esa tashkilotlar avval o'zlariga xos risklarni baholashi va shunga mos choralarni ishlab chiqishi shart. Bu resurslarni tejash va samaradorlikni oshirishga xizmat qiladi. Shuningdek, NIS2 da rahbarlarning shaxsiy javobgarligi (hatto lavozimdan chetlatishgacha) belgilangan. Bizda esa javobgarlik ko'pincha IT-mutaxassis darajasida qolib ketmoqda.

Bundan tashqari, O'zbekiston hali Yevropa Kengashining "Kiberjinoyatchilik to'g'risida"gi konvensiyasiga qo'shilmagan. Shu o'rinda, rossiyalik olim K.N. Yevdokimovning tanqidiy qarashlariga qaramay, ushbu Konvensiya transchegaraviy dalillarni olish va ekstraditsiya masalalarida eng samarali xalqaro vosita hisoblanadi [23]. O'zbekistonning ushbu Konvensiyaga qo'shilishi yoki uning normalarini milliy qonunchilikka to'liq implementatsiya qilishi profilaktika imkoniyatlarini kengaytirgan bo'lar edi.

Yuqorida bayon etilgan tahlil natijalariga tayanilgan holda, kiberjinoyatlar profilaktikasini takomillashtirishga qaratilgan bir qator kompleks takliflarni ilgari surishni maqsadga muvofiq deb bildik. Takliflar konseptual jihatdan "jazodan keyin emas, jinoyatdan oldin" (prevention-first) tamoyiliga asoslanib, huquqbuzarlik yuzaga kelishidan oldin uning sabab va shart-sharoitlarini bartaraf etishga qaratilgan tizimli yondashuvni nazarda tutadi.

Jumladan, Jinoyat kodeksining "Atamalarining huquqiy ma'nosi" bo'limiga kiberjinoyatchilik sohasida qo'llaniladigan qator yangi tushuncha va ta'riflarni kiritish taklif etiladi. Mazkur normalarni qonun darajasida aniq belgilash amaliyotchi xodimlar uchun kiberhuquqbuzarliklarni huquqiy jihatdan to'g'ri kvalifikatsiya qilish, ularning o'zaro farqlarini aniq ajratish hamda profilaktika chora-tadbirlarini maqsadli va manzilli tashkil etishda muhim metodologik asos bo'lib xizmat qiladi.

Kibero'g'rilik (Cyber-theft) – axborot tizimlari, telekommunikatsiya tarmoqlari yoki raqamli to'lov vositalaridan foydalanish orqali, jabrlanuvchining ishtirokisiz yoki uning rozilgisiz, texnik vositalar (zararli dasturlar, maxsus kodlar) yordamida o'zganing mulkini yoki mulkiy huquqlarini (shu jumladan raqamli aktivlarni) yashirin ravishda talon-toroj qilish.

Kiberfribgarlik (Cyber-fraud): – kibermakonda ijtimoiy muhandislik usullari, soxta veb-resurslar (fishing), elektron to'lov tizimlaridagi zaifliklardan foydalangan holda, o'zgani aldash yoki ishonchini suiiste'mol qilish yo'li bilan mulkni yoki mulkiy huquqni qo'lga kiritish.

Shuningdek, Jinoyat kodeksining I bobiga (Vazifalar va prinsiplar) quyidagi yangi prinsipni kiritish maqsadga muvofiq:

"10'-modda. Kiberxavfsizlikni ta'minlash va raqamli huquqlarni himoya qilish prinsipi

Jinoyat qonunchiligi va huquqni qo'llash amaliyoti davlat, jamiyat va shaxsning kibermakondagi xavfsizligini ta'minlashga, kiberjinoyatlarning sabab va sharoitlarini proaktiv aniqlashga, risklarni boshqarishga hamda jabrlanuvchilarning raqamli huquqlarini tiklashga ustuvorlik beradi."

Ushbu prinsip davlat organlarining e'tiborini jazolashdan ko'ra himoya qilish va oldini olishga buradi.

Xulosa o'rinda shuni ta'kidlash joizki, kiberjinoyatlar profilaktikasi – bu murakkab, ko'p qirrali va doimiy yangilanib turuvchi jarayon. Amalga oshirilgan tahlillar shuni ko'rsatdiki, yangi O'zbekistonda kiberxavfsizlik sohasida mustahkam siyosiy va huquqiy poydevor yaratilgan. Biroq, tez o'zgaruvchan tahdidlar mavjud mexanizmlarni yanada takomillashtirishni, xususan, profilaktikaning nazariy va metodologik asoslarini qonunchilikda aniq belgilashni talab qilmoqda.

Taklif etilayotgan polisentrik boshqaruv modeli, ijtimoiy ekologiya yondashuvi va situativ profilaktika (SCP) metodlarining milliy qonunchilikka integratsiya qilinishi, O'zbekistonning global kibermakondagi pozitsiyasini mustahkamlashga, eng muhimi, fuqarolarning raqamli dunyodagi ishonchi va xavfsizligini ta'minlashga xizmat qiladi. Prezident Shavkat Mirziyoyev ta'kidlaganidek: "Raqamli iqtisodiyotsiz mamlakat iqtisodiyotining kelajagi yo'q", xavfsiz raqamli iqtisodiyot esa samarali profilaktika tizimisiz mavjud bo'la olmaydi.

Foydalanilgan manbalar / References

1. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining "Raqamli O'zbekiston — 2030" strategiyasini tasdiqlash va uni samarali amalga oshirish chora-tadbirlari to'g'risida"gi PF-6079-son farmoni // <https://lex.uz/docs/-5030957>
2. JSST va O'zbekiston Respublikasining 2025–2030 yillarga mo'ljallangan o'zaro hamkorlik strategiyasi – IRIS // <https://iris.who.int/bitstreams/c6c42bfa-d5f4-420f-a434-d3a3c4514881/download>
3. O'zbekistonda raqamli ekotizimni shakllantirish: davlat xizmatlaridan biznesgacha (IT platformalar tahlili) Qurvonaliyev Lazizbe, accessed January 24, 2026, <https://interspp.com/index.php/vsi/article/download/2846/2063/4048>
4. "O'zbekiston Respublikasining muhim axborot infratuzilmasi obyektlari kiberxavfsizligini ta'minlash tizimini takomillashtirish bo'yicha qo'shimcha chora-tadbirlar to'g'risida"gi PQ-167-son qaror // <https://lex.uz/docs/-6479190>
5. "Muhim axborot infratuzilmasi obyektlari kiberxavfsizligini ta'minlash" / Kiberxavfsizlik markazi // <https://csec.uz/uz/news/-seminarlar/muhim-axborot-infratuzilmasi-obyektlari-kiberxavfsizligini-ta-minlash-mavzusida-seminar-tadbiri-bo-l/>
6. Problematic aspects of international cooperation of the Russian Federation on the fight against cybercrime: Текст научной статьи по специальности «Право – КиберЛенинка» // <https://cyberlenin-ka.ru/article/n/problematic-aspects-of-international-cooperation-of-the-russian-federation-on-the-fight-against-cybercrime>
7. Расулев А.К. Ахборот технологиялари ва хавфсизлиги соҳасидаги жиноятларга қарши курашишнинг жиноят-хукукий ва криминалогик чораларини такомиллаштириш: Юрид. фан. д-ри (DSc) ... дис. автореф. – Тошкент, 2018. – 22–23-б.
8. Расулев А.К., Саъдуллаев Г.А. Кибер жиноятчилик ва ахборот хавфсизлиги: кадрлар тайёрлаш ва қайта тайёрлаш масалалари //Ўзбекистон Республикаси Судьялар олий мақбаи илмий журнали. – 2021. –№ 1(48). –Б.61
9. Рахманов Д. Профилактика киберпреступности. Изучение национального и международного опыта // Bulletin of Science and Practice. – 2024. – Т. 10. – № 1. – С. 449–456.
10. Умурзаков Ж. Профилактика киберпреступности: нынешнее состояние и перспективы развития // Russian Journal of Education and Psychology. – 2024. – Т. 15. – № 1. – С. 1–10.
11. Евдокимов К. Н «Противодействие компьютерной преступности: теория, законодательство, практика». – Москва, 2021. – С. 27–28. // <https://cyberleninka.ru>
12. Степанов-Егиянц В.Г., Простосердов М.А. Prevention of cybercrime in the Russian federation: An integrative and comprehensive approaches // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права 9(2):265-276 DOI:10.17150/1996-7756.2015.9(2).265-276
13. Benoit Dupont "The Polycentric Governance of Cybercrime: The Fragmented Networks of International Cooperation" // <https://shs.cairn.info>
14. Ben Collier, Alice Hutchings "Cybercrime: A social ecology" / Chapter in Book/Report/ Conference proceeding > Chapter (peer-reviewed) > peer-review // <https://www.research.ed.ac.uk/>
15. Heemeng Ho, Ryan Ko, Lorraine Mazerolle, John Gilmour Cheng Miao "Using Situational Crime Prevention (SCP)-C 3 cycle and common inventory of cybersecurity controls from ISO/IEC 27002:2022 to prevent cybercrimes" // <https://watermark02.silverchair.com>
16. World Economic Forum 2020: Cybercrime Prevention Principles For ISPs // <https://www.issan.org/ng/>
17. Ben Collier, Alice Hutchings "Cybercrime: A social ecology" // School of Social and Political Science / <https://www.research.ed.ac.uk>
18. Heemeng Ho, Ryan Ko, Lorraine Mazerolle, John Gilmour Cheng Miao "Using Situational Crime Prevention (SCP)-C 3 cycle and common inventory of cybersecurity controls from ISO/IEC 27002:2022 to prevent cybercrimes" // <https://watermark02.silverchair.com>
19. O'zbekiston Respublikasining "Kiberxavfsizlik to'g'risida"gi qonuni // O'zbekiston Respublikasi Qonunchilik ma'lumotlari milliy bazasi // <https://lex.uz/docs/5960604>
20. "O'zbekiston Respublikasining muhim axborot infratuzilmasi obyektlari kiberxavfsizligini ta'minlash tizimini takomillashtirish bo'yicha qo'shimcha chora-tadbirlar to'g'risida"gi PQ-167-son qaror // O'zbekiston Respublikasi Qonunchilik ma'lumotlari milliy bazasi / <https://lex.uz/docs/6479190>
21. "Muhim axborot infratuzilmasi obyektlari kiberxavfsizligini ta'minlash" // <https://csec.uz/uz/news>
22. The NIS 2 Directive, Final Text // Article 21, Cybersecurity risk-management measures / https://www.nis-2-directive.com/NIS_2_Directive_-Article_21.html
23. Makushev D.I. Problematic aspects of international cooperation of the Russian Federation on the fight against cybercrime // <https://cyberleninka.ru>

KRIMINOLOGIYA

XALQARO ILMIY-AMALIY JURNAL

КРИМИНОЛОГИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

CRIMINOLOGY

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

№1 - 2026 (3)
ISSN 3060-5369

Original-maket O'zbekiston Respublikasi Kriminologiya tadqiqot instituti
Tahririy-noshirlik markazida tayyorlandi

Muharrirlar: B.A. Yarov, G.T. Muminova
Dizayn va sahifalovchi: G.T. Muminova
Texnik muharrir: A.R. Fayziyev

Bichimi 60x40 1/8. Nashriyot-hisob tabag'i 9,5. Adadi 50 nusxa
Bosishga ruxsat etildi 29.06.2026 y. Buyurtma №26/38

O'zbekiston Respublikasi Kriminologiya tadqiqot instituti
Tahririy-noshirlik markazida chop etildi

100187 Toshkent shahri, Mirzo Ulug'bek tumani, Buyuk ipak yo'li ko'chasi, 243
Tel.: +998 (71) 231-39-77 Website: kti.iiv.uz

O'z.KTI

